

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

6. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям и
информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92
Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и мас-
совых коммуникаций
27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua
http://www.j-vaynah.ru

Журнал выходит один
раз в месяц. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГАУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
30.06.14

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЭЗИЯ

Вахит ИТАЕВ. <i>Человек – Вселенная...</i> Стихи.....	2
Муса ШАМСАДОВ. <i>Илланча.</i> Стихаш.....	20
Али ЗАРМАЕВ. <i>Волны жизни...</i> Стихи.....	25
Асхаб АЛИЕВ. <i>Дом.</i> Стихи.....	46
Башир ВИСИТАЕВ. <i>Чем живет мир</i> Стихи.....	57
Валид ДОКАЕВ. <i>Грезы лета...</i> Стихи.....	61

ПРОЗА

Муса БЕКСУЛТАНОВ. <i>И завтра, как вчера.</i> Повесть. Окончание. <i>Перевод с чеч.</i> <i>Микаила ЭЛЬДИЕВА</i>	5
Муса АХМАДОВ. <i>Рассказы разных лет.</i> <i>Перевод с чеч. Натальи КРЫЛОВОЙ</i>	28
Ася УМАРОВА. <i>Серрижа.</i> Рассказ.....	49
Вис-Али ЭБИЕВ. <i>Рассказы.</i>	53
Марем НОХЧИЕВА. <i>«Шубку постирали!»</i> Рассказ.....	63

ГОЧДАР

Антон ЧЕХОВ. <i>Дипломат. Дийцар. Оьрсийн маттара</i> <i>гочдинарг Хьалим БУРЧАЕВ</i>	22
НикЮ ЛОРДКИПАНИДЗЕ. <i>Кортали коьртахь зуда.</i> <i>Дийцар. Гуьржийн маттара гочдинарг</i> <i>Султан МАРГОШВИЛИ</i>	42

ДЕБЮТ

Увайс ШАМАЕВ. <i>Галопом по европам.</i> Рассказ.....	59
---	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тауз ИСС. <i>Азбука</i>	67
-------------------------------	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Казбек ГАЙТУКАЕВ. <i>Я рассказал морю, и море вскипело</i>	74
--	----

ФИЛОСОФИЯ

Вахит АКАЕВ. <i>Экзистенциальные проблемы и культура: от деконструкции к совершенствованию</i>	82
--	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Аюб ДЖУНАИДОВ. <i>Сельские сходки</i>	87
---	----

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Саламбек АЛИЕВ. <i>Чехов на чеченском.</i> <i>Звезда по имени Солнце</i>	92
---	----

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЙДАМИРОВ. <i>«Чечня у нас только одна...»</i>	95
---	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Хадид АЛИЕВ. <i>Художник и гражданин</i>	95
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....	96
---	----

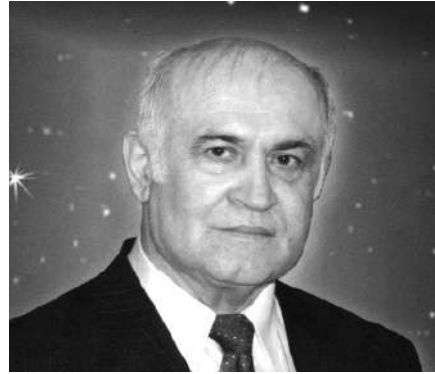
Вахит Итаев**Человек – Вселенная...**

Я неловко по небу скакал.
 Я хрустальную вазу судьбы
 Ненароком разбил о звезду.
 И один ускакал белый конь,
 Из седла меня выбив небрежно.
 И лежал я в просторах глубоких.
 И Небесная Мать наклонилась ко мне,
 Головой на меня покачала:
 – Что ж ты, витязь, коня упустил
 И судьбу свою в бездну посеял?
 Только раз белый конь выезжает,
 Только раз мировая судьба
 Пенный кубок подносит мужчине.
 Ты не стой над разбитой судьбой.
 Не зови ускакавшего коня.
 Потерявший небесные дары,
 Пусть не смотрит на небо с надеждой.
 В хоре ангелов нету тебя.
 Для другого седлают коня.
 Пенный кубок другому подносят.

Когда цветет в ущелье темная ночь
 И вдоль хребтов висят мохнатые тучи,
 И в небе вместо звезд сплошная тьма,
 Поспешно в сердце повторяю я:
 Прекрасна жизнь и грусть глупа.

Когда я слышу: долог путь к добру,
 Отчаявшихся много на планете,
 И с часу на час может так случиться,
 Что все прервет последняя война,
 Поспешно в сердце повторяю я:
 Прекрасна жизнь и грусть глупа.

Я вспоминаю.
 Была одна такая ночь.
 Степь. Луна.
 Как айсберги в затихшем океане,
 Стоят стога.
 И девушки поют.
 Поют так чисто, задушевно,
 Как будто видят рай и Бога.
 И я лежу.
 И песня, как ручей сквозь камыши,
 Сквозь сердце мое тихо льется.
 Так сладко на душе.
 И среди девушек одна –
 Веселая певунья.

Она меня дразнила:
 Мы встретимся с тобой в раю,
 Там будем вместе.
 А здесь в колхозе...
 О нет, о нет!
 Храни свою любовь
 До встречи в небесах.

О чем твои думы, священный Кавказ?
 Ты когда-то родил человечество.
 И сыны растеклись по планете.
 Но забыли сыны, откуда они.
 И ругают тебя, и грозятся мечом.
 Не печалься, священный Кавказ.
 Короток ум у коротких людей.
 Но тот, кто воздвиг небеса,
 Помнит концы и начала.

Миллионы-миллионы лет назад
 Влюбился бронтозавр один
 В одну прекрасную динозавршу.
 И однажды на берегу
 роскошного болота
 Признался ей в любви.
 Красавица взглянула удивленно,
 Потом вскричала возмущенно:
 – Прочь от меня, урод корявый!
 Смотри, чего он захотел.
 И зашагала гордо прочь,
 Закинув голову под облака.
 Но хвост гордячки,
 откушенный мгновенно,
 Уже торчал в зубах
 влюбленного кавалера.

Человек –
 Вселенная, сжатая в точку,
 И сумма всех законов Бытия.

Песня мамы

Маленькая девочка,
Сиреневая веточка.
Ой, какая ты красивая!
Вся ты прелесть дивная!
Ежик по лесу бежал,
Голосок твой услышал
И, забыв свою дорогу
И ежиху – недотрогу,
Как безумный, танцевал.
Маленькая девочка,
Ты такая бабочка,
Ты такая лапочка.
Любит, любит тебя мама
И пушистое солнышко.

Какая роскошная дикость:
Обломки воинственных скал,
Грозный ропот буйной реки,
Золотая парча осеннего леса
И в небе на страже орел горбоносый.

Ответ на печальное письмо друга

Печаль, мой друг, высокое чувство,
Она дана нам вместе с жизнью.
Но долго, друг мой, не печалься.
Чем в бытии быть просто камнем
И вечность пролежать без боли,
Уж лучше боль – любая боль!
Ты выйди мыслью в мир огромный
Иль просто оглянись вокруг.
Земля – прекрасная планета!
Вот сколько лет и сколько зим,
Как образ редкий в наших песнях,
Она кружится вокруг Солнца.
И жизнь еще жива на ней.
Ты пишешь мне, что есть мгновенья,
Когда душа страшней геенны.
Да, это правда.
И я боюсь таких минут.
Зови на помощь все святое
И душу удержи над бездной,
Верни ей облик прежних дней.
Страшись, страшись,
Мой друг, страшись
За грань отчаянья ступить.
О смерти думай без боязни –
Не все во тьму идем мы разом –
Под Солнцем вечно кто-то есть.
Но, если вдруг печаль большая,
Ты выйди в ночь:
О сколько звезд на темном небе
И сколько тайн хранят они.

Быть может, кто-то с тех высот
Глядит сюда и ищет нас.
Или постой в горах высоких.
Я столько чуда видел там!
Вот скачет с гор босой поток.
На трубах сказочных ущелий
Играет ветер песнь свою.
И месяц – вечный герб поэтов! –
Шагает гордо за хребтом.
Да что там долго говорить!
Одной нет точки во Вселенной,
Где б не мерцал волшебный образ.
Возьми его в свое сознание
И к мысли пламенной прибавь.
Ну вот и все.
Гони печаль на край Вселенной.
Земля – прекрасная планета!
Не все во тьму идем мы разом –
Под Солнцем вечно кто-то есть.

Да, странно устроена жизнь,
Соткана не по нашим желаньям:
Надо рыться в земле,
Надо камни дробить,
Надо хлеб каждодневно искать,
Надо глупо болеть,
Надо глупо сгореть.
А потом –
После долгих тревог и мучений
Надо душу костлявой отдать.
Да, странно устроена жизнь,
Соткана не по нашим желаньям.
Кабы было иначе,
Рос бы хлеб, как трава,
Камень сам, если надо, дробился,
И не знать бы болезни
И старость потом –
Через десять и больше веков.
А в конце, путь земной завершая,
Просто легкой походкой
За занавес жизни пройти
И объять бесконечную вечность...
Вот такая – нормальная жизнь! –
О, конечно, была б
Похвалы величайшей достойна.

Смерть заглянула в окно,
Потом заглянула в дверь,
Потом заглянула в сердце.
А в сердце был воинственный порядок,
И смерть сказала:
– Рановато,
Загляну к нему попозже я.

Эпитафия на могиле поэта

И я тут был.
Я тоже видел Солнце.

Эпитафия на могиле лодыря

Здесь отдыхает тот,
Кто и при жизни вечно отдыхал.

Легчайшее дыханье ветерка
Колеблет лунный свет.
Застенчиво поют цикады.
Чуть слышно меж камней
Ручей воркует.
В груди с ударом медлит сердце.
И мысли замерли
В каком-то странном ожиданье.
Вот он – миг гармонии природы.
А точней, случайный взгляд
Прошедшей мимо вечности.

Тридцать лет прошло.
Но зримей настоящего он видел:
Ночь. Луна. Река.
И она вдруг шепчет,
Восторгом тихим опьяненная:
– Смотри, смотри,
Дорожка лунная на воде.
Я поплыву по ней.
Нет, не ходи.
Ты оставайся тут.
Я поплыву одна.
Я буду плыть всю ночь
И доплыву до лунного царства.

К берегу на цыпочках подкралась,
Как бабочку,
Смахнула платье с плеч.
Сто лет или одно мгновенье
Входила в воду.

И поплыла...
Когда она из царств вернулась тех
И вышла из воды,
Какая женщина земли
Могла бы стать ее прелестней?!
Тридцать лет прошло.

Но зримей настоящего он видел:
Ночь. Луна. Река.
Лунная дорожка на воде.
И женщина...
Одна-единственная в мире.

О красота!
Пряжу тысячи ночей потратил я,
Запечатлеть пытаюсь образ твой,
Пока с печалью не постиг,
Что все, что есть
В мирах надзвездных
И в подлунном мире,
К короне твоей робко жметесь –
И ты невыразима.

Сеется, сеется с неба
Мелкий осенний дождь.
И долгая грусть на сердце.
Точно сеется с неба
Одинокая чья-то душа.

В полях широких
Порой ночует ночь такая –
Прозрачная, безмолвная,
Вся сотканная
Из нитей тишины,
Что ни единый звук
К другому звуку перелететь не может.

Сон

Всю ночь черный демон,
Как плащ, мою душу
Набросив на плечи свои,
Носился над нашей планетой.
И что он хотел показать?
Какую подсказывал думу?
Со злом ли знакомил меня
Иль тешил себя моей мукой?
А может, носил он меня
Куда-то еще,
В другие, не наши миры?
Да-да, что-то было такое,
Чего на Земле не бывает.
Было странное море,
И лица, безгрешные лица,
Как будто не знавшие горя.
И музыка, звуки которой,
Воистину, были волшебны.

Муса Бексултанов**И завтра, как вчера**

Повесть

Окончание. Начала в № 5

— После урока директор школы вызвал тебя к себе, Эскиев! — сказала мне Румиса на второй день, когда мы выходили из класса после первого урока.

— Зачем? — спрашиваю.

— Он передо мной не отчитывается! — она собирается уйти.

— А все же? — не отстаю я.

— А тебе мало Тамары Магомедовны, которая не смогла придти на работу и лежит больная из-за тебя? — она уходит, откидывая голову назад.

«Выходит, он уже выписался из больницы», — приходит мне в голову. Наш директор обычно после недели в школе пару месяцев лежит в больнице.

Постучав и ничуть не робея (не в первый же раз), я вхожу в кабинет директора. Взглянув на меня, он хмурится и смотрит на бумаги на столе.

Встретившись взглядом с учеником, он всегда хмурился. Наверное, придавал лицу сердитое выражение. Его понимание педагогики базировалось на том, что учеников надо всегда наказывать, каждый раз напоминая им, что учитель, а директор тем более, прав всегда.

Встретив его вне школы, ты с ним здоровался, но он, заметив, что это ученик, резко хмурился и мычал в ответ что-то неопределенное. Отойдя подальше, оглядывался с таким выражением на лице, словно хотел сказать: «Наступит ли день, когда не нужно будет видеть вас?» А виноват был только сам: он уже двенадцатый год на пенсии.

— Эскиев! — слышу глухое, словно из соседней комнаты. Не зная, что ожидать на этот раз, я молча слегка меняю позу. Он частенько превращал ученика, приглашенного к себе в кабинет, в боксерскую «грушу». — Эскиев! — смотрит исподлобья. — Из соседнего селения в прошлом году одиннадцать выпускников поступили в вузы. А из другого селения — семеро выпускников. Из этой школы не то, что в вузы и техникумы, даже из пятерых выпускников, что я с таким трудом устроил на курсы механизаторов, троих отчислили... Только один единственный выпускник попробовал поступить в университет — лучше бы он сломал себе ногу в тот день, когда эта крамольная мысль пришла ему в голову, — он написал сочинение, в котором утверждал, что его предок в четвертом колене и А. Пушкин были друзьями, тем самым превратив эту школу в посмешище для всей республики! Уже анекдоты сочиняют по этому поводу! К счастью, вовремя обнаружили, что он ненормальный, и сейчас он лечится в «дурке»...

Чтобы не засмеяться, я прикусываю губу. Директор сокрушенно качает головой.

— Это не смешно, Эскиев! — говорит он погодя. — Конечно, не смешно! Это так грустно, что в пору обхватить голову руками и плакать навзрыд, — заканчивает он, болезненно нахмурившись.

— Как с вами можно построить коммунизм? Это разве не вы должны его строить? Но как? С кем? Ты это хоть понимаешь? Вы почему меня мучаете, почему не учитесь? Почему вы не учитесь в вузах Москвы, Ленинграда, Киева? А? Ответь мне хоть раз! Ответь мне на этот вопрос, Эскиев, будь человеком!

Мне захотелось сказать ему: «Как мы можем поступать в вузы, если одна твоя дочь (студентка нефтяного института, которая учится заочно) преподает нам химию и физику, хотя не умеет писать ни одной нормальной формулы? Если вторая дочь — окончив спортфак — преподает нам русский язык (чтобы самой

его выучить), передав физкультуру своему сыну, студенту филологического факультета? И как ты предлагаешь пойти в вуз, если ни одного нормального учителя вы не берете сюда на работу? Даже библиотекарем здесь может работать только ваша родственница. Если одна выходит замуж, ее место в библиотеке сразу же занимает другая. Потом она ждет с замужеством, пока не подрастет еще одна. Когда все они выйдут замуж и на пенсию, тогда и подумаем об этом, Ваше высочество, Мухтар Ильясович!»

— Зачем ты мучаешь Тамару Магомедовну, посвятившую свою жизнь школе и воспитанию вас, не осознающих ее жертву... — понуро смотрит в глаза, как будто хочет сказать: «Ты когда-нибудь уйдешь из этой школы?»

— Какие у тебя проблемы с этими учителями, Эскиев? То ты идешь в районы с требованием уволить завуча, настаивая, что она обозвала детей «свиньями». Тебе дело и до завхоза школы. То ты начинаешь учить преподавателей с высшим образованием, утверждая, что Достоевский, мол, сказал не так, а Толстой вовсе не это имел в виду, как будто ты с ними пировал за одним столом и знаешь их лично! Ради бога, Эскиев, не мучай меня, мне далеко за шестьдесят, а ты в прошлом году лишил меня звания «заслуженного»... Отца твоего найти невозможно. А если прийти к деду и пожаловаться на тебя, то он, лежа на своих нарах, закинув ногу на ногу, во всем винит школу и учителей... Дайте мне нормально хоть на пенсию уйти! Иди, выйди отсюда! Ради бога, выйди отсюда, через пару недель вам предстоят экзамены... иди... — последние слова он произнес тихо, словно просьбу.

Я до сего дня не видел его таким. Мне даже по-настоящему стало его жаль, подумалось про себя (как говорят взрослые): «Наверное, ты пытаешься прокормить свою семью». Говорят, и жена у него стервозная: вроде ее, когда она узнала, что жена директора совхоза купила бриллианты на три тысячи рублей, каждую ночь лихорадит. Кроме того, я слышал, что если человек вдруг неожиданно меняется в лучшую сторону, то, возможно, он скоро умрет. И потому, выходя, я, на всякий случай, пристально посмотрел на него. Кто знает, может, я видел его в последний раз? Хотя цвет лица Мухтара Ильясовича вовсе не вызывал подозрений.

Уже потом, стоя на улице, я все же догадался, почему он говорил со мной так, словно просил.

В прошлом году, в самые студеные в году дни, у нас в школе лопнул радиатор отопления. В ожидании «срочного» ремонта прошла целая неделя.

А дети тем временем продолжали ходить в школу. Однажды сидим на уроке химии, а так как от холода невозможно писать, мы просто сидели и болтали. Хотя мы не очень утруждали себя даже когда в классе было тепло. Урок ведет та самая дочка директора школы, о которой я говорил, студентка нефтяного института.

Я сидел, закутавшись в свое пальто, и мне вдруг пришла в голову шальная мысль написать фельетон о нашем завхозе. Фельетоны я и раньше писал в нашу районную газету... Правда, ни один не был опубликован. Наверное, поэтому (из-за игнорирования редакцией газеты) я этот свой фельетон просто бросил в почтовый ящик, вместо того, чтобы отнести лично.

Через несколько дней — радиатор так и не был заменен — утром во дворе школы остановилась машина. Из автомобиля вылезли несколько человек. И сразу пошли прямо в кабинет директора школы. Один из гостей ходит по школе вместе с завучем и приглашает учеников на всеобщую линейку. Это время после первого урока.

Мы построились в своих пальто и куртках. Некоторые были в шапках.

Приезжий выходит в центр линейки и говорит: «Кто из вас Эскиев Джабраил?» Выхожу из строя на два шага вперед. Я напуган так, что колени дрожат. Это было после того, как я добился, чтобы уволили нашего предыдущего завуча.

— Это ты? — спрашивает он, пристально глядя на меня.—Подойди сюда!

Я подхожу.

— Дай я пожму твою руку! Молодец! Молодец! Именно таким должен быть настоящий комсомолец — невзирая на чины, возраст и заслуги, раскрывающим

недостатки, борющимся с несправедливостью! — он долго тряс мою руку, прежде чем отпустил. Потом высоко поднял над головой свернутую районную газету, которую до сих пор держал в левой руке. Тогда я понял, что натворил. Меня вдруг током или молнией ударило, все бомбы, все, что есть на свете, разом обрушилось на мою голову: в газете был опубликован мой фельетон.

Я не помню его весь, только отрывками.

Система йоги завхоза

Корреспондент: *Товарищ завхоз, а как Вы поняли, что человек способен выдержать практически любой холод, как рыба?*

Завхоз: *Мне с детства нравились йоги, и я даже завидовал их способностям. Они сделали все, что только можно было сделать с человеческим организмом. Я много думал о расходах нашего государства на дрова и уголь. И однажды ночью, заблудившись, мне предстояло провести ночь на морозе, я закрыл глаза и представил себя в песках Кара-Кума. Не прошло и пяти минут, как снег, на котором я лежал, растаял и на том месте выросли красные цветы. И этому я научил всех учеников в школе. А на деньги, выплачиваемые в качестве зарплаты кочегарам, поставил во всех классных комнатах вентиляторы.*

Корреспондент: *А зачем вентиляторы-то, товарищ завхоз?*

Завхоз: *Вентиляторы я поставил на случай, если вдруг ученики увлекутся медитацией о Кара-Куме. Тогда парты могут загореться.*

Корреспондент: *Товарищ завхоз, а Вам известно, что международная общественность приняла решение наградить Вас Нобелевской премией? Наша телефонная линия и телеграф плавятся от напряжения, едва справляясь с потоком поздравительных звонков и телеграмм в Ваш адрес.*

И тут завхоз падает в обморок, напоследок успев попросить отдать часть премии автору фельетона.

Когда гости из райцентра уехали, нас распустили по домам, а завхоза уволили. Правда, он вернулся назад уже весной, одетый в тщательно выглаженный костюм черного цвета и в белой шляпе. Даже впервые надел галстук. Про этот галстук говорили, что он не снимает его, даже ложась спать. На лацкане пиджака болталась медаль, полученная им еще тогда, когда он работал прицепщиком.

После разговора с директором, на улице, мне пришлось в голову, что он, наверное, вспомнил этот случай с завхозом. Иначе зачем ему было разговаривать со мной столь вежливо? Он же постоянно боксирует на учениках, словно собирается бросить вызов Кассиусу Клею.

— Ты чего стоишь, мальчик? Тпу-тпу, — говорит мне одна из техничек. — Почему не на уроке? Тпу-тпу, — они грызут семечки, словно соревнуясь меж собой. Рядом с каждой стоит палка. Они целыми днями грызут семечки и сплетничают. Ни один прохожий не может пройти мимо, не пройдя сначала сквозь их «рентген». Постояв рядом с ними пять минут, можно узнать в подробностях все события не только этого селения или района, но и всей страны.

Когда я вошел в класс, наши мальчики смотрели на меня, словно я вернулся с того света. Найдя все пуговицы на моей рубашке целыми, они очень удивились.

— Послушай, — говорит мне Руслан после звонка, — ты, случаем, не сказал какую-то грубость Айзе вчера?.. Она какая-то грустная сегодня...

— Да не говорил я ей ничего! — отвечаю, вспоминая свое вчерашнее настроение.

Оставшиеся три урока я наблюдал за Айзой. Но она ни разу не посмотрела в мою сторону. Она явно обиделась на меня. И мне почему-то нравилось, что она на меня обиделась.

После уроков я попросил Руслана предложить Айзе пойти домой другим путем. Руслан засмеялся. Он давно знал, что мы с Айзой оба краснеем, когда разговариваем друг с другом.

Айза пошла домой привычным путем по многолюдной, оживленной улице. На деревьях листья. Листья зеленые, большие.

Айза идет немного впереди. Идет не спеша. Глядя под ноги. Изредка бросает взгляд вокруг.

Замечает меня.

— Айза... — окликаю я. Мой взгляд застыл. Застыли и мысли. Даже время остановилось, словно вытянутая струна.

— А? — откликается Айза. Струны рвутся. Я слышу их жалобный звон в своих ушах.

Айза одета во вчерашнее платье. А платье короткое. С каждым ее шагом подол платья поднимается в такт шагам. Появляются подколенные впадины. Исчезают. Появляются. Исчезают.

— Айза, — повторяю снова. Воздух вздрагивает.

— Что-о-о... — слышу. Едва слышу.

Она не оглядывается.

Она пытается не глядеть на меня.

Оглядывается.

Останавливается.

Прохожие идут мимо нее, словно вода мимо камня, застывшего посреди потока.

— Давай пойдем другой дорогой, — прошу я. Не люблю короткую дорогу. Я хочу, чтобы сегодня наш путь был очень длинным, как тропинка по росистой траве, уходящая к краю горизонта.

— Как это? — смотрит в глаза Айза. Исподлобья. На какое-то мгновение в глазах появляется блеск. Я впервые в жизни вижу глаза, наполненные слезами от обиды на меня.

Деревья качаются от легкого ветра. Шуршит листва. По небу плывут белоснежные круглые пушистые облака.

Айза сама поворачивает на другую улицу. Мы оба молчим. Сердце ноет от сладостной, ласковой боли. Все вокруг исчезает: и мир, и душа, и я сам исчезаю. Только где-то глубоко едва ощущаемое чувство счастья.

Снова замечаю белые подколенные впадины. Белые туфли без каблуков. Разрез на ситцевом платье.

— Ты злишься на меня, Айза... Ты на меня злишься, Айза? — говорю я подряд два раза.

Хочу с каждым словом произносить ее имя. Я сегодня впервые слышу ее имя: Айза, Айза, Айза.

— Я совсем на тебя... не злюсь... зачем я...

— Знаешь, как получилось... как... Я смотрел телевизор... Ты слышала, что она сказала: «Я счастлива. Я сына родила!» Понимаешь? Когда я... после этого... пришел ночью... у вас свет в окне не горел...

— Ты зачем туда... Я вчера... Потом я пожалела... Мне не нужно было туда... ты мог подумать...

— Почему... почему ты так говоришь?! Этот телевизор... Анна Герман... Ты принесла мне журнал?

— Я знала, что ты... поэтому остался... Но это же ничего... Твоя мать тоже, наверное... она же хорошая...

— Оставь это, Айза... Дай мне, пожалуйста, журнал...

Она останавливается и кладет сумку на колено. Открывает ее. Достает журнал.

— Вот, — смотрит в глаза. Грустно смотрит. Ресницы опускаются. На щеки ложатся полукруглые тени. Идет вперед.

— Айза... мне... мне ты... я тебя очень...

— Джабраил... не надо... остановись... не говори...

— Что не надо... что не говори...

— Ничего... — убыстряет шаг. Останавливается.

— Ты не иди дальше... Завтра, хорошо? — смотрит на меня. Меня бросает в жаркий пот, услышав ее «завтра». Хочу сказать что-то, но осекаюсь на полуслове.

— До свидания, — уходит. Она идет быстро, чуть ли не бегом, словно ее кто-

то преследует. После ее ухода не остается ничего. Остается только «завтра»: завтра, завтра, завтра.

Сделав несколько кругов, я возвращаюсь домой. Иду медленно. Не хочу торопиться. Хочу забыть все на свете, кроме Айзы. Хочу всех сегодня простить, всем сказать ласковые слова, не спорить ни с кем...

Вижу у нас во дворе «Волгу»-ГАЗ-24.

И тогда все исчезает. Наверняка отец. Что-то они сейчас засуетились, вчера одна, сегодня другой! Что же происходит? Да ничего. В последний раз отец у нас был месяц назад. Видимо, по дороге куда-то завернул, как всегда, «проведать» нас. «Чем занимаешься, парень? Волосы! Волосы!» Вытащит из кармана джинсов и бросит на стол деньги. Не отдаст в руки, а непременно бросит на стол, словно освобождая карман. Изредка купюры, соскальзывая, падают на пол. Я собираю их потом с пола, и в глазах темнеет. Потом он садится в автомобиль. Долго возится, устраиваясь поудобней. «Поехали», — командует своему товарищу, одновременно включая японскую магнитоу, и под визгливые крики поп-музыки исчезает за поворотом.

Потом еще через месяц приедет на другой машине и с другим товарищем. «Проведали стариков. Поехали!» — скажет ему тоже, устраиваясь в автомобиле.

Я вхожу.

— Добрый день всем. Добро пожаловать! — здороваюсь с гостем. Отца не видно в комнате. «Не приехал», — мелькает у меня мысль. Гость мне знаком. Это Патрон, как называет его отец. Патрон ростом меньше меня. Сидящие волосы его кучерявятся. Большой живот выпирает так, что не видно ремня на брюках. При смехе глаза утопают в складках жира.

Хлопая дверями, шумно входит отец:

— Еще не поспела, Патрон, черешня. Не повезло. Дерки, ты все еще молишься... Тебе помогли лекарства, которые я привез, мама? — садится он.

— Кашель прошел, — отвечает бабушка.

— Ассаламу алейкум, ва Рахматуллах. Ассаламу алейкум, ва Рахматуллах, — говорит Дерки, поворачиваясь поочередно к каждому плечу, завершая молитву. — Да хранит тебя Бог, Хамзат. Я не мог говорить, когда ты вошел. И добро пожаловать, — говорит Дерки. Хамзат (Патрон) немного приподнимается, опираясь на стул.

Патрон произносит несколько вежливых фраз в ответ. Дерки начинает читать завершающую молитву.

— Ну-ка, сходи и принеси сверток из машины! — велит мне отец.

Я выхожу.

— Дерки, я принес тебе каракуль. Закажи себе папаху. И краше твоей папахи не будет в этом районе ни у кого! Правда, если кто-то похвалит, ты носить не будешь... Это третий раз я принес ему каракуль, Патрон. Верить мне?

— Каракуль неплохой... да воздаст тебе Бог за него... Джабраил, положи его куда-нибудь, — говорит Дерки.

— Не надо класть никуда! Вы-то свернете его, словно тряпку... Повесьте куда-нибудь, где его моль не достанет, — встречается отец.

Дерки долго молчит.

— Хамзат, — наконец заговорил он, — я расскажу тебе одну историю. Это было до войны, когда люди еще жили в горах. Один терлоевец¹ ночью, приняв за своего кровника — ему донесли, что кровник поедет именно по этой дороге, — по ошибке убил Махму, возвращающегося домой. Он был хорошим мужчиной — гостеприимный, воспитанный, щедрый и честный. И братья простили терлоевцу кровь Махмы. А потом терлоевец простил убийцу своего отца. Свое решение он объяснил тем, что ему стыдно мстить за кровь отца перед братьями Махмы, простившими ему его кровь. И люди искренне благодарили этих благородных людей. Сколько я помню, большего горя, чем убийство Махмы, не было в нашем селении. Раньше, когда умирал уважаемый мужчина, люди целый год блюли траур, не производя выстрела — ни в мишень, ни в зверя — из огнестрельного оружия. А в те времена вся радость молодежи была в оружии. И девушка не

встречалась у родника в своем селении, если только в гостях. У нас в селении жил старик Зубайр. И у этого Зубайра был уже взрослый сын, Алдам. Через две недели после похорон Махмы, старый Зубайр заметил своего сына Алдама выходящим из дома с винтовкой в руках. Зубайр спросил сына, куда он собрался. Тот ответил, что на охоту. «Как это — на охоту? Мы не успели похоронить Махму, а ты на охоту? Я не разрешаю тебе выходить из дома с оружием!» — сказал ему старый отец. После обеда высоко в горах раздался одинокий выстрел. Когда мы выбежали на улицу, то увидели огромную лавину, с жутким воем несущуюся вниз, на дно ущелья. Выстрел был сигналом о помощи, поданным кем-то, кто попал под удар лавины. Не найдя сына Зубайра дома, мы пошли к ущелью. Все ущелье было заполнено влажным снегом. После долгих раскопок снега мы, наконец, нашли бездыханное тело Алдама. Когда мы шли в селение с трупом его сына, на полдороге встретили Зубайра, верхом едущего нам навстречу. Подойдя близко, он велел нам положить труп на землю. Зубайр слез с коня и, опустившись рядом с трупом, долго разглядывал тело своего единственного сына. «Алдам, — обратился он потом к трупу, — я же запретил тебе идти на охоту. Я же не разрешил тебе выходить из дома с оружием. Ты пришел сюда наперекор моему слову... Да повторит твою судьбу любой сын, не слушающийся отца... Да повезет любому сыну, идущему наперекор отцовской воле так же, как тебе сегодня», — закончил он. Зубайр надолго замолк после этого, глядя в лицо своему мертвому сыну. Потом медленно опустился рядом и со слезами на глазах начал гладить тело сына: «Ну зачем, Алдам, я же просил не ходить, я же запретил тебе... Я же не давал тебе своего благословения... Я же любил тебя очень. Ты же мой единственный сын был, мое единственное утешение в мире... Ты же опозорил нас с тобой. Ты выстрелил в меня. Я прощаю тебе все, да простит тебя Бог!» — сказал он. Я никак не могу забыть эту картину, Хамзат. Мертвый сын и сидящий рядом отец, который то ругает его, то ласкает. Зубайр ругал труп не потому, что не любил сына. А потому, что любил слишком сильно. Отец никого и ничего на свете не будет любить больше сына, Хамзат. Чеченцы говорят, что мужчина только своему сыну позволит быть лучше него. И это правда. И нет на земле никого и ничего, что сын должен уважать и чтить выше отца. Даже если сын постоянно будет носить отца на плечах, это никого не удивит. Отец — это отец. Каждый из своих детей — единственный ребенок для отца. По всем из своих детей одинаково болит сердце — одно общее на всех сердце. Пять пальцев на нашей ладони. И каждый занят своей задачей, хотя все они разные. Если один из них заболит, боль приходит ко всем одинаково. Для отца дети тоже так же дороги, а если ребенок единственный — тем более. С моим сыном каждый раз приезжает кто-то новый. Тебя с ним я вижу чаще всех... Совершенно не слушает меня, не считает никого умней себя... Я отдал бы все, чтобы этот мой сын был лучшим сыном на земле...

— Дерки, оставь эти разговоры... Потом, когда останемся одни... Дай спокойно выпить стакан чая! — сказал отец сердито, словно обращался ко мне.

— Валлахи, не оставлю, ни за что! Даю руку на отсечение, если ты не опозоришь этот дом. Мне не нужен был каракуль, тем более, если его нельзя подарить, когда кто-то просит. Мне нужен был сын! Сын нужен! Сын! А его у меня нет. Никакого золота и серебра не нужно. Хотелось сына, как у людей, который живет честной жизнью, имеет свою семью, раз в день приходит проведать нас, богобоязнен... Если ты единственный...

— Надо было тогда иметь... Мне некогда сидеть рядом с тобой... Эти времена, о которых ты рассказываешь, давно прошли... Времена изменились. Мне надо работать. Эта власть не позволяет не работать! — перестает есть отец.

— Если рассчитывать на тебя, то избыток эта власть никогда не дождется. Живи вы в прежние времена, и ты, и тебе подобные исправилась бы давно...

— Патрон, вставай! Нам надо ехать. С кем бы я ни приехал, этот концерт... Пора бы самому знать, — отец выходит, бросая на ходу: — Мы уезжаем!

— Мы пойдем, Дерказ, нам нужно еще быть на работе... До свидания! — встает и неуверенно идет к дверям Патрон.

— Счастливого пути, Хамзат, счастливого пути, — сказал Дерки, спуская ноги с нар и вставая во весь рост. — Передай привет старикам. Проводи их, Джабраил. Позови старую тоже, — добавил он.

Бабушка была на улице. Я знал, зачем она вышла. Она не любила, когда Дерки ругал отца. Умом она понимала, что Дерки прав, хотя и не высказывала это. Но все равно не хотела, чтобы он ругал отца, тем более при чужих. А один отец никогда и не приезжал.

— Он и пацана испортит! — сказал отец Патрону вполголоса, думая, что я не слышу или же просто не обращая на меня внимания.

Патрон оглянулся на меня.

— Оставь эти сказки, парень, учись! — бросил мне отец.

Потом они сели в машину, отец, по обыкновению, долго устраивался, и они уехали.

Мне теперь надо идти в дом. Но мне не хотелось туда. Я знал, что Дерки будет расстроен. Мне было его жаль. Он долго будет сидеть, прикрыв веки, шевеля губами и изредка тяжело вздыхая. Потом приляжет, подложив под голову ладонь. Будет лежать так, глядя в одну точку.

Я таким и нашел его, когда наконец зашел.

— Дерки, почему ты не поешь, — предлагаю я ему, — пока не остыло?

— Не хочется мне что-то, Джабраил, потом... ты же еще не ел... садись, поешь, садись, мой хороший... — говорит он мне ласково.

Я наливаю себе чай и сажусь к нему спиной.

— Джабраил, — слышу из-за спины через какое-то время, — если возможно понять и осознать то, что говорится, у моего сына было на это время... Но он не понял. Кроме него у нас не было никого... Все в руках Всевидящего Бога... Ничего нельзя поделывать, если нет согласия. А согласие — это разум. Истинно так. Если два человека достигли согласия меж собой, то они могут стать проблемой для целого селения, любит говаривать Керим, сын Алдама. И он совершенно прав. Неважно кто — отец и сын, два брата, два друга — если меж ними есть согласие... Ты видел, Джабраил, плетеный забор? Люди, живущие в согласии, подобны ему! Если вытащить два столба из этого забора, он начинает шататься, а если вытащить три — падает. Люди, как гора, когда они вместе. А по одному — камни, которые растаскивают другие люди на свои нужды... Думаешь, я для людей тот же, что был когда-то? Ничуть! Меня не уважает мой собственный сын. Для чужих людей я — старший в роду, а для сына — нет. Дом без старшего мне всегда казался похожим на площадь, которая стоит открытая со всех сторон всем ветрам и по которой ходит всяк, кто хочет. Вот и мой дом превратился в общую площадь...

— Перестань, дай мальчику поесть нормально... Твой дом не превратился в площадь. Он просто работает, старается по мере сил жить, нам все равно недолго осталось на этом свете, не портить отношения, — встряла бабушка.

Дерки ей не отвечает. Долго молчит, а потом снова начинает говорить, как будто сам с собой:

— Всякий раз, когда слышал, что чей-то сын совершил постыдный поступок, я закручивал гайки своему сыну, боясь, что он расслабится. А он, оказывается, изначально родился слабаком... С печатью судьбы никогда не стать сильным. Да не даст ему Бог силу духа! Стоит сказать ему слово, так сразу: «Времена изменились. Прошло это время». Время-то как раз то же самое, только людям стало жить легче. Вот люди и изменились! Тело любит то, к чему его приучаешь... Попробуй пару раз после полуденной молитвы прилечь, после этого каждый раз глаза сами будут закрываться в то же самое время. Вот это и есть все...

Раздается стук в дверь. Потом голос: «Э-эй!» Это наш сосед Висха, как всегда, входит в дом, громко крича. Дерки быстро садится на нары, пока Висха не увидел его лежащим.

— Ох, да будь ты счастлив, львиное сердце! Неужели ты настолько отяжелел? В гостях вдовушка, с пышными, словно пуховые подушки, бедрами, пока ты,

старый хрыч, лежишь дома, как ружье без ремня! Вставай скорее! — говорит Висха с серьезным выражением лица.

— Говоря о бедрах вдовушки, не забудьте уточнить, что вы будете делать с вашими согнутыми, словно луки, спинами, ха-ха-ха, — пытается засмеяться бабушка, словно ей и в самом деле весело.

— Клянусь нами обоими, эти роскошные бедра не для нас с тобой! Кто-то будет втихомолку вести душевные беседы с вдовушкой, а наш удел — жадно облизываться! Не будем выглядеть смешными перед этой женщиной! — Дерки, упираясь руками в поясицу, пытается выпрямить спину.

— Клянусь могилами предков, Дерки, вдовушка хороша! А какая гордая, словно овдовела от потомственного князя! — делает удивленное лицо Висха, вскидывая брови.

— А как же! Ты что думал?! Ты думал, женщина, овдовевшая лет двадцать назад, не будет горделивой? Я бы не удивился, если бы она топнула ногой и оттуда забила родниковая вода! — смеется Дерки, обнимая Висху. — Ну вот, рассказывай теперь, Сапийт в курсе твоих походов? — с улыбкой, как всегда, спрашивает его Дерки.

Когда они были молодыми, Висха как-то поссорился с Сапийт и поехал на свидание к какой-то вдовушке. В процессе общения вдовушка вдруг неожиданно спросила его, а Сапийт в курсе его свидания. Висха ответил, что в курсе. А когда вдовушка сказала, что пошлет к Сапийт гонца с сообщением, что она выходит за ее мужа второй женой, то Висха вскочил, как ошпаренный, и вскричал: «Не надо, она не в курсе! Не позорь меня!»

— Клянусь, Дерказ, вот уже двадцать лет, как она не спрашивает, куда я иду. А знаешь, как хочется, чтобы спросила! Не спрашивает. Кляча постарела, Дерказ, и ушла на пенсию, — качает головой Висха. — Вставай, пошли со мной. Свояченица привезла отменные вишни и клубнику, — говорит Висха, — нам пора идти... А когда она рассказывает о стариках, предлагающих ей руку и сердце, то и мертвый начнет хохотать! Знает, шельма, что у нас только разговоры и остались... Пошли, пошли, — они идут к воротам. Мы с бабушкой провожаем их.

— Смотри, не опозорь меня на старости лет! — кричит бабушка вслед, прикрывая глаза ладонью и улыбаясь. Висха хохочет, а Дерки покашливает, молодцевато проводя рукой по воображаемому усам.

Я гляжу на них и смеюсь. Тоска покидает меня, словно ее и не было никогда. За это я и люблю стариков! Хорошо с ними, у них все как на ладони. А как они умеют скрывать свое плохое настроение! И смеются, скрывая глубокую печаль в сердце. Я теперь верю, что в старину, по рассказам, чеченцы, когда приезжал гость, прятали труп умершего перед его приходом и устраивали в честь него вечеринку.

Как хорошо, что пришел Висха. Если бы он не пришел, то Дерки целый день лежал бы на нарах, разговаривая сам с собой. Старики очень хорошо умеют утешать друг друга, вытаскивать друг друга из ямы уныния. Им весело друг с другом. Только чтобы пообщаться, они отправляются на окраину селения, опираясь на свои тросточки. Мне бы хотелось, чтобы все люди были такими приятными, веселыми, чтобы радовались друг другу...

Бабушка ушла в дом, а я продолжал стоять на улице, когда услышал голоса маленьких детей, возвращавшихся со второй смены из школы. И снова Айза... Потом: «Завтра, завтра, завтра...» — «Ты дальше не иди, не иди дальше». Я всегда в мечтах представлял себе, что девушка при расставании будет говорить мне именно так. Ты мне веришь? А когда сегодня это сказала Айза, у меня от радости дыхание перехватило. Я чуть было не сказал ей, что знал — она скажет именно так. Просто побоялся, что она снова обидится. Я не хочу, чтобы кто-то обижался на меня, особенно без причины.

Проснувшись, я продолжаю валяться в постели. Дерки нет дома. Бабушка сказала, что он пошел вниз по полям побродить с косой, чтобы заодно и травы накосить. Он всегда так делает. Иногда мы идем вместе. У нас нет дома скотины, но Дерки все равно не остановить. Всю скотину он сам распродал,

обосновав свое решение нехваткой места для содержания. У нас в селении и в самом деле негде выпасать скот. Все вокруг вспахано под совхозные посе­вы. Остался только лес. А в лесу скот (особенно крупный рогатый) не выпасается, они топчут совхозные поля. Тогда сторож запирает всю скотину и потом не отдает, пока не заплатишь пять рублей штрафа с головы. И приходится самому пасти скотину, независимо от количества голов. Мы с Дерки тоже пасли их по очереди, один до обеда, после обеда другой. С сельскими коровами и быками, которых пасли в лесу, они никак не хотели оставаться.

А сейчас у нас только один конь, которого зовут Бокаш. О нем Дерки заботится сам. Ты бы видел, какой он упитанный! Он ничем не занят, кроме скачек по полям в свое удовольствие, носится, вытянув хвост трубой.

Дерки говорит, что не может без коня. Мы каждый год заготовливаем для Бокаша большое количество сена. К весне ровно половина из него остается нетронутым. Это сено Дерки раздает людям, раздражаясь, когда они пытаются заплатить за сено. Иногда ругается: «Люди забыли, что доброе дело можно сделать просто так... Куда катится, куда катится мир...»

Отца тоже нет дома. Три дня назад он поехал в круиз по Средиземному морю. Наверное, очень красиво там, на море. Было бы очень хорошо, если бы я мог там побывать, чтобы покататься на катере или на водных лыжах...

Мы уже сдали все экзамены. И завтра выпускной вечер. Последний звонок тоже прозвенел. Какая-то маленькая девочка в белом фартучке и белых бантах бежала перед нами по кругу, звоня в колокольчик. Девочки плакали. Правда, не все. Больше всех разошлась Румиса. Она продолжала плакать даже после линейки, уронив голову на парту и громко всхлипывая.

Некоторые получили грамоты. Румиса получила таких грамот аж две. Одну за учебу, другую — за «удивительные достижения в комсомольской работе...» Это выражение — «удивительные достижения» — использовала в своем выступлении Тамара Магомедовна.

Учителя в праздничных нарядах стояли напротив нас.

Директор школы выступил с длинной речью, энергично помогая себе жестикомацией и перечисляя все наши долги перед родиной... «Вы — наше будущее. Вас ждет двадцать первый век. Это вы должны построить коммунизм, и жить при коммунизме должны вы!» — сказал он, завершая свою речь и аплодируя сам себе. Мы тоже дружно подхватили аплодисменты. Потом была совместная фотосессия. Моя фотография вышла с прикрытыми глазами.

Я радовался, что школа закончилась — надоело без дела ходить туда-сюда, — но было и немного грустно, как бы там ни было, школы больше не будет.

Да и сдача экзаменов тоже имела свою положительную сторону. Самое меньшее — учителя перестали пугать ими. Я для сочинения выбрал свободную тему. И за это поплатился: Таиса Мухтаровна поставила мне тройку. Оказывается, мы с ней смотрели разные сны по ночам! Ложась спать после лукового супа, она видела во сне поля, засеянные луком. А я видел ровно наоборот — земляничные поляны.

Если бы я оставил эту свободную тему и написал сочинение, как и другие дети, на тему из школьной программы, то я получил бы пятерку. Я был уверен в этом на все сто. Ничего для этого не надо было выдумывать — просто напиши, как было в учебниках. Я же попытался написать свое видение, немного выйти в своих рассуждениях за пределы очерченных границ. А этого, оказывается, нельзя было делать. Поэтому и получил тройку.

«Некоторые думали, что они могут учить преподавателей литературы», — сказала впоследствии Таиса Мухтаровна нашим девочкам. Она имела в виду меня. О чем говорит и с кем соревнуется, убогая! Разве не счастлив человек, у которого больше нет проблем и устремлений? Он абсолютно счастлив, как заснувший вечным сном в могиле, которому не грозит просыпание. И кто бы ни сказал, что люди с мелкой душонкой по-настоящему счастливы, он был совершенно прав.

Я ничего не сказал Таисе Мухтаровне. Просто промолчал, вспомнив мудрость

бабушки. Нам недолго оставалось быть вместе, хотя и в прошлом мы не были особенно дружны.

На экзаменах наступил так называемый «звездный час» Тамары Магомедовны. Надо было видеть, как она сидела, словно ее выбрали по меньшей мере президентом страны, с едва заметной полуулыбкой на губах, прищулив глаза, слегка покачивая головой. И в полной мере проявила свой жестокий нрав, словно она была прямым потомком Чингисхана — она довела до слез трех наших девочек и двух мальчиков.

«Тамерлан, я с большим удовольствием ставлю тебе пятерку, — сказала она нашему Иностранцу. — Изумительный ученик!» — обращаясь к Адаму Исаевичу.

Меня она засыпала дополнительными вопросами, по ее мнению — очень глубокомысленными. Революция, война, пленумы, съезды — чтобы отвечать на эти вопросы, учебник истории и не нужен был почти, стоило только открыть сборники стихов некоторых поэтов, и там ты нашел бы все в подробностях, даже год, в котором зима было особенно холодной. А если получить доступ к «Поэтической тетради» нашей Румисы, то все эти поэты могли только нервно курить в сторонке. Она писала стихи с календарем на столе, на каждую знаменательную, по ее мнению, дату. Однажды она сочинила антивоенное стихотворение. Я стихотворение оценил как слабое. Сказал, как было, что в сем шедевре отсутствует не только рифма и образ, но и содержание, что это просто лозунг. За это я едва не получил от нее десять лет каторги в сибирских лагерях, как враг народа! И после этого на каждое очередное стихотворение от нее я бурно аплодировал, стараясь, чтобы она заметила мое рвение. Но будь я проклят, если даже это у меня проходило!.. Реагировала крайне болезненно, думая, что я над ней издеваюсь. Ну ничего у меня не получается по-людски с этой девочкой. И это — одна из причин (помимо всего прочего) моей радости от окончания школы. Ты представляешь себе, Румиса буквально загнала меня в этой школе, преследуя, как тень, пытаюсь поймать меня хоть на какой-нибудь крамоле. В девятом классе из-за нее меня даже исключали из школы.

Стою как-то в коридоре и рассказываю одноклассникам про роман Думбадзе. Там еще была девушка, которая сошла с ума, когда в баню, где она мылась, заскочили какие-то люди и они увидели ее голой. И вот, я как раз рассказываю об этой девушке и причине ее сумасшествия, пытаюсь объяснить это детям в меру своего понимания. И вдруг откуда-то появляется Румиса и говорит: «Аха-а! Я слышала все непристойности, что ты здесь говорил, Эскиев! Я все расскажу директору. Он тебе устроит!»

Я от удивления едва не онемел.

— Не болтай, девчонка, лишнее, — говорю ей. — Пошла бы ты отсюда дальше по своим делам. Будь добра.

— Пошел бы ты, — огрызается она, — подонок!

Совершенно ошеломленный этим, я просто не мог дышать.

Почти минуту я стоял, как истукан, уставившись на нее.

— Что уставился? Хочешь меня напугать? Не получится! — вызывающе уперла она руки в бока.

Смачно харкнув, я плюнул ей в лицо от души, так, что плевок залил ей оба глаза. Я рванулся дать ее в морду, но ребята удержали меня.

Получив такой повод, директор школы срочно собрал всеобщую линейку и исключил меня из школы. Вернее, отправил домой, сказав, что я исключен.

Возвращаясь домой, я вдруг вспомнил футболиста из Грузии, Владимира Гуцаева. Я очень люблю футбол и не пропускаю ни один матч.

Однажды «Динамо» из Тбилиси играло с какой-то московской командой. И среди тбилисцев как раз и был Гуцаев.

И вот игроки другой команды всю пинают Гуцаева со всех сторон, не давая опомниться. Если Гуцаев завладевал мячом, почти вся команда противника накидывалась на него. И потом нечестными приемами все вместе отбирали мяч. Вот Гуцаев бежит с мячом, еле оторвавшись от них. Один догнал и подножкой свалил его. Он быстро вскочил и снова побежал, не отдавая мяч. Второй раз

подсекли. Снова не отдал мяч. От третьей подножки Гуцаев упал плашмя и проехался по полю лицом. Тогда Гуцаев вскочил на ноги и слегка ударил этого футболиста между ребер. В ту же секунду подскочил арбитр со свистком и удалил Гуцаева с поля, показав ему красную карточку. В это время комментатор говорит: «Всем известно, что у кавказцев горячая кровь, но в спорте должно быть все справедливо». Комментатор был прав: спорт, действительно, должен быть честным. «Не сдержался» Гуцаев, слишком «разгорячился», как и я с Румисой.

О, черт! Я только со звонком будильника вспомнил, что в одиннадцать договорился поехать с ребятами в город. А сейчас уже десять. Выпускной же завтра вечером. И многое надо успеть сделать. Нужно встать. И бабушки не видно что-то. Я не застаю ее и во дворе. Она-то хоть куда подевалась, у меня же денег кот наплакал.

– Бабушка-а-а! — зову я, оглядываясь вокруг.

– Что орешь? Заблудился что ли? — это Лиза из десятого «Б» класса, как всегда, веселая.

– Ой, это Вы, Лизавета Хасановна! Далеко ли мы собрались? — задаю я в тон ей вопрос.

– Мы идем в магазин, Джабраил Рамзанович! — кокетливо кривит она губы.

– Как ты можешь идти в магазин, — возражаю я, — сейчас же фильм «Гранатовый браслет» начнется.

– Точно? — останавливается, улыбаясь.

– Точно, — подтверждаю, — «Бедная Лиза».

– Да ну тебя! Лучше причеши свои растрепанные волосы...

– Я видел «его» вчера, Лиза...

– Кого «его»?

– Аэродром.

Не зная, как реагировать, Лиза растерянно молчит. Это ее парень. Он ходит в шляпе с полями такого размера, что на них свободно могло бы уместиться орлиное гнездо. И усы, как на «Автопортрете» Захарова. И всегда мятая папироса в зубах. Он всегда стоит с Лизой, уперев руки в бока, выставив одну ногу вперед и выпятив грудь. На поясе носит широкий ремень с железными шлевками. В эту самую шлевку продета алюминиевая цепочка от часов.

– Если узнает, что ты так о нем отзываешься, Джабраил Рамзанович, он покажет тебе, где раки зимуют, — говорит Лиза, шутливо качая головой.

– Серьезно? — вскрикиваю я.

– Вполне серьезно, ты что, не видел его усов! — уходит она, пританцовывая, зная, что я смотрю ей вслед.

– Лиза-а! — окликаю я ее.

– Ну что тебе еще?! — оглядывается она.

– Давай побежим за котом...

– Если я еще раз пойду по этой улице! Ты со своей Айзой бегай за котом... Думаешь, ты красивый? И не мечтай, не красавец! — хмурится она, уходя. Она всегда говорит, когда злится: «Думаешь, ты красивый?»

Летом она приходила просить у меня рассказ Ч. Айтматова «Джамия». Она читает толстенные романы, лишь бы в них писалось о любви.

И вот, стоим мы с книгой в руках и болтаем у нас во дворе.

– Ой, кот поймал воробья! — вскрикнула Лиза вдруг и побежала. Я тоже побежал за ней. Уронив книгу, Лиза резко остановилась, я по инерции налетел на нее сзади, и мы оба упали. После этого она долго избегала меня. Я при каждой встрече подкалывал ее, предлагая побегать за котом. Правда, никогда не говорил этого при других детях. А Лиза никогда не обижалась. Она вообще не обидчивая. И ко всем относится хорошо. «Все люди хорошие, — говорит она, — если ты относишься к ним хорошо».

Отойдя подальше, Лиза оглядывается. Я поднимаю руки над головой и качаю ими, изображая самолет, делающий посадку на шляпу ее парня. Лиза

показывает пальцем в сторону кладбища. Этим она хочет сказать, что я встречу с мертвыми.

Уже позже, когда я, умывшись, готовил себе соус из сметаны, вошла бабушка.

— Где ты была, бабушка? — спрашиваю у нее, насвистывая мелодию народной песни о любви.

— Я была у Падам... Я вчера видела плохой сон, Джабраил... Моя мать дважды дала мне яблоко со словами: «Держи себя в руках, держи себя в руках», — пристально глядя в глаза. И потом просто исчезла. Когда я вспомнила, что нехорошо брать во сне что-либо у умершего человека, ее уже не было видно... Поэтому я пошла к Падам, чтобы она растолковала мне этот сон... Боюсь за сына, ты же говорил, что он в море...

— Перестань, бабушка. Он не в море! Молодой человек поехал отдыхать! Мир посмотреть, набраться новых впечатлений... О чем ты говоришь? И что говорят писания Падам?..

— Не знаю, Джабраил, сколько бы она ни пробовала, но гадание ничего утешительного не показало! Правда, она сказала, что по некоторым дням у нее не получается... Завтра снова попробую...

— Не волнуйся ты, бабушка, гадание даст результат! Лучше садись, поешь со мной, — я усаживаю ее за стол, несмотря на ее протесты, что ей, мол, надо накормить цыплят.

Едва мы успели доесть, как во дворе послышались голоса и шум.

Я выскочил.

Люди несли Дерки на руках домой. Увидев меня, он попытался улыбнуться. Но вместо улыбки вышла болезненная, мучительная гримаса.

Я кинулся к нему, совершенно потеряв дар речи.

«Уведите мальчика, уведите мальчика!» — приказал кто-то.

Во двор заехало несколько автомобилей. В галошах на босу ногу бежал двоюродный брат моего отца, дядя Изнаур.

Потом люди переодели Дерки в чистое, чтобы везти в больницу.

Бледная бабушка металась в поисках чистых носков.

В больницу мы поехали все, на трех автомобилях.

Дома осталась только бабушка, которая проводила нас, втихомолку вытирая слезы.

Дерки захотел, чтобы рядом с ним сидел я.

Он глухо стонал. Весь покрылся испариной. И все равно пытался шутить. «Неужели твоя свояченица так и останется без мужа, Висха...» — говорил он своему другу.

Висха молча гладил его по плечу.

Когда мы прибыли в больницу, врачи нас всех, кроме Изнаура, вывели из палаты.

Через какое-то время вышла женщина в белом халате и крикнула:

— Внук этого старика здесь? Где он? Заходи...

Дерки лежал на кровати с высоким изголовьем. Дыхание у него было быстрое, с короткими, свистящими вдохами. Лицо было белое, как мел. Рубашка пропиталась потом. Взгляд блуждал, не фокусируясь на чем-то конкретном.

Не в силах что-либо сказать, я молча стоял, глотая слезы.

— Джа... Джабраил... стыд... стыдно должно быть... люди будут смеяться над нами... Эх, этот мир, что ж, теперь уже пора... Хоть он и не стал мне сыном... но тебе отцом будет, Джабраил, будь мужчиной... не урони... честь нашего дома...

Меня увела та самая женщина, сказав, что Дерки нельзя разговаривать.

Потом палату заполнила толпа врачей. У дверей стоял стол на колесиках.

Они забрали Дерки в операционную.

Когда его везли по коридору, Дерки с усилием приподнялся на нарах. Он кого-то искал.

Я с криком кинулся к носилкам.

Кто-то крепко схватил меня сзади.

Потом нас всех вывели оттуда.

Около двух пополудни операция завершилась.

Никого в палату не пускали.

Дерки все еще был под наркозом.

Позднее дали разрешение войти Изнауру.

Он время от времени выглядывал в дверь и говорил: «Еще не пришел в себя, еще в себя не пришел».

Потом наступила ночь.

Перед самым рассветом к главному входу больницы задним ходом подъехала машина скорой помощи.

Люди начали перешептываться.

«Мальчик, мальчик», — услышал я.

— Что случилось? Что случилось? — кричал я, подбегая ко всем по очереди. — Почему вы молчите? Дерки пришел в себя?

Дерки вывезли из больницы на носилках головой вперед молчаливые люди.

Дерки со мной больше не было.

Потом много дней и ночей превратились в непроходящий, мучительный, обрывистый, смутный, кошмарный сон.

Меня тоже не было. Вместо меня был кто-то другой. Он плакал, пряча глаза под надвинутую на глаза шапку. Он был налысо пострижен. Люди уговаривали его не плакать.

Людей было много. Люди заполнили весь мир. Они молились, кружась в зикре. Пели религиозные песни-назмы.

Слова: «Наш несчастный, бедный брат, что престанет перед Тобой», — лишали жизнь всякого смысла.

Когда труп повезли на кладбище, женский плач оглушил весь мир. Мир качался. Трясся. Мир разрушался, рассыпаясь в прах на глазах.

Я не помню, сколько длился этот кошмар, но он долго не проходил, хотя поток соболезнующих людей и уменьшался с каждым днем.

Иногда, в обед или вечером, приходит кто-нибудь. Бабушка не плачет. Молча стоит, оперев взгляд в землю. С бабушкой до сих пор женщины. Они у нас и ночуют.

Со мной Руслан. Он с того самого утра со мной.

Мои одноклассники (кроме некоторых) не пришли, пока не прошли похороны.

Им запретила прийти Тамара Магомедовна. Она напомнила им, что это она составит им характеристику.

Мне было совершенно безразлично, когда они пришли. Какая разница?!

Несколько раз замечал среди людей и нашего директора школы, и некоторых наших учителей.

Говорят, что приезжала и моя мать. Она особенно громко рыдала с криками: «Как мне дальше жить, папа?!»

Однажды около полудня пришел Руслан и предложил прогуляться.

Мы вышли на окраину селения и медленно побрели.

— Подожди здесь! — сказал Руслан, когда мы подошли к фермам.

Я издали увидел приближающуюся к нам Айзу.

— Джабраил... — начала она, глядя мимо меня. Глаза были сухие. Подбородок начал подрагивать. И тогда она тихо, отвернувшись, начала плакать, кусая губы.

Я молча смотрел на нее. Я не в силах был вымолвить ни слово.

— Не надо, Айза... не плачь... не плачь... — выговорил я наконец, глядя на ее босоножки.

Потом мы ушли оттуда, оставив Айзу стоять там.

Мне стало легче оттого, что я встретил Айзу. Понравилось, что она заплакала. Я был рад, что она такая хорошая девочка.

Я получил свой аттестат зрелости. У меня четверки по пяти предметам, по остальным — пятерки.

Четверки были по русскому языку и литературе. Я знал, что в основном будут четверки. Но все равно стало обидно, что получил четверку по литературе. Это был один из моих самых любимых предметов.

Однажды рано утром — еще затемно, — услышав плач бабушки, я выскочил в соседнюю комнату. Обхватив голову руками и цокая языком, на стуле сидел отец.

Бабушка плакала.

— Вот и похоронили вы Дерказа, Джабраил... — сказал он мне. Я вернулся к себе в комнату и заплакал.

Потом снова начали приходиться люди. Снова начались соболезнования.

Женщины рыдали, обнимаясь с отцом.

После обеда люди разошлись. Отец зашел ко мне.

Он долго молча бродил по комнате взад-вперед, заложив руки за спину и изредка роняя: «Ну и положение...»

— Вон кто-то идет, — сказал я, увидев в окно человека.

Накинув пиджак, отец вышел.

Вскоре вернулся в комнату. Сняв пиджак, опустился на стул. Сцепив руки на коленях, долго сидел, уставившись в одну точку.

Пришел еще кто-то. Отец снова накинул пиджак и, что-то бормоча, вышел навстречу гостю.

— Джабраил, — начал он позднее, — что случилось, то случилось... значит, не мог Дерки дальше быть с нами... Ему же было далеко за шестьдесят. Жизнь такова... Смена. Патрон был здесь?

— Я не видел его, — ответил я.

— Откуда он мог это знать, если меня не было дома... пока мне не сказал знакомый таксист в аэропорту... Ох... ох, какое горе... — останавливается посреди комнаты. Смотрит на меня. Кладет руку мне на голову. Долго стоит так.

— Джабраил, — говорит он с видимым усилием, — ты должен это знать... Я не знал об этом горе, когда женился...

— Что? — поднимаю я голову. — Когда? Кто... она...

— Она из Куйбышева...

— Как... оттуда...

— Вот так... оттуда! Там ведь тоже люди живут...

«Ричард дома? Я из Куйбышева... я звонила. Он сказал, в гостинице...» Джинсы. Густые каштановые волосы. Синяя куртка.

— ...У тебя есть сестра, Джабраил, трех лет от роду...

— Что? Три года... когда...

— Бабушке не говори пока, она расстроится. Кто знал об этом положении?! Я сам скажу попозже... У тебя экзамены же прошли уже? У тебя все документы на месте? Я договорился насчет твоей учебы в Москве. Оставь свою блажь насчет художника... Эти несчастные художники и писатели бродят в городе, по десять лет не меняя пары брюк.

— Я пойду в армию, — слышу собственный голос.

— В какую армию?! В армии и без тебя немало людей! Ты поступишь в Торго...

— Я пойду в армию, — повторяю снова.

— Черта с два пойдешь! Заладил мне тут: «армия, армия»... А для кого тогда я старался! А? Я все делал ради тебя, чтобы у тебя было все, как у приличных людей! До сих пор не женился, чтобы тебя не обидеть, чтобы ты...

— Как... не обидеть...

— Вот так! Думал, тебе будет трудно смириться! Чтобы не нанести тебе душевную травму... — останавливается, поправляя на голове шляпу.

«...Зачем ему жена?! Зачем семья?! Для чего ему наследники?! Он же бугай! Племенной бугай! Откормленный для потаскух...»

— Так вот, слушай дальше! Оставь свои разговоры и делай, как я говорю... Нас только двое сейчас! Слышал, как Дерки говорил о согласии... Пойдешь учиться... а потом я куплю тебе и квартиру, и автомобиль... У нас денег много! Молодой ты, потому и глупый... Я тоже был в твоём возрасте таким... Пустой звук. Поймешь после... Знаешь, что говорит Патрон? Этот мир — спелая малина для того, кто умеет им распорядиться. И он прав. Ты видел молодых людей с высшим образованием,

месящих навоз в совхозах? Они такие, потому что не имеют достаточно денег, чтобы умаслить кого надо. Даже имея денег, не будет пользы, если не знаешь, как их употребить... За десять лет, как в этом селении основали совхоз, сменилось шесть директоров! А почему? Потому что не умели зарабатывать и делиться с кем надо заработанным! Понимаешь?! Вот так обстоят дела... Оставь разговоры... Покажи свой аттестат... Так... аттестат неплохой... хорошо. «Характеристика дана Эскиеву...» Слушай, здесь нет какой-нибудь фотографии Дерки, снятой в последнее время? — смотрит он, словно развеселившись.

— Я не знаю... Нет... а может есть... А! Есть. В прошлом году Руслан снял Дерки и Висху вместе...

— Даст Бог, не пройдет и месяца, как я закажу портрет Дерки одному талантливому художнику в Москве, — смотрит в мои бумаги.

«Как это — портрет? Ты же шутишь отец, правда, шутишь? Не надо заказывать портрет, пока не пройдет лет сто, а лучше вообще! Не нужно хранить портрет человека, нужно хранить его дух, его разговоры, его самого.... Если ты повесишь на стену портрет и на том успокоишься, то Дерки сильно расстроится. Человека нужно помнить, думать о нем, мысленно возвращаться к нему. Не портрет нужен... он все стирает, словно освобождает от всех обязательств... Не заказывай, отец, портрет, не заказывай!» — хочу сказать ему.

Не говорю.

Почему?

Когда скажу?

Сегодня. Завтра. Послезавтра.

— «...Любит художественную литературу...» М-да, «...общественную работу...» нормально... Это... Что это... Это что за список, парень?

У отца в руках бумага, которую дал мне дядя Изнауэр. Его самого нет, он в горах, на летних пастбищах. На лбу у отца собирается большая вертикальная складка.

— Это... там все написано... Это было в воскресенье, деньги на почте... — отец меня не слушает. Читает список, ухватившись за него обеими руками.

— И что это за бычок, который стоил полтысячи рублей... Масло, сахар, мед, надмогильная стела, врач... Это же доходит до трех тысяч рублей! Изнауэр потратил свои три тысячи рублей... И что это за похороны, на которые ушли три тысячи рублей?!

«Мне хотелось иметь сына! Но его у меня нет! Никакого серебра и золота не надо... Сына хотелось иметь, сына! Чтобы жил, как люди, имел свою семью, раз на дню приходил проведать нас...»

— Парень, я к тебе обращаюсь! — смотрит прямо в глаза.

— Что ты хочешь от меня? — срываюсь я. — Оставь меня в покое, оставь! Оставь себе свои деньги, свои квартиры, машину... Меня оставь... я не хочу... мне ничего от тебя не нужно... мне... — я не могу дальше говорить. Горло перехватило. Трудно дышать. И тогда я неожиданно освобождаюсь рыданиями. Я убегаю, выбегаю на улицу, бегу, куда глаза глядят.

— Стой! Слышишь меня... стой! — кричит вслед.

Я ухожу. Я не знаю, куда я иду, куда пойду или где остановлюсь. Я хочу идти и идти, не останавливаясь, куда-то далеко, туда, где нет никого, людей, никого...

Я ничком падаю в траву.

И тогда я вижу бабушку, потом Дерки и Айзу... моя Айза... зеленая трава, седой горизонт, какие-то дороги, мои дороги, и завтра, как вчера, — завтра, которое будет такое же однообразное, как сегодня.

*Алтай, Нечунаево,
1986 г.*

Перевод с чеченского Михаила ЭЛЬДИЕВА

*Терлоевец — представитель одного из обществ Горной Чечни.

Муса Шамсадов**Илланча****1**

Ахь д1огахь лам буйххьехь
 Сирлачу ойланех,
 Зарзаран эшарех,
 Маьлхан нур-з1аьнарех
 Лекха б1ов йобттира,
 Дешица кхелина,
 Ирсана лерина.
 Ткъа хьуна адмаша,
 (Хьалха хьан хьайнчара),
 «Тилла ву» – элира.
 «Эрна кьинхьегам бу –
 Тебоьдуш некъ а бац,
 Газ а яц» – элира.
 «Тоьллера цулле а
 Бун йинехь шена.
 Къаналле вахча а
 Хууш вац лела».
 «Ма дика хир яра
 Чохь даьхний лело».
 «Чуваха х1усам яц,
 Яй а бац олла».
 «Ма адам ца хьобгуш
 Хили хьан кхоллам –
 Цъанне а ца оьшу
 Хьан иллеш, хьекъал.
 Бацо д1ахьулдина
 Хьо лелла некъаш».

2

Иштта кхел йира
 Хьо ца вевзачара,
 Доцург а кхоьллира
 Цавезачара.
 Кхин кхетам бацара
 Церан, я хьекъал.
 Царна ца девзара
 Хьан дог, хьан некъаш.
 Тиллачу нахаца
 Хьо девне вацара.
 Ахь-м царна дуьхьал цхьа
 Дош а ца элира,
 Хьо-м царна, пекъаршна,
 Къинт1ера велира.

3

Илланча, хьо веах
 Адамийн дуьхьа,
 Хьайн даг чу тарбина
 Дуьненан бала.
 Харцонна, боданна
 Ваьлла хьо дуьхьал.
 Даим а лаьттар ю
 Ахь йина г1ала.
 Дика ду-кх хьо волуш
 Тхан орцах вала,
 Бодашлахь тхо некъах
 Тилла ца лелийта,
 Диканах тешийна,
 Тхан дегнаш делийта.

Со Нохчийчоьнан бер ду.
 Со Нохчийчоьнан – лаьттан цинц.
 Нохчийчоь сан са ду.
 Со мел гена д1авахарх,
 Нехан мехкан хазалло
 Со мел ч1ог1а лехаварх,
 Б1арлаг1аша тилаварх,
 Нохчийчоьно хьагавой
 Даим а ц1а валаво,
 Шийла шовда маладой,
 Ирсах дог сан 1абадо.

Сох ма чоҕла хьабрчи хIара гIайҕла,
ДIа ца хобцуш сан са буса, дийнахь.
Карзах дуьйлу доҕ а – аьрха айҕлар...
Хаба синтем хир бац мел ву дийна.

Со бIарлагIех хилла Iехавелла.
Суна туьйра тарделлера дахарх.
Ткьа тахана кхийти ваьлча набарх:
Кхозуш ву со бердах тасавелла.

Дагахь доцуш Iа тIекхечи шийла.
Кобрте хьийза ойланаш а гIийла.
Дахар ахь ма тешнабехк би суна...
Амма со кьарвелла гур вац хьуна.

Доҕ ду кьона, кьежбеллехь а корта,
Са ду кьар ца луш сан хьийзаш тIома.
Некьаш ду сан талла дезаш шорта,
Юхаденья езаш – ломахь кIотарш.

ХIай Iожалла, доьху сих ма вехьа –
Декхарш текхна вер ву сизал дехьа.
Ахь хье ца веш жимма витахьара
Толлур яра ас дахаран ареш.

Хьо йовзар, хьо езар
Сан лазам хили..
Хьо ду сан дахаран
ТIаьххьара илли...

Доҕ Iабош, са дузош,
Маьлхан нур мелла,
Седарчийн паналлехь
Хьо хестош лелла,
Вирзи со баланийн
ХIусаме-Ляьтта,
ТIемаш а дагийна,
Некьаш а хаьдда...

Хьо йовза, хьо еза
Сан кхоллам хилла...
Хьо ду сан безаман
ТIам бойна илли.
Амма со ирсе ву –
Ирсах ца тилла...

Кху мукьамо со хьер воккхуш ляьтта,
Зевне аьзнаш нийсса даг чу Iенаш.
Сан са аш ма лехалаш кхин ляьттахь-
И Iаьршашка даьлла дахна гена.

Со ноташ тIехула стигла волу,
ДегIах хьерчаш беттан аьхна серло.
Сан са долу синхаамийн дола,
Кху дуьненан сингаттамех херлой.

Доьлура зезагаш, заздаьлла беш...
БIаьстенан мукьамаш бекара вайна,
Седарчийн доҕIанехь лелара вайша,
Безаман тIемаш тIехь, ирс ловзадеш.

Хьо яра сан даг чохь массо а хенахь.
Сан лазам , баланаш байбора ахь.
Тахана хьо суна ю гена-ганахь,
Язьелла сан дагна кьастаран кьахь.

Хьо уллехь яра со висича дорцехь,
Зерашкахь каҕ а ца елира хьо.
Тахана юха а оьшу хьан орца –
Доккхачу дуьненахь цхьа висна со.

Суна хьан гIо оьшу – ялахьа орцах –
Са ду сан шелделла кху цхьаллин
дорцехь.

Хьан бIаьргаш чохь суна
БIаьсте гора –
Заздаьлла, зевне ека бIаьсте,
Хелхадуьйлуш зезагаш а гора.
Хьан бIаьргаша суна йовхо лора,
Кхин а маьлхан зIаьнарш,
Кхин а гIора.

Хьан безамо суна лора дахар
Туьйранера – цкьа а гина доцу,
Ирс а.
Амма иза хили доца.
Хаац хIинца муха веза ваха
Хьо а йоцуш,
Даг чохь малх а боцуш...

Хьо гIенах а дуьхьал кхин ца йоҕлу...
Дуьне хаздеш стелалад ца догу.
Кхин мел лелар ву те хорам хилла,
Даг чохь лозуш вайн безаман илли?...

Чехов Антон

Дипломат

Дийцар

Титулярни советникан зуда Кувылдина Анна Львовна кхелхинера.

– Хинца хлун дича бакъахъа хир дара те? – кхеташо ян буьйлира гергарниш а, бевзарш а. – Майрачуьнга хайита ма деза. Иза цуьнца лаш ца хиллехъ а, амма хлара кхелхинарг дукхаезаш ма вара. Хъастагла иза йолчу веанера, голаш тлехъ цунна хьалха текхаш вара: «Анночка! Цъхана минотна сан оила кхечунна тлеерзар ахъ маца гечдйир ду суна?» – бохуш юх-юха а. Кхидерг а дерриге, шуна хаа лаахъ, цу кеппара олура. Хайита деза...

– Аристарх Иваныч! – тлейирзира хинцца йоблхучуьра сецна зуда гергарчийн кхеташонехъ дакъалоцуш волчу Пискаревна. – Хьо Михаил Петровичан доттагл ву. Цъхъа хлума дехъа, иза волчу урхалле а глой, хлара бохам хилар цунна длахайтахъа!.. Варийлахъ, хьомсарниг, тле макхаччара дла ма аьллахъ, иза вохарх ларвелахъ, хьанна хаьа, цунна а цхъаь хуьлу. Пекъар. ...Цкъа хьалха хлокху хиллачу бохамна жимма кечве, ткъа цул тлаьхъа...

Полковника Пискаревс хураьшка тлетиллира, тлаккха некыйн урхалле вахара, хинцца зуда длаьялларг глуплакхдеш волчу. Иза шен болх беш лаш карийра цунна.

– Маршалла ду Михаил Петровиче! – дладолйира цо, Кувалдинан стоьла юххе охъа а хууш, юхъа тлера хьацар дла а хьобкхуш. – Маршалла, диканиг! Дала къина а ма ларийла, ма чан а ю-кх урамашкахъ! Язде ахъ, язде... Ас новкъарло йийр яц... Жимма хиъна а лийна, тлаккха длаглур ву... Воглуш ву со, кхетий хьо, кхузашхула тлехваьлла, тлаккха дагада: кхузахъ балхахъ Миша ма ву! Чуваха веза! Вуьшта аьлча... клеьг-мезг глуплакх а ду...

– Хайй те, Аристарх Петрович... Собарделахъ... Сахътан чийрик дладолуш вер ву, тлаккха къамел а дийр ду-кх...

– Язде ахъ, язде... Со-м иштта дла, кхарста араваьллачохъ... Ши дош эр ду, тлаккха – дла а!

Кувалдина къолам охьабиллира, тлаккха ладогла кечвелера. Полковника шен клеьсаркаг кламбира, юха кхидла а дийца волавелира:

– Бурко хлоьттина шун кху чохъ, ткъа урамехъ еккъа цлена ялсамани ю... Малх, мох а бу, иштта... олхазарш... Блаьсте! Бульвар тлехула схьавоглу со, иштта цхъа члогла, кхетий хьо, дог-ойла дика ю!.. Со цхъаннех а возуш стаг вац, зуда елла висина... Сайна цхъанхъа ваха лиин – цига дла а воьду... Лиин – портерни чу глур ву, лиин – конки тлехъ хьала-охъа хахкалур ву, цхъа а вац со сацо бакъо йолуш, цхъа а вац сан цлахъ суна тлаьхъа углуш... Дац, сан ваша, зуда йоцуш дууш дерг санна, дика дуьне... Парглат! Маьрша! Садолуш ву хьо, айхъа садолуш дуйла а хаалуш! Хинцца сайн цла глур ву, кхин хлумма а дац. Цхъаммо а хоттур дац, мичхьахула лела аьлла... Со суо ву-кх сайн коьртан да... Дукхахболчара, сан ваша, доьзал болуш дуу дуьне хестадо, ткъа суна хетарехъ, набахтехъчул а оьшуш хьал ду иштта дахар... Тайп-тайпана бедарш, хьошалгла эхар... эладиташ, цлогла... юкъакара боглу хьеший... цхъаь вукхунна тлаьхъа дуьнен тле дуьйлу бераш... харжаш... Тпу!

– Со волу хьуна, – элира Кувалдина, къолам схъа а оьцуш. – Йоза чекх а даьккхина, цул тлаьхъа...

– Язде ахъ, язде... Дика ду, нагахъ ешапах тераниг ца нислахъ, ткъа нагахъ зударийн коч юьйхина иблис хилахъ? Дийнахъ сарралц екаш, цлийзаш эрг

хилахь?.. Дерриге дуьненна а хезаш углучу хьоле хлоттор ву! Масала, хьох лаьцна аьлча... Зуда ялоза волчу хенахь адамах тера вара, ткъа хлинца ерг ма-ялийннехь, худавелла длавели, гуттар а дог-ойла хъашаелла ву... Хлокху ерриге глалахь нахала ваьккхи... хлусамера аракхоьсси... Хлун ду ткъа кхузахь жоламениг? Иштгачу зудчух къахета а ца деза...

– Тхойша эгларна бехке со ву, иза яц, – доккха садаьккхира Кувалдина.

– Сацал, цхьанделхьа! Иза-м йовзара суна. Оьглазе, шен амалехь, мекара! Цуьнан хлора а дош длаьвше ю ю-кха, муьлхха а хъажар – ира урс. Ткъа цуьнгахь, кхелхинчуьнгахь, цхьана а адамах цаяшар мел члогла дара, и-м дийца а лур дац!

– Кхелхинчуьнгахь бохург хлун ду? – ши бляьрг горгбелира Кувалдинан.

– Иштта аьлла хир ма дац ас: кхелхинчуьнгахь? – юхаййцира ша аьлларг Пискаревс, цлий а луш. – И ас аллане а аьлла ма дац... Ахь хлун до, Дала лалашве хьо... Юьхь-бос а байна хлинца! Хье-хье... Лергашца ладогла, гайца а ца доьглуш!

– Хьо тахана Анюта йолчохь хиллий?

– Гуьйрана чувахара... Гуьллуш яра... Ялхошна тле а чехаш... Длораниг иштта ца диний, кхидерггий... Цхьана а майрачуьнга лалур йоцуш зуда ю! Со ца кхета, иза хьуна хлунда еза, Далла хуур ду-кх цунах дерг... Делан глбьнца, длахоьцур вацара-те хьо цо, ирдоцург... Маршонехь вехар вар-кха хьо, са а кьобрур дара... кхиниг а ялор яра... Хлаь, хлаь, кхин ца дуйцу! Оьглаз ма эха! Ас-м иштта дла бохура, баккхийчу нехан ледалехь... Соьга хаьттича, хьайна ма хетта ваха... Лаьий – еза, лаьий – ма еза, ткъа ас иштта... диканиг луш... Хьобца лаш яц, ахь хлун леладо хаа ца лаьа... и хлун зуда ю тлаккха? Хаза яц, эглаза, амална дера... Цунах къахета хлумма а ма дац... Лийр яр-кха шена...

– Ма атта дуйцу-кх ахь, Аристарх Иванович! – доккха садаьккхира Кувалдина. – Безам – чо бац, сихха бухбаккхалур бац и.

– Еза бахьанаш а ма ду! Хьайх цаяшар доцург, цуьнгара кхин хлума хьуна гина а ма дац. Суна кьинтера валалахь, воккхачу стагана, суна иза бляьрга ган а ца езара... Иза гича а ца мегара! Цуьнан хлусамна тлехволуш, сайн бляьргаш длахаьбос ас, сайна иза цагайтархьама... Далла дика хуур ду цунах дерг! Эхарт дика хуьлда цуьнан, гуттаренна парглато а, амма... ца езара, и кьинош долчу суна!

– Ладоглахьа, Аристарх Иванович... – юьхь тлера бос байра Кувалдинан. – Хлинца ахь шозлагла а эли... Кхелхина ткъа иза?

– Мила кхелхина боху ахь? Цхьа а ца велла, амма сан безам бацар-кха цуьнгахь, кхелхинчуьнгахь... Тпу! Кхелхинчуьнгахь аьлча а, цуьнгахь... Хьан Аннушкехь...

– Елла ткъа иза? Аристарх Иванович, ницкъ ма бехьа суна! Хьо цхьа тамашийна карзахваьлла ма ву, къамелах а вуху... зуда йоцуш дууш долу дуьне а хестадо... Еллий? Хлан?

– Иштта, елла длаяьлла! – бур-бур дира Пискаревс, йовхарш а тухуш. – Муха эли ахь, ваша, дерриге а цхьанаметта... Ткъа иза еллекх а! Дерриге а ду-кх вай лийрдолуш, тлаккха иза а ю-кх яла езаш... Хьо а лийр ву, со а...

Кувалдинан бляьргаш цлийбелира, тлаккха бляьрких буьзира.

– Маса сахьт долуш? – тийна хаьттира цо.

– Цхьа а сахьт долуш а... Хьо-м члегла ма ваьлла хлинца!

– Аристарх Иванович, ас... ас доьху хьобга. Сох кьинхетам бай ма тлехьа!

– Хьобца-м, ваша, къамелдан а мегар дац, хьо жима бер долуш санна. Ас-м ма ца элира хьобга, иза длакхелхина? Ца элирий? Хьо воьхна стенна хьийза? Ваха а глой, бляьрг тоха – дийна ю! Со чувахча, дейише багалееш яра... Цу чохь мозглар Матвей ву доланаш доьшуш, ткъа иза ерриге хлусамаш ладийна мохь хьобкхуш ю.

– Хлун доланаш? Уьш стенна деш ду?

– Доланашший? Иштта дла... дакха длахьарчорна оьшуш дерш санна. Аьлча а, доланаш дан а дацара, иштта цхьа хлума дар-кха... хлумма а дацара.

Аристарх Иваныч кьамелах вуьйхира, хьала а глеттина, корехьа дла а вирзина, йовхарш етта вуьйлира.

– Йовхарш кхетта суна, ваша... Мичахь шелвелла а хаац.

Кувалдин а хьалаглеттира, синтемах воьхна, стоьлана гонах хьавзира.

– Корта хьовзийна ахь сан, – элира цо, дегочу куьйгашца шен маж а хьееш. – Хлинца кхетта... дерригенах кхетта. Суна-м хаац, стенна оццул дахдина хлара маслалатдар. Схьа ма-воггтура хлунда ца олу? Кхалха ма кхелхина иза?

– Кх-м... Муха эр дара и хьобга? – белшаш хьала-охьа яхийтира Пискаревс. – Елла аьлча а, иштта дла... Хлан, хлинца хьо велха волавели. Дерриге а ма ду вай кхалха дезаш! И цхьаь хилла ма ца ла кхалхаезарг, дерриге длаглур ду вай эхарта! Нахана а гуш воьлхучул, дола дийр ду-кха! Куьйган ишарца ламаз мукъана а де!

Эха минотехь лаьттира Кувалдин аьрта хьажар Пискаревна тле а доьгна, тлаккха, цхьа ирча юьхь-бос а байна, гланта тле охьа а воьжна, белхар дан хлоьттира. Стоьлашна хьалхара хьалалилхира цуьннан белхан накьостий, цунна глдан хьалхира. Пискаревс клесарклаг кламбира, юьхь кхолийра.

– Беккъа цлена бала бу-кх иштта нах, вайн Делора, – глам-глим дира цо, куьйгаш дласа а тосуш. – Воьлху... ткьа мича бахъанина воьлху, хаттал? Миша, хьо кхетамах-м ца воьхна? Миша! – Кувалдин дласаветта волавелира. – Цкъа хлинца а елла ма яц и! Иза елла, хьан аьлла хьобга? Мелхо а, хлинца а дегайовхо ю, ма боху льяраша. Миша! Хлай Миша! Ас ма боху – ца елла. Хьуна лаьий, цхьаьна иза йолчу воьду вайшиь? Длаерзоран доланаш чекхдовлале длакхоч... аьлча а, ас хлун до? Доланашка аьлча а, делкъана хлума юучу хенахь., Мишенька! Сох тешахьа, хлинца а дийна ма ю иза! Дала таizar дойла суна! Ши бляьрг схьаэкхийла сан! Ца теша хьо? Хлета иза йолчу воьду вайшиь... Хьайна луьург эр ду-кх ахь суна, нагахь... И мичара дагадеьна кхунна, со-м ца кхета? Тахана хилла-кх со кхелхинарг йолчохь, кхелхинарг йолчохь аьлча а... тпу!

Полковника куьг ластийра, туй а кхобссина, урхаллин глшлочуьра аравелира. Кхелхинчун хлусам чу а веана, диван тле охьавуьйжира иза, шен месаш схьалецира шина а куьйга.

– Шашь глуо шу иза волчу! – элира цо гладдайна. – Шашь кечве аш иза оцу хаамна, ткьа со гадвиталаш! Лаац суна! Ши дош бен ас цуьнга аьлла а дац... Цхьа клезиг дла ма къаддийнехь, хьовсийша цкъа, цо лелошдерг! Леш воллу-кх! Кхетамчохь а вац! Хлокхул тлаьхьа-м цлен деши делча а... Шашь глуо шу!..

Оьрсийн маттара гочдинарг Хьалим БУРЧАЕВ

Али Зармаев**Волны жизни**

В суматохе летящего в пропасть дня
Точкой опоры являешься ты.
От насущных проблем уносят меня
О встрече с тобою мечты.

В минуты, когда потерян покой
И мечешься, будто во сне,
Снимает усталость, словно рукой,
Потаенная мысль о тебе.

А когда на душе «кошки скребут»,
И не знаешь, куда себя деть,
Несмотря, что дожди проливные идут,
О тебе начинаю я петь.

Я рад, что могу тебя вспоминать,
Когда грустно и радостно мне.
Жизнь научила любить и прощать,
Доверяться всецело судьбе.

Люблю твой манящий
и преданный взгляд,
Что в омут бездонный зовет.
И в рошу, где ели смиренно стоят
И акация сладко цветет...

На миг представил я себе

На миг представил я себе,
Что стал властителем Вселенной,
Что все вокруг подвластно мне,
Что наделен душой бессмертной:

Смогу я книги написать
И молодым пройти все годы,
Вершин высоких достигать
И влиять на все народы.

Быть палачом или судьей –
Любым законом грозно править,
Не нарушая свой покой.
И к звездам корабли отправить...

Но при условии таком –
Не знать любви и вдохновенья,
И не иметь свой отчий дом,
Не ведать о себе сужденья...

Каким несчастным был бы я,
Лишившись общества друзей!
Счастливым можно быть, когда
Находишь отклик у людей.

Или когда трудом, руками
Взрастишь жемчужный виноград –
И теми райскими плодами,
Пусть угостится стар и млад.

Когда востребован друзьями,
Когда в семье твоей покой –
Или незрелыми стихами
«Терзаешь» ближних ты порой.

Тем, кто в нужде, когда поможешь –
На деле, а не на словах.
Когда ложиться спать ты можешь
С улыбкой детской на устах.

Увлеченье для души

Ночь не длится постоянно,
Ее дневной сменяет свет.
Хоть и не ждешь, беда неожиданно
Вдруг черным делает рассвет.

Все мы находимся во власти
Своей заоблачной звезды.
И нужно ли в порыве страсти
Кивать на горести судьбы?

Ведь горю криком не поможешь –
Уж лучше пояс затяни,
И даже в радости, как можешь,
Ты чувства свои береги.

Притом, найди такое дело
(Ну, хочешь, «хобби» назови),
Чтоб часто сердце твое пело
Всем-всем ненастьям вопреки...

Какое счастье, беззаботно
Подчас забыться у костра,
Листая книги (хоть немодно),
Что в детстве были у тебя...

Да, знаю, что не в нашей воле
Судьбу свою нам изменить,
Но вот должны «вспахать мы поле»,
Чтоб не напрасно жизнь прожить!

И ты не бойся, друг мой детства.
Туда, как прежде, окунься!
И вновь теплом его согрейся,
Там заблудись и обманись.

Успех придет к тебе неожиданно,
Как щедрый дар твоей судьбы.
Держи, друг, форму постоянно,
Ведь вести добрые – в пути!

Утрата

От былой красоты не осталось следа:
Болезнь, что годами в засаде сидела,
Торжествуя, все силы у больной отняла
И сковала движенья прекрасного тела.

Растерянность, боль отражают глаза –
Мысли о том, чтобы на ноги стать...
Но горячая часто выступает слеза
У брата, сестры, что рядом стоят.

Жестокий поставлен диагноз больной,
Не ведает – дни ее сочтены.
Но знают о страшном
 братья с сестрой,
Прогнать обещают злой дух сатаны.

Судьбу невозможно никак обмануть –
Ты тихо покинула мир наш земной.
Никто не сумел здоровье вернуть –
Ни священник, ни врач,
 ни братья с сестрой.

Но вскоре она к нам вернулась... во сне.
Как ангел небесный,
 к своим детям пришла.
И часто сквозь годы, кажется мне –
Что в наших сердцах поселилась она.

В сожженном войною саду

В сожженном войною саду
Расцвели вдруг алые розы –
Как будто б не были в аду,
Как будто б не были морозы...

Как уголь черны, деревья стоят,
Израченные лихолетьем.
В земле сырой хозяева лежат,
Оцепенев навек в объятьях смерти.

Картина страшная стоит вокруг –
Не узнаю я свой поселок.
Немеют губы, пальцы рук,
Саднит в душе моей осколок.

Неужто наступил конец
И мирной жизни не увижу?!
Да, я не «Властелин колец» –
Отчаянье мне гложет душу.

Войну пришлось нам пережить,
Жаль, многих ты уже не встретишь.
Боль невозможно заглушить –
Ведь все подряд войною меришь.

У всех, кто родом из Чечни,
Потери были, расставанья
И неизвестность впереди –
Пока же слезы и страданья.

Лишь розы алые в саду,
как стяг несломленной отчизны,
Унять стремятся боль мою,
Вселяя веру в вечность жизни.

Мне нравится Начало

Был непоседой всегда я,
Вдохновлялся любой ерундой,
И в «процесс» с головой окунался,
Хоть терпел неудачи порой.

И сейчас даже, пусть и усталый,
Бывает, сорвешься вперед.
А потом понимаешь – что талый
Попался под ноги лед.

Вот побежал на свиданье,
Но опять обманули мечты –
«Огонь» не зажгло то «созданье»,
«бумажные» были цветы.

Иль бросишься к месту встречи,
В объятья к новым друзьям –
Но вскоре оставишь их речи,
Не поверив громким словам.

А тут торжество отмечаю –
Союз молодых сердец.
Но вскоре скучать начинаю,
Покидаю и их наконец.

В деле любом мне Начало
Нравится – так, как ты ждешь.
Пока палубу не раскачало,
Мечтою, надеждой живешь.

Все струны приходят в движенье,
Уходишь в процесс с головой.
А время летит как мгновенье,
Оно же играет с тобой.

Ничего, если что-то не вышло –
Попытка важнее всего.
Начало не пытка, не дышло,
Начало – движенье всего.

Утро на селе

Иногда просыпаюсь среди ночи,
Оттого что петух запоет,
Стараюсь уснуть, что есть мочи,
Но сон мой уже не идет.

Во двор выхожу, час уж поздний,
Окунаюсь в прохладу ночи,
Смотрю, как мерцают звезды,
Над спящим селом – одни.

Светом своим они манят,
В неземные просторы зовут –
Как будто свободу мне дарят,
Как будто бы там меня ждут.

Но магия свыше проходит,
И трезвеет моя голова.
И солнце вскоре восходит
Под шум приходящего дня...

Вот кто-то на чем-то поехал,
Встревожив вокруг тишину.
И трактор на поле заехал,
И птички запели в саду.

По пыльной дороге мальчишки
Гонят коров за село.
Фонари еще «по ошибке»
Горят, хотя рассвело.

Звонок зазвенел рядом, в школе,
Созывая детей на урок.
Закипела работа и в поле,
Чтоб могли уложиться в срок...

Уходят люди

Проводив в последний путь,
Каждый раз – сельчан, родных –
Подолгу не могу заснуть,
Я с болью думаю о них.

Не можем знать мы наперед,
Когда пробьет последний час.
Когда сорвется наш полет,
Когда душа покинет нас.

Но знаем, что конец придет,
И жизнь нам не вернуть назад.
А время образ наш сотрет –
Никто о нас не будет знать...

Тоска мне разрывает грудь,
Борюсь с возникшей пустотой –
И знаю: справлюсь как-нибудь –
Я в этой роли не впервой.

Стара как мир сей жизни суть –
Журчит по-прежнему ручей.
И мысли в голове, как ртуть,
Все мечутся от пульса дней:

«И я уйду когда-нибудь,
Журчать оставив тот ручей.
И не смогу тебе вернуть
Свою любовь и блеск очей.

Но не хочу так жизнь замкнуть,
Уйдя навечно в мир иной.
Мне сладко, хорошо и тут,
Покуда рядом ты со мной».

Муса Ахмадов**Рассказы разных лет****На заре, когда звезды гаснут**

И этой ночью он спал беспокойно. Сны, тревожные и жестокие, не оставляли его в последние месяцы. Они давили на него, мучили своей тяжестью.

После полуночи залаял щенок. Его лай то раздавался рядом – под окнами, то звучал приглушенно, словно удалялся: «Ов-ов-ов!»

В тот день впервые и лай собак, и крики петухов, и собственные ощущения – все казалось неслучайным, исполненным какого-то высшего значения, все несло предвосхищение неминуемого несчастья.

Этот тягучий мутный дождь беды шел в течение нескольких месяцев, не переставая ни днем, ни ночью.

Он прятался от дождя под крышу. Но и здесь дождь настигал его, пробивал крышу и обрушивался всей своей тяжестью. У него уже не было сил удержать эту лавину. Некуда было деться – всюду эта круговерть бесконечного дождя.

Только он, он сам мог положить конец этому наваждению. Но он так устал... Да и стоит ли пытаться? Пусть все остается так, как есть... И ближе будет исход, и скорее все завершится. Не нужно будет стаскивать с себя промокшую одежду с кислот, проникающим повсюду запахом влаги. Все глубже в илистую грязь будут погружаться его ноги. Вода поднимется до пояса, подступит к его лицу. Потом он исчезнет, и водную гладь, сомкнувшуюся над ним, затянут водоросли.

Он вспоминает голос, который часто звучал в ушах, заглушая однообразный шум дождя. «Опомнись, возьми себя в руки. Надо же иметь хоть какую-то гордость!» – «Легко говорить, когда живешь в мире, где светит солнце, когда ходишь по сухой земле», – мысленно возражал он. «В жизни каждого из нас были дни, когда потоки дождя сбивали с ног, не давали подняться. Мы все прошли через это, и ты должен пройти. Человек, пришедший в мир и заклинающий: «Пусть меня обходят все беды!» – смешон, как и тот, кто стоит по горло в воде и повторяет истоно: «Пусть я останусь сухим!»

Голос затихал и постепенно таял, как снег на ярком солнце. Или он переставал его слышать?

Но однажды наступил день, когда ему показалось, что дождь стихает. Может быть, дождь отступил перед его терпением. Но ощущение тяжести пространства, наполненного водой, не покидало его. И солнце лишь смутно угадывалось сквозь туманную пелену.

Из дождевой пыли проступила зеленая поляна. Белоснежные овцы разбрелись по ней. Виногато улыбаясь, брат ступает на мягкую траву. Нет, так бывает только во сне: и брат, и поляна, на которой он стоит, и белые овцы – все, что снится ему, исчезнет с его пробуждением, как песчинки в морской воде.

Тело его напрягается, сознание пытается удержать это ослепительное видение. Но тщетно – он просыпается. «Ку-ка-ре-ку...» – надрывно кричат петухи. Да замолчат они наконец?! А вот кто-то завел трактор. Куда можно ехать в такое время?! Теперь и щенок заскулил: «Ов-ов!» – под самым окном. Придется выйти.

Он с усилием открывает глаза и смотрит во тьму. Снова залаял щенок.

Он одевается и осторожно идет по комнате. В темноте нащупывает на столе кусок лаваша, рукой задевает кружку. «Гор-горов», – падает кружка и, дребезжа, катится по полу. Тишина стонет воем собаки, визжит, загнанная в угол. Он толкает дверь в коридор. «За-а-ак, зи-и-ик», – скрипят двери. Он выходит во двор.

Ясная холодная осенняя ночь. В саду лежат черные тени, переплетаются, как прутья. Вдали темнеет лес.

– Гоци, Гоци! – зовет он щенка. Лай стихает. – Что ты? Не спишься? На, поешь, – он бросает кусок лаваша на землю.

«Клац-клац», – щенок рвет хлеб зубами, судорожно проглатывает его и снова начинает скулить.

Гоци, Гоци, я знаю, почему ты воешь. Брат принес тебя в тот холодный вечер, когда от мороза пальцы прилипали к ручке наружной двери. Ты был едва живой от голода и холода. Он выходил тебя, хотя все кругом говорили: «Чего ты стараешься? Нам эта собака все равно не нужна». Он сделал для тебя конуру, положил туда сена, чтобы было теплее. Прежде ты тоже часто лаял – не так жалостно, как теперь, а громко, смело. «Чем не взрослый пес?» – смеялся брат.

Вода. Бескрайнее пространство, заполненное черной водой. Островами на нем вырисовываются силуэты людей. Брат окликает их, но они словно не замечают его или и вправду не слышат? Движения брата скованы – руки и ноги опутаны шелковыми нитями воды. Вода все крепче и крепче пеленает его, не дает шевельнуться. «Эге-гей!» – крик отчаяния рвет тишину ночи. Люди закрывают уши руками. Люди! Услышьте его, он же всем вам делал добро. Люди!

В его затуманенных глазах вспыхивает луч красного закатного солнца. Вспыхивает и гаснет – солнце плачет, роняя на землю языки огня – свои слезы. Нет, это не слезы, это кровь. Кровью сочится солнце – слезы его давно выплаканы, кровью покрывается темная вода.

Гоци, Гоци... Мы оба услышали этот предсмертный зовущий крик, хотя раздался он на другом конце света. Мы устремились на этот крик, но успели только подняться на ту зеленую гору. Поздно, поздно, Гоци...

Он плачет. Жалобно воеет щенок, трется о его ноги. Он смотрит в небо. Слезы высыхают на его лице. Высокие звезды. Пространство, у которого нет ни начала, ни конца. Небо успокаивает, рождает ощущение надежды.

Он возвращается в дом. Двери скрипят. Стонут половицы. Снова кричат петухи.

В соседней комнате громко вздыхает мать. Она тяжело поворачивается в постели, тщетно надеясь унять непроходящую боль. Нана, нана, нана...

Он затихает ненадолго. Проснувшись, видит лишь черноту комнаты – за окном не видно луны. Приближается рассвет.

Он протягивает руку и зажигает свет. Взгляд его скользит по комнате. Печь. Стол. Шкаф. В темноте чудилось, что они перешептываются. Теперь, застывшие в неподвижности, молчат. Он взял со стола зеркало. Черные круги под глазами, тяжелые серые веки, сухие морщины у глаз. Что, молодость уходит? Так быстро? А быстро ли? Ведь возраст человека – не года, а то, что пережито.

Так недавно было... В сумерках над деревьями плывут звуки дечиг-пондура; возвращаются, мыча, коровы с пастбищ; ребятишки гомонят на окраине села. «Где же ты, сладкое время? Ушло, пролетело...»

Тогда они с братом часто играли в прятки в саду. Брат водил, он прятался.

– Знаю, знаю, ты за тем деревом.

– А вот и нет.

– Да!

– Подойди поближе, сам увидишь...

Брат осторожно приближался, а он стремительно выскакивал из-за дерева и мчался к условленному месту. А брат, растерявшись на минуту, бежал за ним вдогонку, а за его спиной полыхал во все небо закат. Кто мог знать в то безмятежное время, что пройдет десять лет и это вечное солнце будет плакать от жалости к нему? Кто мог знать, что земля огласится его зовом, что его отчаянный крик будет рваться во все наглухо закрытые двери?! Кто знал...

Как быстротечна жизнь! Он пытался удержать бег времени, проводя ночи над своими записями. Его рогатка, заброшенная на чердак в далекий

дождливый день, теперь неотступно преследовала его. Камешки, выпущенные из нее, больно врезались ему в спину. Те камешки, которыми он так и не успел пострелять в детстве. Пятна крови проступали на спине.

«Ты все еще с небес не спустишься...» – сказала ты однажды. Ты, как всегда, была права – я так и не спустился на землю. А вот ты прочно стоишь на земле. Твой избранник, наверное, тоже? Вы, должно быть, теперь стали похожи друг на друга. Ты немного пригнулась, а он приподнялся.

Не знаю, правильно ли я жил... Но со мной всегда та весенняя ночь, когда, исписав ворох бумаги, я вышел в сад, легко отворив калитку, и вдыхал аромат влажной от дождя земли, радуясь завершенной работе. И эту радость надо положить на весы.

Каждую пору своей жизни надо принимать без страха и сожалений, не вызывая презрения людей возгласом: «Хочу вечной молодости!»

Как легко работалось тогда, как ясны и светлы были цели. Как бесспорно и близко было их достижение. Так было, а теперь? Что – теперь?! Надо и дальше идти этой дорогой. Она не так ровна, как казалась раньше, она извилиста и камениста...

Он смотрит на книжку, маленькую книжку в его крупных руках. Брат мечтал о ней годами. Сколько карандашей исписал он, а когда последний истаял, превратившись в слова, брат пошел за новым через темные овраги и леса в город, лежащий в огнях за семью горами, но не вернулся и не увидел книгу, которую так ждал...

Она не принесла радости, но дорога сердцу – в ней живут души тех ушедших дней.

Он присел перед печью. «Ночи такие холодные». Нана, нана, ты заботишься обо всех нас, а мы разбиваем твое сердце.

Не погас ли огонь? Он открывает дверцу, разгребает золу. Маленькие угольки тлеют в темном отверстии. Он кладет в печь несколько хворостинок. «Фу-фу!» – дует он на угли. Зола поднимается в печи от его дуновения, летит в глаза. Слабые языки пламени обволакивают хворост. Скоро, на ветру, огонь разгорится во всю силу. Он подкладывает в печь дрова. Выпрямляется, хочет подняться на ноги. Но свинцовая тяжесть, давящая на плечи, заставляет его снова присесть. Откуда она? Ведь он давно уже привык переносить тяжесть дождевых потоков. Появилась новая боль, незнакомая и резкая. И сделала его ношу еще тяжелее. Даже капля боли может опрокинуть, если несешь такую ношу.

Как колет в груди – словно репейник впился в кожу и вжимается все глубже и глубже. Репейник? Ну, конечно же, это он! Это он со смехом швырнул репейник там, в далекой стране. И репейник пронзил его острой болью, а смех, летящий следом, ударился в окно и разбил его.

В детстве за его приятелем закрепилось это странное прозвище – Репейник. Самым любимым его занятием было бросать в прохожих репы. В этом он был неутомим – скрытый высоким бурьяном, он бросал и бросал репы. А если кто-то успевал заметить его в бурьяне, он показывал язык. Так, незаметно, он сам стал Репейником.

- И нравится тебе этим заниматься?
- А чем еще заниматься?
- Можно же найти другие занятия.
- А я могу?
- Можешь. Ну, пошли...

Потом они часто гуляли вместе лунными ночами. Репейник начинал понимать, что Кавказские горы высоки и вершины их покрыты снегом, что осеью журавли улетают на юг и что птицы поют песни.

Никто не мог узнать Репейника: он купил себе галстук, ходил всегда в чистой рубашке. Люди забыли, что он Репейник, хотя иногда, по привычке, и называли его так. Он тоже радовался переменам в Репейнике. Но обманулся:

не стал Репейник другим. И помешала-то самая малость: его необъяснимое пристрастие к словам «тенденция», «резюме». Так и застрял на них.

Мучительно жаль то время, которое он провел с Репейником. А рядом был другой. Теперь уже ничего не изменишь... И все же он представляет, как брал бы брата за руку и они вместе гуляли бы лунной ночью. Он рассказывал бы о звездах, которые так далеко от них – гораздо дальше луны. И тот внимательно слушал бы его и все понимал.

Что значит смех Репейника, нашедший его в непроглядной ночи, в сравнении с вязким тяжелым дождем, груз которого он несет на себе все эти годы?! Что значит этот чужой смех рядом с тягостным раскаянием, которое по ночам сжимает сердце?! Это неиссякающее раскаяние тяжелее пирамиды египетского фараона.

Он осторожно выпрямляется. Боль затихла, и только глухой ее отголосок еще оставался в нем. Он выходит из дома и видит, что тьма рассеивается. Сосед вышел во двор, закурил.

– Ух-кха-кха! – кашляет он.

«Кха-кха», – отзывается эхо.

– Ты тоже встал? Тогда я завожу машину, собирайся.

Он уходит в дом, наскоро собирается. Уже на ходу он садится в машину. Склоны гор в белом налете инея.

На окраине села из полумрака выступает старик. Машина останавливается, старик садится на заднее сиденье. Несколько минут они едут в молчании, но вот старик поднимает руки и начинает шептать молитву. Дорога идет на спуск. Скоро они поравнялись с человеком, спешащим по дороге с портфелем в руках. Не посмотрев на машину, он торопливо продолжал свой путь. Сосед притормозил. Молодой человек потянул дверцу на себя и сел рядом со стариком.

Машина словно плывет по воздуху в предрассветной тишине. Свет ее фар упорно борется с отступающим сумраком.

– И все-таки больше всего я люблю осень. Желтые листья, спелые плоды... – вдруг быстро произносит молодой попутчик.

– Зачем ты говоришь это? – прервав свою молитву, спрашивает старик.

Молодой человек ничего не отвечает.

Откуда ему знакомо это лицо? Где он мог видеть этого человека?

Дорога выравнивается. Он видит, как вдали, на небосклоне, бледнеют и гаснут звезды.

Внезапно всех ослепляет свет фар встречной машины. Она стремительно приближается, но вдруг, вильнув в сторону, начинает крениться и, не удержавшись на дороге, переворачивается.

– О Аллах! – стонет старик.

Сосед останавливает свою машину, все выскакивают и бегут туда. Водитель мертв, его спутник ранен – изо рта у него сочится тонкая струйка крови.

– Нана, нана, что будет с тобой... что будет с тобой... С кем ты теперь останешься... – шепчет он белыми губами.

– Помолись, сынок, – наклоняется к юноше старик.

– Да... да...

Раненого осторожно кладут на траву.

– Что будет с тобой, нана... что...

Старик садится у его изголовья и начинает читать отходную молитву. Он берет из рук молодого человека черный портфель и кладет под голову умирающего.

Их попутчик осторожно вытаскивает свой портфель и торопливо говорит:

– Я очень спешу. Что ты так смотришь на меня? Не узнал? А ведь мы так подолгу бродили с тобой лунными ночами, так задушевно беседовали!

– Неужели Репейник?

– Он самый, – говорит Репейник тусклым голосом и быстрыми шагами уходит в сторону светлеющего неба.

«Эге-эге!» – звучит безнадежный крик о помощи. Но люди закрывают уши.

Он опускается на землю, чувствуя, что силы покидают его. Он видит, как гаснет на небе последняя звезда – звезда рассвета, Венера. И лавина дождя, вязкого дождя беды, прорывает пленку его терпения.

– Нет, теперь я не смирюсь... – шепчет он почти беззвучно и бежит к самому высокому в мире тополи, который стоит, упираясь верхушкой в небо. Он поднимается по стволу все выше, срывает с себя рубашку и закрывает небесную брешь.

Нет, он не сможет держать так долго. Надо пришить рубашку...

– Принесите иголку с ниткой! – кричит он.

– Сейчас, сейчас, сейчас!

Девушка бежит по зеленому лугу, в ее руках иголка и нитки. Синее ситцевое платье, светлые волосы трепещут на ветру. Он вглядывается в лицо девушки и не может ее узнать. Кто она? Неужели это дочь его соседей? Когда же она успела так вырасти?

– Сейчас, сейчас, сейчас!

Он слышит этот крик и из последних сил удерживает невыносимую тяжесть дождя.

1984

Ореховые деревья шумят

Нет, не во сне почудились ей эти звуки. Семилетняя маленькая Лайса уже давно не спит, просто она лежит с закрытыми глазами, прислушиваясь к шуму деревьев за окном. Почувствовав тепло солнечных лучей на лице, Лайса открывает глаза, улыбается яркому утру. Но радость ее быстро гаснет – Лайса чувствует, как пришедшее неделю назад неясное беспокойство снова вернулось к ней.

Это странное чувство было у Лайсы в тот день, когда она только приехала сюда, к своей Бабе. Прошло больше двух месяцев с тех пор, а Лайса и сейчас помнит, как долго она следила взглядом за маленьким желтым трактором, тяжело карабкающимся в гору. Вот он почти скрылся из виду, и у Лайсы из глаз потекли слезы: этот трактор увез ее маму, а она осталась здесь, у Бабы, на все долгое лето совсем одна – без мамы, без отца, без маленького братика Кюйри. Лайса плакала и представляла себе, как мама подъезжает к дому, а отец с маленьким Кюйри на руках встречает ее во дворе.

– Иди ко мне, Лайса, иди к своей Бабе. Если б ты знала, как я по тебе соскучилась! А твоя мама никуда не денется. Тебе понравится здесь, у нас село большое, отсюда и до города можно быстро добраться... А к вам как доберешься? Только на тракторе. Иди, девочка моя, к Бабе, сядь на колени. Ах, какая у тебя маленькая, какая красивая ножка!

*Ножка, ножка, всем ножкам ножка,
Глиной запачканная ножка,
Травой вытертая ножка,
От жира заблестевшая ножка,
Ласканая-заласканая ножка,
Ягнят нежных караулившая ножка,
В танце летящая ножка,
Всем ножкам ножка...*

И Лайса, слушая тогда песенку Бабы, не выдержала, прыснула в ладошку, и грусть ее улетела прочь, словно легкое облачко.

А вечером у Лайсы уже появился приятель Асхад, он был ее ровесник и осенью тоже должен был пойти в первый класс.

Но почему-то в последние дни снова загрустила Лайса. Вот и сейчас ей хочется заплакать. Лайса встала с постели, пригладила свои непослушные,

коротко постриженные волосы и вышла на веранду. Свежий утренний ветерок раскачивал ветви больших деревьев грецкого ореха, растущих у дома. «Шу-шу-шур», – шелестели листья.

Под деревянным навесом Лайса увидела Бабу, разговаривавшую с бродившими по двору курами:

– А ну кыш под навес, не то вас съест лиса! – Баба оглянулась и увидела Лайсу. – А ты, доченька, надень-ка платье, простудишься.

Но Лайса не пошла в дом. Она присела на корточки и, ежась от холода, прислушалась... Шумят деревья, будто разговаривают.

В ту первую ночь в доме Бабы Лайса спала крепко. Но на рассвете она проснулась, разбуженная шумом деревьев, и долго лежала в постели, с удивлением и страхом прислушиваясь к незнакомым звукам за окном. Лайсе казалось, что к их дому приближается гроза, а может, и настоящая буря... А вдруг буря опрокинет их дом?!

– Лайса, – услышала она ласковый голос Бабы, – ты уже проснулась?

– Баба, на улице дождик?

– Дождик? Да что ты, девочка моя! – Баба подошла к окну. – На небе ни одной тучки.

– А шум откуда?

– Это ветер раскачивает ореховые деревья.

И снова шумят деревья, подрагивая на ветру ветвями. Их причудливые тени скользят по двору. Сквозь густую листву едва пробивается солнечный свет.

– Вставай скорее, умойся и поешь, – говорит Баба, продолжая вылущивать из кукурузных початков зерна для кур. Лайса идет умываться. Умывается она тщательно, дважды моет лицо с мылом, насухо вытирается полотенцем, расчесывает волосы. И в этой комнате слышит Лайса тревожный шум орехового сада. Баба говорила, что ореховые деревья посадил вокруг дома ее отец. Он хотел, чтобы и соседи, и прохожие могли полакомиться вкусными орехами. У отца Бабы не было ни одного сына, в семье родилось шесть дочерей. Баба рассказывала Лайсе, каким искусным мастером был ее отец, как ценили люди его золотые руки: а делал отец Бабы крепкие деревянные бочки, мастерил железные печки. Благодаря отцу семья не знала нужды – в доме всегда было мясо. Баба с сестрами запрягали в сани волов и отправлялись в лес за мушмулой.

Теперь у Бабы в живых осталась только одна сестра. Она живет за горой, в большом селе Шали. Недавно она приезжала к Бабе в гости со своим сыном – высоким усатым человеком. Они привезли много разных продуктов: мяса, конфет, вкусных булочек. Сестра Бабы совсем не похожа на Бабу: зубы у нее все целы, а у Бабы, бедной, только три зуба осталось; руки у нее были гладкие и не такие темные, как у Бабы. И говорила она как-то особенно, как та женщина, что по радио разговаривает. Недолго были у них гости: уже к вечеру, распугивая возвращающихся с пастбища коров, укатили они на красивой синей машине. Баба дала им с собой ведро орехов, зеленый лук с огорода, два кружка творога, свежесбитое масло в банке.

Лишь только их машина скрылась за горой, как Баба заплакала. Вообще, Лайса часто видела Бабу плачущей. Однажды Лайса вернулась домой от соседней, где играла с Асхадом, и застала бабушку в слезах. Она сидела на веранде, раскачиваясь из стороны в сторону, то высоко вскидывая руки, то ударяя ими по коленям. Баба громко причитала:

– Маржа!

Лайса очень испугалась тогда, она не знала, что делать. Ей было жаль Бабу.

– Баба! Не плачь, ну, не плачь! – девочка прижалась к старой женщине, провела ладонью по ее лицу.

Так горько плакала Баба по своему погибшему сыну. Двое детей было у Бабы: ее, Лайсы, мать и сын Рамзан. Ему едва исполнилось восемнадцать лет, когда он насмерть разбилсь, сорвавшись на мотоцикле в пропасть. В тот страшный день с утра шел мелкий тоскливый дождь, а уже к полудню солнце палило так нещадно, что весь мир будто плавился в его обжигающих лучах. И разум

Бабы, не в силах постичь происшедшее, плавился в ее горестном крике. С тех пор у Бабы часто болит голова, она плохо спит по ночам, часто стонет во сне, повторяя в беспмятстве имя сына: «Рамзан, Рамзан... Маржа, Рамзан!» Иногда она просыпается с плачем, тогда просыпается и Лайса, от страха и жалости к Бабе она тоже начинает плакать, уткнувшись лицом в подушку.

У-уф! Какая горячая кружка! Лучше перелить молоко в чашку и, дуя на него изо всех сил, потихонечку пить, еще лучше крошить в молоко хлеб и есть ложкой, как суп. И Баба так делает.

– Эх, Лайса, мне бы твои зубы! – часто говорит Баба.

Лайса очень любит круглые чуреки из кукурузной муки, которые делает Баба. Их едят с творогом и со сметаной. А Баба иногда ест их с луком и с солью. Говорит, что так вкуснее. Странный она человек – как лук с солью может быть вкуснее творога со сметаной? Придумает тоже...

Лайса допивает молоко, надевает ситцевое платье с синими цветочками и выбегает из комнаты.

– Постой, ты поела?

– Пойду травы нарву.

– Подожди, пока роса не спадет.

– Ничего.

Лайса бежит в огород. «Шур-шур», – шумят ореховые деревья. Ветер треплет волосы Лайсы, ласкает ее лицо. Лайса вспоминает: «Баба, а что остается от человека после его смерти?» – «Душа, она превращается в ветер...»

«Значит, это сын Бабы, Рамзан, пришел к нам и растрепал мои волосы», – улыбается Лайса. Подол Лайсиного платья уже весь вымок от росы, но она все дальше и дальше забирается в кукурузные заросли и рвет мягкую траву для теленка Мимши. У Бабы, кроме Мимши, есть еще корова Деба и телочка Чама. Баба выгоняет Чаму в стадо, и она пасется на лугу. Деба и Мимши остаются дома. Дебу кормит Баба, а Лайса рвет траву для Мимши. Корова дает траву, которую Баба косит серпом, зеленые кукурузные стебли, чуть подгнившие яблоки, нападавшие в саду. Через две недели корову должны зарезать, а мясо раздадут людям. Баба говорит, что все отданное людям безвозмездно обязательно дойдет и до ее сына. А бедная Деба и не догадывается, для чего ее откармливают, – ест все, что ей приносят. А вот Мимши, если не накормить его вовремя, начинает просяще мычать.

– Лайса, неси скорее свою траву, слышишь, как Мимши орет?! Пузо у него прям разорвалось....

«Зачем ему тогда трава, если пузо разорвалось?» – недоумевает Лайса.

Бабушка рассказывала, что мать их Дебы, крупную белую корову, тоже звали Дебой и она давала очень много молока. Ее унесла стремительная речка, разбухшая от многодневного ливня. В те дни весь небесный океан, казалось, решил опрокинуться на землю. Грохот водных потоков перекрывал все звуки. В оврагах, где прежде не бывало и капли воды, бушевали разъяренные, как драконы, потоки. Они неслись к реке, превратившейся в стремительный водяной вихрь. Он-то и поглотил Дебу. На другой день, когда все стихло, ее нашли внизу, у водяной мельницы.

Когда Лайса только приехала сюда, во дворе у Бабы жил большой белый пес Турпал. Сперва она побаивалась его, обходила стороной, но скоро они подружились, и Лайса смело выносила Турпалу похлебку, а он благодарно терся влажным носом о ее ноги.

А однажды утром Баба и Лайса услышали жалобный вой Турпала. Они нашли пса на взгорке, у края леса. Турпал хрипел и беспомощно сучил лапами, брюхо у него было распорото, на шерсти запеклась темная кровь.

Баба долго смотрела на собаку, потом выговорила будто через силу:

– Это кабан его так... Лучше б я не выпускала Турпала этой ночью. Хотя от своей судьбы никто не уйдет... Жаль, хороший был пес, верный, – Баба наклонилась к Турпалу – хотела хоть как-то облегчить его страдания, но

пес легонько – на большее у него не было сил – укусил руку Бабы. До ночи промучился Турпал, а ночью умер.

С кем же теперь останется Баба, когда она, Лайса, уедет домой?! Мама обещала приехать за ней в день телочки¹. Скоро Лайсе идти в школу – в первый класс. В прошлом году она ходила в нулевой класс. Хотя класс-то у них был какой-то ненастоящий – всего семь человек. Но все равно Лайса лучше всех читала по букварю, да и писать научилась быстро. Правда, Аслан писал лучше.

За то время, что Лайса живет у бабушки, ее дважды навещал отец. Баба передавала с ним подарки – один раз послала штанишки и рубашку для маленького Кюйри, в другой раз – масло, творог и курицу.

Однажды, это было вскоре после отъезда отца, Лайса случайно услышала, как Баба говорила соседке Самарт:

– Не могут они жить как люди... И когда он только за ум возьмется – видно, водка ему дороже всего в жизни!

– Ну а ты что можешь сделать?! Не будешь ведь всю жизнь им помогать.

– Да какая это помощь... – горестно вздохнула Баба.

Лайса до сих пор помнит этот разговор. Очень огорчили ее тогда бабушкины слова: не так уж часто отец выпивает.

Лайса тряхнула головой, чтобы отогнать от себя грустные мысли. Она положила перед Мимши свежую траву и подошла к Бабе, месившей глину. Баба собиралась мазать новый курятник, который поставила в это лето с помощью старика соседа из дома с железной крышей.

Баба перестает месить и спрашивает у Лайсы:

– Ну что, кончила свои дела?

– Да. А можно мне тоже месить вместе с тобой?

– Нет, я и сама справлюсь. А ты лучше-ка пойди собери орехи да покричи погромче «ку-вай», чтобы ястреб не кружил над нашим двором.

Лайса послушно кивает головой, берет синее пластмассовое ведро и начинает собирать орехи, нападавшие под деревьями.

«Почему это братика назвали Кюйри. Ведь коршун плохой и злой, он ворует цыплят. А их Кюйри такой маленький, добрый, он все время улыбается. И ручки, и ножки у него такие маленькие, розовые. А коршун серый...» Скоро Лайса увидит своего брата, скоро она уедет домой – в свое село, пойдет там в школу. Их учительница Тоита Хамидовна опять будет говорить:

– Это стена, а это печь. Это ручка, а это карандаш...

Вот смешная! Кто ж этого не знает?! Лайса теперь сама читать умеет. Однажды даже читала письмо мамы, которое она прислала Бабе. Правда, по-письменному читать было трудно, Баба ей немного помогала, зато Лайса выучила письмо наизусть:

«Со сладким приветом к вам. Как вы там вдвоем живете? Не скучает ли Лайса, не плачет ли она? Нана, пришли нам два кило манки, две соски, колготки для Кюйри – три пары, стаканы, если будут в магазине, купи шесть штук, и еще масло, если есть. Здесь в магазине ничего нету. Мама, как твое здоровье? Мы живем хорошо, Махмуд не пьет уже две недели. Скажи Лайсе, чтобы не скучала. Братишка шлет ей привет. Это его рука».

На обратной стороне листа зеленым карандашом была обведена ручка Кюйри. Лайса приложила свою руку к бумаге. Ее ладошка целиком накрыла зеленый контур, конечно, ее рука гораздо больше маленькой ручки брата.

Лайса представила себе, как она посадит Кюйри к себе на колени, когда вернется домой, возьмет в руки его ножку и запоет:

*Ножка, ножка, всем ножкам ножка,
Глиной запачканная ножка...*

А что же будет с Бабой, когда она уедет?! Кто будет разговаривать с ней, кто пожалеет ее и скажет «не плачь»?! Ведь когда она долго плачет, у нее «голова раскалывается»...

Как было бы здорово, если бы нана, дада и Кюйри приехали жить сюда, к бабушке! Как хорошо зажили бы они все вместе! Мама-то очень хочет этого, а вот дада...

«Нет уж! Хотите, чтобы люди говорили, что Махмуд вышел замуж, чтобы смеялись надо мной?!» – почему дада так говорит? Разве мужчина может выйти замуж? Интересно, через сколько дней придет мама?.. Надо спросить у Бабы. Баба уже купила для Лайсы школьную форму, красивый белый фартук, портфель, тетради, учебники для первого класса, красные туфельки. Баба с Лайсой часто рассматривают обновки, и Баба говорит:

– Самой красивой будет моя девочка...

Лайса радостно смеется, улыбается и Баба, глядя на нее. Когда наступит день отъезда, Лайса позовет свою подружку – соседскую девочку Маржан – и они вместе пойдут за водой. Дома у Лайсы есть игрушечные зеленые ведра с цветочками... Может быть, сказать Маржан, что она уезжает не к себе в аул, а в город? Нет, наверное, не стоит придумывать.

Так проходили дни: день за днем, день за днем, похожие один на другой. Целый день они с Бабой хлопочут, вот скоро новая работа начнется – сбор фасоли. Бабушка часто говорит: «Если б не работа, меня бы давно уже не было...» А Лайса спокойно прожила бы безо всякой работы, только было бы с кем играть. А здесь, у Бабы, с кем поиграешь?.. С Маржан они видятся редко, а с Асхадом играть неинтересно, хотя они и ровесники. И вообще – он даже читать не умеет, а еще ругается нехорошими словами. Отец Асхада, человек с большим красным носом, всегда ходит в черной кожаной куртке и говорит резким, пронзительным голосом. Это он заставляет Асхада говорить гостям плохие слова.

– А ну, Асхад, выдай! – говорит отец Асхада и первым громко смеется над сказанными словами.

Вот уже наполнилось ведро. Лайса выпрямилась, потянулась. Это она только первое ведро орехов собрала, а надо еще три. Баба норму установила – по четыре ведра орехов в день.

...Вечерет. Солнце клонится к темной горе, поросшей лесом. Прохлада разливается в воздухе. Возвращается в село стадо, мычат коровы, слышатся крики пастуха. В ближнем болоте начали свой вечерний концерт лягушки...

– Ква, ква, ква, – смеясь, повторяет за лягушками Лайса.

– Перестань, – недовольно говорит бабушка. – Лучше посмотри, не идет ли наша Чама.

Лайса выходит на дорогу.

– Чама, Чама, – зовет она.

– Хорошая хозяйюшка растет, тьфу-тьфу, не сглазить, – обняла Лайсу за плечи соседка – старая Самарт, тоже вышедшая встречать стадо. – Придет ваша Чама, никуда не денется.

Скоро Лайса, подгоняя Чаму, возвращается во двор. Вкусно пахнет поджаренной мукой – это бабушка на веранде делает чепалгаш.

– Загони Чаму и иди ко мне, – говорит Лайсе Баба.

– Отнесешь чепалгаш соседям и сразу возвращайся.

Лайса вспомнила, какой завтра день, – пятница. Вот почему бабушка затеяла чепалгаш – это было любимое блюдо погибшего Рамзана, и Баба хочет угостить соседей.

С тарелкой в руке Лайса идет к соседям.

– Мелимат! – звонко кричит она.

На веранду выплывает низенькая полная женщина. Это мать Асхада Мелимат. Она раскраснелась, на ее коротком носу блестят бисеринки пота.

Лайса протягивает Мелимат тарелку и торопливо устремляется обратно.

– Постой, постой, доченька... – кричит ей вслед Мелимат.

Лайса в нерешительности оглядывается. Бабушка строго-настрога запретила ей брать ответный подарок.

– Куда же ты, Лайса... Подожди!

Лайса останавливается. Мелимат спешит к девочке и вкладывает в ее руку конфеты.

Ну, конечно, без Асхада дело не обойдется. Вот он, всхлипывая, выскочил из дома.

– Мам, и мне дай!

– Уйди ты с моих глаз! На, возьми и иди домой.

– Еще дай, – тянет Асхад материнский подол.

– Да чтоб ты больше ничего не видел, кроме этих конфет! Мало ты их съел, горе мое...

Лайса поблагодарила соседку и пошла со двора. Минуту спустя она разжала кулачок. На ладони было четыре конфеты. А если б Асхад не выскочил, было бы целых шесть, сообразила Лайса. Противный он все-таки! Как не стыдно клянчить то, что дают другим к святому дню. А как она просила рассказать Асхада про город, куда он ездил вместе со своим отцом! «Народу, – говорит, – в городе много». Да кто ж этого не знает?! Баба тоже обещает свозить Лайсу в город. Но в это лето не успеет, наверное, – ведь скоро мама заберет ее отсюда. И тогда Баба останется совсем-совсем одна и чепалгаш сама будет разносить соседям.

Лайса возвращается в дом. Баба окунает чепалгаш в кипящую воду, выкладывает на тарелку и поливает растопленным маслом.

– Баба, а скоро будет день телочки?

– Что, что? – растерянно спрашивает бабушка.

– Ну, день скотины когда будет? – уже не так уверенно повторяет Лайса.

– А, поняла наконец, – улыбнулась бабушка. – Это не день скотины, а день шинара – вторник. Не горюй, скоро уже приедет твоя мать... Немного осталось. А теперь садись за стол.

Лайса с бабушкой едят вкусные горячие чепалгаш, но грустные мысли не покидают девочку. «Как же Баба будет жить одна? Кто ей поможет загонять Чаму, рвать траву для теленка, собирать орехи, фасоль, вылушивать кукурузные зерна?! Кто скажет ей ласковое слово? А по ночам Баба опять не будет спать и только ореховые деревья будут тревожно и загадочно шуметь за ее окном. Страшно ей, наверно, будет одной...» Лайса перестает жевать. Баба удивленно смотрит на внучку, на ее полные слез глаза.

– Баба, а кто будет жить с тобой, когда я уеду?..

Тут уж и бабушка не в силах сдержать слез, она крепко прижимает к себе внучку, и обе долго плачут.

«Шу-шу-шур», – вторят их плачу деревья в саду. Наконец Баба вытирает слезы:

– Никуда я тебя не отпущу. Будем жить вместе, а к вам в село станем часто ездить. А там, глядишь, и они все переедут сюда жить, как думаешь, Лайса?

Баба берет ножку девочки в свои большие, с голубыми прожилками руки и тихо напевает:

*Ножка, ножка, всем ножкам ножка,
Глиной запачканная ножка...*

Лайса звонко и облегченно смеется. Смех Бабы поначалу почти не слышен, но вот уже их смех наполняет старый дом, давно не видавший такого веселья...

И за окнами дома будто слышится смех, но нет, это неумолчно шумят ореховые деревья.

Сбор металлолома

По лугу, словно озаренному изумрудным сиянием, бежит мальчик. В руках у него цветы.

Неужели это я – легкий, стремительный, улыбающийся?

Я помню этот солнечный день, этот зеленый луг, пряно пахнувшие цветы, которые я протянул вам. Мне и сейчас достаточно прикрыть глаза, чтобы увидеть вас. Слабый ветерок играет в ваших волосах, и они словно вспыхивают на солнце рыжим пламенем.

Я считал вас самой красивой женщиной нашего аула, ни у кого не было таких нарядов, как у вас, такой прически, как ваша.

Я помню, как вы с улыбкой наклонились ко мне и взяли цветы из моих рук, как от нежного запаха ваших волос, ваших рук голова у меня закружилась и все поплыло перед глазами: высокое небо, ваше лицо, цветы, выпадающие из рук. Вы ничего не заметили тогда (это головокружение длилось лишь один короткий миг) и обняли меня со словами: «Какой ты хороший! Спасибо за цветы!» Как и сейчас, я закрыл тогда глаза. Как счастлив я был в ту минуту, как прекрасен был мир вокруг!

Я и в классе, сидя перед вами за первой партой, не сводил с вас взгляда, я старался сидеть как можно ровнее, положив руки на парту перед собой. Самым первым заканчивал контрольные работы по математике, я писал лучше и грамотнее всех в классе. Чего только я не делал, чтобы обратить на себя ваше внимание!

Вы никогда не называли меня по имени. «Эскиев!» – строго одергивали вы. А для меня ваш голос был сладкой музыкой. Я стоял, опустив голову, притворяясь смущенным. Но вместо того чтобы отругать, вы гладили меня по голове и ваши тонкие пальцы ворошили мои волосы.

Лебеди летят в поднебесье. Первая лебедь, самая красивая – лебедь-нана – вы, Алина Ивановна. Сделав несколько кругов в воздухе, лебеди неслышно опускаются вдалеке на зеленый луг.

«Эскиев, Эскиев...» Ну, конечно же, я не забыла тебя. Много лет прошло с тех пор, но сейчас, оглядываясь назад из моей сегодняшней старости, я так отчетливо вижу тебя... Ты был славным мальчиком, послушным. Ты всегда старался заслужить мою похвалу, привлечь внимание. И хотя что могла я, совсем еще девчонка, знать тогда, твое внимание я всегда замечала. Оно радовало меня, я часто смеялась тихонько, вспоминая твои проделки. Ты помнишь, я никогда не ставила тебе плохих отметок за контрольные, а если в них и были ошибки, я незаметно исправляла их теми же фиолетовыми чернилами, какими писал их ты.

Как сложилась твоя жизнь? Кем ты стал? Счастлив ли? А я все так же учу детей. Теперешние дети совсем не похожи на вас; таких, как вы, у меня никогда больше не было. Мне кажется теперь, что и ваша классная комната с низкими маленькими окнами была самой светлой и уютной. А наш горгали – старый школьный колокольчик! Я и сейчас помню его голос. Все эти годы в каждой услышанной мелодии я пыталась узнать его звуки. Но нет, не было похожих...

Я помню тот день, когда на зеленом лугу мы играли в «Гуси-лебеди». Мы будто и вправду тогда стали лебедями, опустившимися отдохнуть на луг. Как весело и беззаботно мы – гуси? лебеди? – носились по лугу.

Никогда больше в моей жизни мне не удалось стать белой лебедью, тот день не повторился. Однажды мне показалось, что то состояние снова вернулось ко мне, но, увы, я ошиблась. Лебедью я не смогла стать, а чуть было не превратилась в курицу.

Ты тогда непременно хотел быть серым волком, я видела это. Ты бегал за ребятами, устал сил, кажется, никто не смог ускользнуть от тебя, ты раскраснелся, стал...

О том, что было после, я жалею до сих пор. Не знаю, может, только я и помню,

что случилось после, а ты и думать об этом забыл. Все равно, не сердись на меня, если можешь.

Когда мои знакомые молодые люди заговорили со мной, ты нахмурился. Тебе так не хотелось, чтобы я ушла с ними. «Вот еще! – подумала я, увидев заблестевшие в твоих глазах слезы. – Он себе много позволяет, этот мальчишка!» А вслух сказала как можно спокойнее:

– Дети, играйте сами, мне надо уйти. Когда наиграетесь, пойдете по домам, хорошо?

И я ушла со своими друзьями, не оглядываясь. И сейчас, если бы можно было вернуть тот день, я поступила бы так же. Этот день всегда в моем сердце, я была окружена вниманием, восхищенными взглядами своих ровесников, я кружилась в стремительном танце, с улыбкой слушая слова признания... Да, тот день затмил своим ослепительным светом другие.

На другой же день по твоим потухшим глазам я поняла: что-то непоправимо изменилось.

А потом наступил день сбора металлолома. Вы все очень волновались, кому же удастся собрать больше – «ашникам» или «бэшникам»? И вот вы отправились на поиски лома. До сих пор не могу понять, как же могло случиться, что с тех пор я ни разу в жизни не видела тебя?

Вы все разбрелись в поисках...

Он давно заметил это огромное колесо на дне оврага за аулом. Оно было скрыто от посторонних глаз поднявшимся за весну бурьяном. Конечно, это поржавевшее колесо от списанного трактора великовато для одного человека, но он твердо решил обойтись без помощников.

Как хорошо, как прекрасно все в мире! Ветер, теплый ветер шевелит волосы. Трава, мягкая трава ласкает ноги. Солнце, лучезарное солнце низвергает на землю водопады слепящего света.

Там, на дне оврага, было сумрачно, прохладно. Наконец-то он добрался до заветной цели. Вот оно перед ним – вблизи колесо кажется неохватным, словно навсегда вросшим в землю. Что было сил он принялся отрывать эту железную громаду от земли. Ноги уходили в сырую, влажную землю все глубже, руки дрожали от напряжения, но оно все же поддавалось. Вот он уже приподнял колесо и начал толкать перед собой вверх по склону оврага. Как же трудно удерживать его, каждое движение вперед стоит невероятных усилий. Но нет, все напрасно – колесо вырывается из его рук и устремляется вниз. Он беспомощно провожает его взглядом – колесо лежит на прежнем месте. Он поднимает глаза вверх – солнце стоит высоко – в зените.

И опять спускается он в овраг и начинает все сначала. Приподнимает махину, перекатывает его все выше и выше. Пот льется ручьем, застилает глаза. Колесо давит на него, словно хочет и вовсе стереть с лица земли. Но, собрав все силы, он удерживает колесо на месте. Вот уже и середина подъема. Колесо, подобно необъезженному жеребцу, кидается из стороны в сторону. Но снова, опрокинув его, колесо несется вниз. В бессилии он опускается на землю и плачет. Он долго плакал, не в силах подняться на ноги. И все-таки, утирая слезы, он встал и начал спускаться. И все началось сначала... Придерживая колесо, он снова остановился на середине подъема и посмотрел вверх. Солнце стояло высоко, оно, как и прежде, было в зените. Значит, до вечера еще много времени. И в эту секунду, словно почувствовав его невнимание, колесо вырвалось из рук и покатило вниз. Следом за ним на черное дно оврага опустился и он. И все повторилось опять и опять... Его лицо залито потом и грязью, волосы слиплись, потрескались губы... Но у него еще есть время – он смотрит на солнце: оно не сдвинулось с места.

На двадцать второй раз он все-таки поднял его наверх. Передохнув на краю оврага, он покатил его по ровному лугу, радостно крича:

– Эге-гей, «бэшники»! Никогда вам не быть первыми!

Толкая впереди себя колесо, он приближался к школе. Но что это за длинное

здание стоит на месте их школы? Откуда оно здесь? И где же наша старая школа с низенькими окнами? Изумленный, он замер на месте, придерживая колесо рукой. Дети, игравшие неподалеку, обступили его, они кричали, показывали на него пальцами. Среди них он не узнавал ни одного знакомого лица. «Посмотрите, какой смешной старик! Откуда он здесь взялся?»

Он оглядел себя. Неужели этот человек в коротких штанах, треснувших по швам, в рваных ботинках с торчащими наружу пальцами – он? Он отпустил свою добычу, и двенадцатирубцовое колесо, распугивая детей, стремительно покатило от него. Оно неслось по дороге к окраине аула, к сумрачному оврагу и скоро исчезло из поля зрения.

В смятении он бросился бежать. Крик отчаяния вырвался из его груди. Неужели это его голос – резкий и грубый?! Скорее домой...

Он толкнул калитку и замер, пораженный: этот старый, осевший, заросший бурьяном дом – его?

– Нана? Ты дома?

В ответ – напряженная тишина.

– Отец, слышишь меня?.. Не слышит... Брат, мне трудно! Где ты?

Тишина.

Где вы, красные зори детства?

Где вы, долгие, наполненные теплом очага, отблесками огня в печи, запахами жареных кукурузных початков, вечера? Он ведь так вас любил, где вы?

Где ты, высокое небо в белых клочьях облаков?

Где ты, удивительная весенняя ночь с бесчисленными звездами, которыми любовался он, не в силах уснуть до рассвета?

Где ты, солнце детства, огромное и горячее? Ты было совсем другим прежде...

Тишина, тишина, тишина...

Чтобы не слышать этой оглушающей тишины, он рванулся к дому. Споткнулся о порог и рухнул на пол. «Кра-ак, кра-ак...» – раздалось со всех сторон. Что это, неужели трещат стропила, ломаются балки, рушатся стены? Подожди, дом, постой еще немного, продержись! Как же прожить без тебя, что у него еще осталось! Первое, что увидел он в своей жизни, – потолок дома. Первый шаг он сделал по твоему полу. Ты успокаивал своими тихими звуками, когда он плакал, испугавшись глухой темноты, ты укрывал его от дождей и метелей.

Ты, дом, наверно, состарился от холода одиночества? Твоему очагу нужен огонь...

«Кра-ак, крак!» – кричат, обваливаясь, балки. Стена оседает и рушится. Он бросился к противоположной стене, чтобы удержать ее, не дать опрокинуться. Но стена наклоняется, вот совсем рядом с собой он видит старую, сгнившую доску, стена падает, рассыпаясь в труху.

Опомнившись, он с трудом выбрался из-под обломков. Пахнет пылью, ветхостью, заплесневелым, истлевающим деревом. Какой-то слабый, неясный звук донесся до его слуха. Что это? Неужели это мяукает кошка?

– Кис, кис, кис... – позвал он. – Где ты? Я сейчас тебя найду... Как хорошо, что ты осталась... – зовет он.

Писк доносился из-под обломков. Он выбирается из-под развалин дома, как ящерица, извиваясь, выползает из-под камней. Он долго лежал не двигаясь, без мыслей, без желаний, пока солнце своими горячими лучами не начало нестерпимо жечь ему голову. Он приподнялся и увидел, что кошка, их кошка стоит рядом и смотрит на него.

– Кис, кис, кис, иди сюда. Одна ты здесь осталась... Как же ты уцелела? Ты, наверно, голодная? Надо бы тебя покормить, да где же я возьму тебе еды, где добуду молока? – говорит он кошке. – Да здесь, должно быть, полно мышей. Давай поохотимся! Ты хоть мышей ловить умеешь? Ладно, я помогу тебе: буду выгонять их из норок и щелей, а ты хватай их, не теряйся.

Дело пошло – он не ошибся: в мышах недостатка не было. Он стучал палкой, расшвыривал обломки, выгоняя мышей из норок, а кошка хватала их каждый раз все более ловко.

Сегодня я не очень-то проворен – устал. Нет сил выбраться отсюда на свет и вдохнуть свежий воздух. Сажу среди всех этих обломков, рухляди и пыли, вспоминаю.

Алина Ивановна, я часто думаю о вас. А вы вспоминаете ли наш класс, меня?

Никогда в моей жизни не было времени прекраснее, чем те годы рядом с вами. Я помню каждый день и тот, когда видел вас в последний раз. Миновав аул, я ушел тогда по дороге, ведущей – куда? – в овраг? Я надеялся вернуться до вечера, хотел удивить вас... Но так задержался в пути, что уж не смог ни догнать вас, ни найти...

Выросли мои ровесники. Это их дети встретили меня у новой школы, когда я катил свое колесо. А я – я из детства вошел сразу в старость, сам не заметив этого. Неплохая скорость, а?..

Мои бывшие одноклассники стали важными людьми. Я вижу, как они проходят мимо, неся впереди себя большие животы и переговариваясь друг с другом. Их громкий смех доносится до меня из-за изгороди. Я смотрю им вслед и недоумеваю: как могут так смеяться люди, познавшие жизнь?

Скоро наступит зима, и я уйду отсюда жить в пещеру. Буду вспоминать свое детство, слышать голоса дорогих мне людей и ваш голос...

А весной... Прольются дожди над землей, поднимется зеленая трава, защебечут птицы. Я вернусь в родной двор, приведу в порядок сад. Мои старания и заботу увидит и эта яблоня, и эта груша, и эта вишня, и эта земля – я вскопаю ее, посею кукурузу. Вы же помните меня?!

Надо подождать до весны... А теперь осень. Когда наступит весна, все изменится, все будет по-другому.

1987

Перевод с чеченского Натальи КРЫЛОВОЙ.

¹ В чеченском языке вторник (*шинара*) и телка-нетель (*шинара*) – слова-омонимы.

Гочдар

Лордкипанидзе Нико

Кортали коъртахъ зуда

Дийцар

ХIара дийцар цIехъана суна дуьхьалкхеттачу зудчух ду.

Нагахъ санна Самтреди-юьртара цунна генахъ йоцчу юьрта некъо дIасатехкочу пайтонна тIехъ шун даха дезнехъ, тIаккха шуна, шеко йоццуш, гина хир ю Iаьржа духар доьхна, букъ ца нисбеи къахьоьгуш йоллу зуда. Цунна тIаьхъа уьдуш дара сискалан мижарг а карахъ цхъа жима бер.

Дукха хан йоццуш со юха а хилира оцу мехкашкахъ. Iаьржа дуьйхина зуда суна ца гира. Сан дог дуьйхира. Суна иза, мухха а, ца тоьбира.

Хетта волавелира со. Иитта цуьнан дахарх, сайн цунах дагалецамех кхолладелла хIара дийцар – кортали коъртахъ зудчух ду.

Той хьалхалерачу заманахъ санна дIахIоттийнера. Оцу заманашкахъ хIоттош ма-хиллара. Шовзткъа шо хьалха и тайпа тойнаш даима хуьлура, ткъа шо хьалха цара цхъа а цецвоккхур вацара, цул тIаьхъа итт шо даьлча – уьш пIелгаш тIехъ дагардалла бен дацара. Ткъа хIинца и тайпа тойш деш дац.

Цхъаьна цIа чуьра вукху цIа чу лестара захалча.

Геннара, къайллаха, хинволчу майрана йол гайтира. Там-мах бира. СовгIат а дира.

Ткъа тIаккха?

Майрас а, несо а кхузза хийцира мухIарш, доттагIаша дашо кхазораш йолу таьжнаш техкира коърта, совгIаташ делира.

Тапчанах кхуйсура, еттара мокхазар тоьпаш.

ЦIийзара зурма.

Кьоначу зудчунний, майрачунний деара совгIаташ, уьш кхуззахъ стоьл тIе охьадехира: куьзга, коча уллу зIе, йоьза тас, арсаш, мIерий, дашо соьмаш, ахсоьмаш, кохьар...

Ловзарга кхайкхина вара совгIаташ дIаяздан юьртан йозанча.

Дуура-молура, хелха буьйлура, кегийрхой боцурш – баккхийнаш а.

Хьеший дIасабахара.

Дайа кечдинчу меттехъ дайаза дисина бежанаш Iоьхура.

Жимачу ламанан ворданна тIехъ цхъана цIийнера вукху цIийне – яйн зIе, юргIа, маьнга, тайп-тайпана даарш.

ЦIа чуьра цIа чу бевлира – жима стаг, ялх туьма ахча кисанахъ а долуш, цуьнан доттагIий. Керлачу меттехъ юха а дIадолийра хелхарш, малар мелла кегийрхой ца Iара, молура баккхийчара а.

Баха хевшира кьона нах, бахам дIаболийра.

Могашалла дика йолуш кегий нах хиллера.

Кхаа шарахъ кхузза пхора хилира иза; кхузза юьхъ тIехъ томмагIаш хIиттира, дуьрачу наьрсашка кхийдира.

Зударийн пачхьалкх: пазат а, урчакх а; экъа а, дечиган Iайг а, тIаргIа къажбо ехк а; хох а, оччам а; узу етт а, Iахар а.

Газа кхаба ца лиира: уьйтIахъ мел долу стоьмийн дитташ дожур ду

ГIезаш ю чуйижа Iам лобхуш, «шуш» деш; котамаш, маьрша олхазарш санна, цхъана гена тIера вукхунна тIе кхиссалуш; аштаркхкотам ю, самукьадохуш, ловзуш. Буьззина бахам бу кертахъ!

Божарийн пачхьалкх: шен уйтгахь лелайо кемсаш. Хьяьжкийн барз: цунах кхоалгла дакъа – хьалхочунна; кьегаш долу диг, иштта тайп-тайпана белхаш ледалан хьуьнхяхь; ши сту. Хьал дуькъа доьзал, стомма «кIур»!

Дала декьалбойла нади ! Дуккха забарш йора, хабарш, туйранаш дуьйцура, иллеш олура, хелхабуьйлура, молура; сатоссуш дIасакъастира. Уьстагна урс хьакха дийзира; еккъа цхьа кIудал бен чагIар ца хIоттийра – коьртачу декъана болх бийраш зударий бара. Цуьнга ца хьаьжна, дерриге ялта чудерзийра. Барз хилла лаьтта дашо бос беттало хьаьжкIаш, жима оьла бина – хилла йоцуруш а, матар теснарш а; хьаьжкийн гIах а, гIодамех а юьзна ю уьйтIе.

Майрас пурба ца делира зудчунна тускарш кхехьа: кьахийтира – дукха хан йоццуш берах паргIатгьяьлла. Амма ша, кхин садаIар доцуш, болх бира, буьйсанна наб ца йора; могош-таза хьаьжкIаш дуо чу йоькхира; вонаш – тхов кIел; гIаш а, гIодамаш а – бедан чу.

Дитта кIел охьакхийтира, гIора а кхачийна, хьацаран кIуьрлахь. ХьалагIаьттира, бага а гIиттош, юха а балхана тIевуьйлира, амма...

Хьацар, дагар, харцлер. ТIаккха хорша... Кхо юргIа. Шаверриг мажвелла!
«Мобтурий, ткъа суна, бIаьрса дайна юьсийла со, цунна хорша кхетар ю...»
Лор, хIума хуу дарбанча-зуда, молханаш, луьйцанш йохкар.

Берзинчу когашца Гелатихулий, Моцаметихулий чекхбевлира, чIурамаш дехкира цIийнден а, берийн дегIехь.

– Дац, хIан-хIа, дац цунна цамгарах хьалхавалар!

Охьахецначу месашлахь зуда; гIийла белхарш а, узамаш.

– ДIаца, Воккха Дела, хьайн кхелхинчу лайн са...

Цамгаро а, Iожалло а чIана баьккхира доьзал.

Гуьржийн зуда жоьра кучахь, шаерриг Iаьржа доьхна. Iаьржа кортали коьртахь, Iаьржа кIархаш, ур-аттала, Iаьржа пазаташ.

Хьаж кIай ду, Iаьржа, мангал комарш санна, бIаьргаш; малхо ягийна чIишталгаш, нийса мара; кьегина балдаш.

Деха пIелгаш бос баьхьна а, аьхна а ду – гуш ду, хьалха санна болх беш цахилар; тIетгIа алсам буьйлу байн мостагIий, херабуьйлу доттагIий. Иза хаддаза лела полице, суьде, ишколе, лулахошкахула, старшина волчу, шен кхолламна муьтIахь, аьрзнашца, дехаршца.

Иза сацор яц кьорачу пено а, кехатан маркех доккхучу ахчано а, генарчу некъо а.

Иза чекхьер ю хIаваэхула, хих, амма шена догIург схьадоккхур ду.

Суьдехула бакьо карор ю, байшна пособи йоккхур ю.

Цкъа а дIагосур бац доьзал, шеллур бац цуьнан кхерч.

Геннара цуьнга бIаьрг бетта дуккхачара. Захалш оьхуьйту.

– Аса муха бийр бу байшна тешнабехк?

Поэта дийцира суна:

«ХIусамдас сатоссуш самадехира тхо; со корах арахьаьжира – талла ваха бегIийла де ду, догIа деача санна ду тхи, тапьяьлла тийна ду, гIа а ца леста. ЦIийзаш ду собар кхачийна жIаьлеш, ткъа эраш малоне Iохкуш ду.

Арадевли тхо. Иза дара хьуна беламе хIума!

Сацар доцуш лета жIаьлеш, оха дIахийци уьш.

Даламан лар тIе нисделла хилла эраш. Церан хари тIера дIадаха ца ло.

Ца воглуш цхьаннан юйцинчу керта тле нисвелира со. Садала сацавелира. Латта хлинца а тхилахь лубйчуш дара. Гучуелира маьлхан цхьа ах, шен аьхначу злаьнаршца кхелира диттийн баххьаш, стиглахь эзар озахь йиш локкхура олхазарша...

Лаьржа дубйхинчу зудчо цийнан тлехьарчу маьллера верта деара, бешан кьорачу маьллехь иза охьадаржийра, суна гена доццуш, тлаккха, берзинчу когашлахь, охьахецна яьржинчу месашца, тийжа йолаелира...

Цо узарш дора, кхевссина охьаохьучу блаьрхишца, цуьнан багах дубйлура цхьа шатайпа аьхна, деган клорггера схьадоглу дешнаш, цуьнан эшаре аз лаламат боккхачу балане, глайглане декара, кертан вукху атлорла со а вилхира, юьхьанца меллаша, тлаккха хецавелла.

Цлеххьана кхетамчу веара со, эхь хийтира, ткьа зуда хьалаиккхира, катоьхна верта схьа а эцна, хлусам чохь кьайлаелира...»

Бераш хьалакхийра.

Ламийра уьш, шен лamo боцчу ницкьал а сов.

Цхьа клант счетовод ву. Важа суьдехь глуплакх деш ву. Шинне а зударий балийна...

Тлелаьцна нуц а – юьртара хьехархо.

Букара, ласанна тле а тийжаш, цхьана цийнера вукху цийне глора, цхьа клант волчуьра важа волчу...

Массанхьа еза хьаша яра иза; берийн берийн дола дора, москалшна дарбанш леладора.

Артделира блаьрса, амма цо дегочу куьйгашца клентан клантана совлатна пазаташ юцура. Амма уьи кегий хилира.

– Когара схьаяха, хьомсарниг, аса хьан жимачу вешина длахьур ю уьи, ткьа хьуна кхин юцур ю.

Бер дилхира.

Нанас доьху:

– Длалохьа, хлун бен ду, ца вилхичхьана...

– Хлан-хла, йол, аса хлорш Коциина лур ю... Бер тлех ма даккха...

Бер кхин а члогла дилхира.

– Нана, хьуна оццул кхоам хета оцу пазатех? Лаьа, гуш ду, клантана там бан глорта хьо! Ткьа тхоьгара диканиг клезиг гина хьуна, атгала, пазазаташ а кхоайо?

Пазаташ керара охьайигира. Дубхьала йист ца хилира нана. Коьртара кортали нисдира.

Йолана хира нанна вон хиллий, хлетте а тлетуьйхира:

– Аса бакьдерг ца элира?

Зуда хьалаглаттира, шен юбка егийра.

Бер доьлхучуьра длатуьйш дацара.

– Ма велха, ма велха, аса кхинаш оьцур ю хьуна, хлокхо бехкаш ца даьхчахьана! – элира

Йоккха стаг уьйгтла елира. Цхьа а лалашо а йоцуш цленна гуо баьккхира, ша шен дерриге дахарехь тлехь кьахьегна долчу, берриге ницкьаш длабелла долчу. Беша текхира. Охьахира.

Коьрта чохь цхьа а ойла яцара. «Кхоам хета», «там бан», «клезиг дика динера», – дешнаш декара хье чохь.

Лулахо йолчу яхара.

– Хьуна тлехь бос а ма бац! Хилларг хлун ду?

– Хлумма а ца хилла, сан хьоме Потиз, бурконна хила тарло...

Цла еара. Москалан клорнешна хьалха нитташца хьакхийна бод чохь болу кад биллира.

Охьайижира. Корта базбелла бу, ткьа дегл дай ду. Цхьа а ойла яц коьрта чохь, амма декаш дешнаш ду: «Кхоам хета...», «там бан...», «дика клезиг динера...»

Тлакха цлехъана сацам тлейцира: «Цхъанна а оьшуш яц, цхъанна а... сов ю... дукха хан ю сайн майра волчу яха еза...»

Шена тлера дерриге духар дладаккхира, схягулйира ерриге еза мел ерг, тлорказ чу ехкира, халла бен дегл кьовлуш доцчу цхъана телхигашкахь цла чуьра араелира, ша хала кьахьобгуш шен куьйгашца дина долчу.

Ларамазан санна, майрачун коша тле яхара, охьахира, куьйгаца шарбира кьух даьлла кошан барз, элира тешам боллуш а, буьрса а:

– Йоглур ю со кестта, йоглур ю, сан Пилипэ!

Берашна ехчачу хенахь хлумма а ца тосаделира, хлоранна а мьоттура нана важа волчохь хьошалглахь ю.

Ма-хиьинехь, са тохаделира, эхь доьссира: «Наха хлун эр ду? Ца ларйи шайн кьена нана!»

Льохуш тлаьхьа бевлла лела дезахо хийтира.

Газеташна тлехь хаам бан ойла хилира, амма иза а дерриге дуьненна а хьалха эхь ду.

Иштта тийра уьш, хлумма а ца деш.

Ненан даг чу тесира: «Бехке бийр бу-кх сан доьзал, эхь тледоглур ду-кх царна», – сагла доьхуш даьккхинчу ахчанах леррина кехат дахьийтира, ша ала а олуш, кхечуьнга яздатийна долу.

«Хьомсара бераш, бехк ма биллалаш, Далла глулакх дан йьодуш ю со, суна са ма гатделаш. Даиманна а лодикаойла!»

Уьш аьшпаш бара, наггахь бен харц дерг ца дуьйцура кортали коьртахь долчу зудчо.

Кехат хаьал деха дара. Берийн са тийра, хазахийтира. И кехат, шаьш шайн бакь дан, кхечаьрга а гойтура. Хьарамло йоцуш, нийсса бийкьира вовшашна юкьахь ненах бисна бахам: масех дато шай, дарин йовлакх, даьлахкан мукь болу шаьлта, кхин кега-мерса хлуманаш а.

Цхъана аьрчачу пана лелачо, гладдайна сонехь лаьтгачу мискачуьнга элира:

– Нана, ахьа тхан са хлунда дуу, хьайн са а хлунда дуу?

– Хлун дийр ду, ткьа, сан клант, со суо а яц сайн дахарна реза.

– Длогахь ду-кх Кура-хи, шадерриг чекхдер ду-кх...

– Сайна тле куьйгаш хьуо боху ахь? Ас муха лоцур ду сайна тле иштта кьа?

– иза а аьлла, длаедира иза, ун долчу стагах санна кьаьхкина

Газета тлехь хаам кьедира: «Вакле клоштахь полицина карийна лаьржачу басахь телхигаш тлехь а йолуш йоккхачу стеган дакьа. Когахь тиша клархаш бу. Некха тлехь гучуьлла йьоза жлар, аьтгучу куьйган маза плелга тлехь томан мухлар, мухларан чьохьарчу аглонна тлехь халла кьастаделла «Пампиэ» (иштта ду-дац ца члагло оха)».

Берашна, хетарехь, и хаам ца тосабелла я цхьамма а оцу хьокьехь цаьрга хлумма ца аьлла.

Берех уггаре хьекьале волчу, оцу хенахь уггаре сонтачо, цкьацкьа хьекьале олура: «Воккха хилча стаг хьекьална оьшу, шен цакхетамца лела иза. Иштта, масала, баккхий нах шайн бляьргаша хьобьхучу новкьа длабоьлху. Длабоьлху, длабоьлху... Илманехь цунах олу кхетамах тилар, ткьа вайн халкьалахь – некьах тилар...»

Гуьржийн маттара гочдинарг МАРГОШВИЛИ Султан

Асхаб Алиев**Дом**

Где-то над городом спящим
Тихо плывут облака,
Но
Нам то спокойно, то страшно,
В нашем то штиль, то гроза...

Где-то у берега дальнего
Спят под луной корабли,
Но
У нашего буря и шквальные
Ветры задули огни...

Где-то над краем свободным
Звезды – точь-в-точь угольки,
Но
В нашем они все подобны
Пламени тусклой свечи...

Где-то в другом конце света
Может быть лучше чуть-чуть,
Но
Мне по душе те рассветы,
Море и звезды, что тут...

Легким пушком на ладони
Снег в середине июля...
Кто-то, наверное, помнит
Это нелепое чудо.

Белое странное лето –
Льдинки на крышах домов,
Искры холодного света,
Мир вдруг остался без слов.

Знаешь, похоже на встречу
Первую нашу с тобой –
Помнится, это был вечер,
Кажется, прошлой зимой.

Ты в своем сером пальтишко,
В шапочке очень смешной
Топала... Топала слишком
Быстро по той мостовой...

Рыжие локоны, помню,
Волнами вниз по спине...

Глазки, ну просто огромные,
Ярко сияли во тьме...

Все же догнал, хоть и трусил,
И предложил проводить...
Так и связался наш узел,
Так и сплелась наша нить...

Легким пушком на ресницы
Падает снег... Ну а я,
Думаю, что ж тебе снится,
Есть ли там роль для меня?..

– Линия. Шаг. Тишина.
Оглянулся: вокруг ни души,
Только я.
– Только ты.
– Голод. Больные. Война.
Прав победитель – и все.
Это я.
– И никто.
– Дети. Слезинки. Глаза.
Пуля в расчет не берет.
Кто же я?
– Патриот.
Смерть. Снова смерть. Сатана
Не виноват, как и Бог.
Только я.
– И никто.
– Долг. Примитивность. Судьба.
Мне оправдания нет.
Кто же я?
– Человек.

Корабль-кочевник...

Кочует мой корабль без причала.
Куда бы не приплыл, везде чужой.
Ему отрадой безмятежность стала...
И шторм – его товарищ боевой...

Под натиском волны и с песней ветра
Плывет корабль к странным берегам
В надежде обрести покой хоть где-то
И наконец оставить океан...

Небесный свод мерцает в темных водах,
Как призрак, среди них блуждает он,
Не в силах покорить свою природу...
Не в силах оборвать свой вечный сон...

Ему хотя бы родственную душу
Найти, во льдах почувствовать тепло...
Он не способен вылезти на сушу,
Да и летать ему не суждено...

Я слеп.
Я глух.
Я нем.
Я болен. Я не чувствую совсем
Ни радости, ни грусти, ничего.
Хотелось бы стать кем-то, только кем?
И для кого?

Я нем.
Я слеп.
Я глух.
Я болен. Каждый день мне режут слух.
Слова, что не имеют за собой
Ни толики решимости – лишь звук...
Пустой-пустой.

Я глух.
Я нем.
Я слеп.
Я болен. Я до ужаса нелеп.
Не верю в невиновность, доброту,
Я знаю, что у каждого скелет
Закрыт в шкафу.

Когда-нибудь...
В твоих глазах я встречу осень
И буду в лужах танцевать,
Те листья, что деревья сбросят,
Заменят теплую кровать...

Когда-нибудь...
Столкнусь с тобою невзначай
В не очень теплую погоду,
Под тучным хмурым небосводом,
Быть может, вместе выпьем чай...

Когда-нибудь...
Средь сотен лиц, умытых ливнем,
Твою улыбку встречу я...
И в тишине, почти могильной,
Тот образ твой спасет меня...

Когда-нибудь...
Мое письмо тебя найдет
И скажет все, что я не смел,
Как я любил и как робел...
Мое письмо, оно дойдет...
Когда-нибудь...

Как Мотыльки...

Отчего-то боль ножом сидит в груди,
Упиваюсь ею я... Напоминает
То, как у свечи кружатся мотыльки
Света ради заживо сгорая.

Перо

Держу в руке гусиное перо –
Оно мой нож, я им в себе копаюсь.
И с каждым словом непременно каюсь...
Я, правда, полюбить не в силах ложь...

В моей руке копьё и остриё –
Его я в мысли черные макаю
И на страницах белых оставляю
Слова, что красят словно шею брошь...

В глазах моих сиянье, не мое...
Оно чужих признаний призрак-эхо,
Оттенок нежных чувств и искра смеха,
Что до сих пор меня бросает в дрожь...

В моих стихах нет больше ничего...
Порядок строк и мелодичность в общем,
Количество слогов –
все это в прошлом...

Моим стихам цена отныне – грош...

Во мне бушуют холод и тепло...
Идешь по снегу, шаг – и ты в пустыне...
Я жив, но только вот наполовину...
Где солнце, там всегда прольется дождь...

В руке моей, хоть ржавый, все же нож.
Он все еще способен резать душу,
Вытаскивать куски меня наружу...
Такое вот гусиное перо...

Я стою на пороге мира,
Где бушует времен ураган.
Здесь мечом моим стала сатира,
А щитом стали ложь и обман.

Я стою и с тоскоюзираю
На потомков былых королей,
Как со спичками, с жизнью играют,
Прожигая ее до костей.

То ли надо так, то ли привычка,
Но не видит друг друга никто,
Вместо имени – прозвище, кличка,
В голове только мусор и все.

Каждый думает только о прошлом
Или будущем мутном своем.
Часто те, кто побрезгует крошкой,
Не побрезгует братским челом.

Люди-звери, не птицы, как было
В ту эпоху, когда старики
Еще были совсем молодые,
Как сейчас говорят, «зелены».

Я не жил в эти годы, а жалко...
Жалко, что не родился тогда,
Когда плавали в море русалки
И сбывались сны иногда.

Вот тогда-то рождались мужчины
И нередко рождался поэт.
Слаще были тогда мед и вина,
И делили все поровну хлеб.

А сейчас? А сейчас все пустое,
Шум и гам больших городов.
До небес свои замки построят,
Чтоб закрыть их потом на засов.

Каждый скрыт пеленой лицемерья,
Глубоко-глубоко одинок...
Все пропитано здесь недоверьем:
Что стена, что пол, потолок...

На пороге безумного мира
На кресте безразличья распят.
В ножны правды вложил я сатиру,
Больше нечего мне защищать.

Музыка

Вьется надо мною темнота,
Ночь полна романтики и страхов...
Под мотивы Моцарта и Баха
Даже смерть не столь уже страшна...

Скрип и шелест листьев за окном,
Холод, что принес с собою ветер –
Призраки, которых я не встретил...
Мне темницей стал мой отчий дом...

Тянется душа к лесным просторам:
Речка, лунный свет, зеленый луг...
Ну а здесь лишь я и верный друг –
Старый и крикливый черный ворон...

Ася Умарова

Серижа

Рассказ

Чрезмерная мечтательность одиннадцатилетней Серижи настораживала окружающих. Родителям поначалу казалось, что у дочери проблемы со слухом, ведь она смотрела на всех с чуть приоткрытым ртом, будто не понимала, о чем говорят окружающие. А мимика оставалась одинаковой при беседах о грусти или радости. Но врач после обследования отрицательно покачал головой: подозрения не подтвердились, у девочки все хорошо. Серижа продолжала носить маленький блокнотик, в который записывала странные мысли. На одной странице как-то написала: «Червяка убили». Соседка, зайдя за солью, случайно заглянула в блокнотик. Увидев запись: «Увака убили», она пришла в ужас. Вечером, придя выразить соболезнование ее родителям, столкнулась с всеобщим хохотом. А Серижа подумала про себя: «Если Увака убили, то почему им так весело?»

Посоветовали народного целителя. Съездили в отдаленное село. За их машиной долго тянулся длинный шлейф из пыли, с правой стороны возвышались горы, а с левой – пропасть. В отдалении чабаны в папахх взирали по-философски на мир. Люди там никуда не спешили. Могли сидеть часами на лавочках, разговаривать или перебирать четки. Обсуждали тех, кто рано повыскакивал замуж или женился, а тех, кто сидит дома, обзывали «старыми девами или засидевшимися холостяками». Если «девы» где-то работали, то оскорбительно и грозно восклицали: «Карьеристки!» Их волновало, почему у замужних девушек не появляются дети, а если и появляется ребенок, то почему не два, а если второй появился, то почему не три? Но если детей много, то почему родителям они понадобились в таком большом количестве? Если мать устроилась на работу, то все равно – «карьеристка», которая не хочет быть с семьей. А если мать нигде не работает и смотрит за детьми, то «нахлебница». Это и было их главным объектом обсуждений. Поэтому появление машины, несущейся на большой скорости, насторожило и вызвало большое любопытство.

Тем временем Серижа усердно изображала курносого пяточка, прижавшись личиком к стеклу машины. А родители звали целителя у двухэтажного желтого дома, похожего на замок, с огромными воротами, на которых была надпись мелом: «Продается».

— Бакарбе-е-ек! Во-о-о, Бакарбе-е-ек!

Папа Серижы в кожаных черных брюках, кожаной рубашке, распахнутой на груди и кожаном плаще до колен. У него был «кожаный бизнес» – собственный мини-завод по переработке шкур. Еще он повторял, что в Чечне можно заработать много денег: «Просто людям лень наклониться и подобрать». Кучерявые волосы до плеч и квадратные усы до подбородка. В правой руке догорала сигарета из пачки «Космос». После каждого оклика жены тихо и отрывисто бормотал под носом: «Тьфуй, елки-палки».

Доставал из кармана обувную мочалку и тщательно вычищал остроносую обувь-казачки. Рядом стояла мама Серижи, обтянутая тигровым платьем, украшенным стразами. Непокорные пряди кучерявых волос выбивались из-под небольшой косынки. Когда ветер дул сильно, то задний уголок косынки поднимался вверх и напоминал настоящий кокошник. На ее шее висели три золотые цепочки, все пальцы унизаны золотыми кольцами, почти как у рэперов в американских клипах. В руках она держала кошелек.

Наконец откликнулась румяная женщина, с тучной фигурой, которая почему-то улыбалась, поливая из оранжевой лейки китайские розы на балконе. Она весело указала пальцем на серый дом за облезлой калиткой, расположенный напротив.

Седовласый старик вышел из каких-то густых, иссохших и спутанных зарослей огорода. Настороженно, с ног до головы оглядел маленькую Серижу сквозь морщинистые веки. А она все продолжала смотреть с приоткрытым ртом. Потом дед пожал ей руки, которые оказались холодными.

— Хм... будущая свекровь будет холодна по отношению к тебе, — отметил старик. Девочке вместо «свекровь» послышалось «свекла». Поэтому ей показалось странным, почему ее должно волновать, как к ней относятся свекла?

Попросил высунуть язык, оттянул нижнее веко и внимательно взглянул на белок. Пару раз моргнул, шепотом что-то повторил и тяжело вздохнул. Затем поспешил к дому с камышовой крышей, стены которого были побелены известью, чрезмерно разбавленной синькой. Родители переглянулись. Он снова появился с маленькими трубочками высушенной крапивы и настоятельно порекомендовал выкуривать четыре раза в день после еды. Видимо, ему показалось, что у девочки проблемы с легкими, и оттого, что ей не хватало воздуха, она пыталась компенсировать дыханием через рот недостаток кислорода. Родителям такая логика понравилась и вполне даже устроила. Мама Серижи поспешно достала из кошелька тысячную купюру и стала совать в карман старца, несмотря на то, что тот отговаривался, утверждая, что работает бесплатно, исключительно ради Аллаха. Но маму невозможно было унять.

Теперь, когда все дети во дворе бегали за мячиками и прыгали на скакалках, Серижа не просто смотрела на них с раскрытым ртом, но и иногда покуривала крапиву.

— Куришь? Хорошо. Перед сном еще не забудь покурить, — одобряюще кивала мама, а дочь удивленно смотрела то на нее, то на дым, и все казалось вокруг настолько необычным.

Но с каждым днем эта непонятная болезнь прогрессировала. На десятилетие после задувания свеч вместо поедания торта Серижа с аппетитом, причмокивая, слопала свечи. Родители еще как-то могли смириться, когда вместо платья Серижа обвязывала шарф вокруг тела и выходила на улицу, накинув сверху платок. А когда ее послали за профессиональными ножницами, то беспорядочно отстригла все волосы и, тихо напевая под нос «фля-фля-фля», возвратилась домой. Но когда она посыпала сахаром кухню и заявила, что вызывает снежную бурю, то ничего не оставалось, как принять крайние меры.

Родственники отвезли ее к мулле, который проверил ее на присутствие или отсутствие джиннов. Когда ничего не обнаружилось, настойчиво попросили продолжить поиски еженедельно, пока не удастся добраться до них. Быть может, они притворяются, что не слышат. При каждом посеще-

нии мулла бил небольшой палкой – «сивак» – по ее хрупкому тельцу и читал молитвы. Серижа уже больше года пила специальную, заговоренную муллой воду, где на дне лежали кусочки бумаги со священными молитвами на арабском языке. Под одежду ей прикрепили булавкой несколько амулетов в форме небольшого треугольника или квадрата в кожаном переплете. А под подушку клали ножницы и ножик, чтобы отпугнуть нечистую силу. Девочка стала еще менее понимать окружающий мир.

За одной партой Серижа сидела с мальчиком, который тоже смотрел на всех с приоткрытым ртом. Красил небрежно розовым лаком ногти, а в его тетради учительница аккуратно писала: «Дуб дубом!» Родители сетовали: «Ничему не учат в школе, только умничают!» И мальчик верил им. Он как-то признался, что пытался досчитать до ста, но так и не смог, потому что наступило утро и ему захотелось спать. Он постоянно рассказывал длинные истории, даже во время урока. Учитель как-то не выдержал и выпалил:

— Что пусто, то всегда звенит!

Может быть, эта фраза и повлияла на Серижу, и она поэтому предпочитала молчать. И, наверное, она раскрывала рот, когда хотела что-то сказать, но пустой... совсем не хотелось быть... Через несколько лет мальчика перевели в школу для умственно отсталых детей. Но его фотография как худшего ученика еще долго не сходила со стенда, где он запечатлен с раскрытым ртом. И к Сериже подкрадывались тревожные мысли, что может быть и у нее что-то не в порядке с головой.

Но у старшей сестры она часто видела на обложках глянцевого журналов тетя с приоткрытыми пухлыми губками. Она осознала, почему моделей всегда называют глупыми. Сестра, как ей казалось, вела себя очень странно. После окончания занятий в университете она забиралась на свою двуспальную кровать, заматываясь в тигровый плед как в кокон, надевала наушники и рассылала смайлики в виде кошек разным незнакомцам, а незнакомцы слали ей в ответ смайлики в виде собачек с сердечками вместо глаз. И сестра почему-то очень сильно радовалась им. Каждый день по несколько часов примеряла она разные платья, кофты, юбки и фотографировалась на мобильник. А когда наносила тушь на ресницы, то приоткрывала рот, как Серижа, но ее почему-то не считали больной. Однажды, выпорхнув из кокона, сестра превратилась в бабочку и была свадьба. Серижа сильно удивилась, когда новорожденному младенцу сестра небрежно измазала копотью щечки и носик.

— Это от глаза, — умиленно пояснила сестра. Странно, но когда Серижа измазала себя копотью и воткнула несколько перьев в волосы, то домашние обзвали ее «индейцем» и попросили быстро все смыть и выкинуть перья. Невероятно, взрослые делают то же, что и дети, но умеют все преподнести по-своему. И почему же тогда плохо быть индейцем? Серижа тогда поняла, что с ней на самом деле все в порядке, просто что-то очень странное происходит с остальным миром. И от такого вывода ей стало на душе светлее.

Ее старший брат Исхак... нет, он не ходит с раскрытым ртом... Исхак в ичкерийское время победил на школьной Олимпиаде по химии, тогда еще в городе Джохар. И грамоту с денежным конвертом ему вручал Министр образования Ичкерии. Не переставая визжать от радости, Исхак попросил автограф у него, и несколько месяцев все родственники и знакомые с гордостью ликовали и показывали автограф всем. Во вторую чеченскую войну они сожгли этот автограф и попросили всех родных особо никому не распространяться, так как во время обысков федералы могли создать про-

блемы. Исхак не стал Менделеевым. После окончания университета он устроился учителем химии в школе. Максимум, чего он добился – победил в районном конкурсе учителей.

— Серижа, — с взъерошенными лохматыми волосами почти кричал Исхак. Его глаза были широко раскрыты, казалось, что он знал намного больше, чем все. Он как будто бы дирижировал. — Скоро я придумаю... придумаю... нержавеющий металл для подземных труб. Ты не можешь себе представить, что тогда будет! Государству... (как будто Серижа знала, что это такое) не придется тратить деньги, чтобы их постоянно менять.

Серижа не понимала, почему он так беспокоится о подземных трубах. Странное поведение брата ее сильно тревожило. Особенно его невеста с чуть приоткрытым ртом, изображение которой высвечивалось на экране мобильного. Исхак пообещал невесте подарить кольцо с бриллиантом, но так как учительской заработной платы не хватало, он решил подзаработать летом во время отпуска. Каждый день он очищал кирпичи в развалинах заброшенных и разрушенных домов и сдавал их перекупщикам. Но однажды сработала мина в одном из таких зданий, и брат погиб. В семье все знали о мечте Исхака – подарить бриллиантовое кольцо своей невесте. На семейном совете было решено подарить девушке кольцо в память о погибшем женихе. Мобильник отдали Сериже. Но она не захотела им пользоваться, сама не понимая, почему.

Серижа долго не могла прийти в себя: трагическая смерть брата сильно повлияла на нее. Поверх ее рыжих кучерявых волос повязали платок. Все зеркала в доме мама покрыла плотной тканью, пока не закончатся похороны. Родители были в замешательстве, они не представляли себя без Исхака. Для кого они построили дом? Кто будет жить в нем после их смерти? Если раньше родители были уверены в том, что происходит вокруг них и что им делать, то сейчас они находились в полном недоумении. Удивленно и растерянно смотрели они на окружающих, чуть раскрыв рты. А Серижа, наоборот, сомкнула губы, потому что осознала, что теперь только она сможет им помочь справиться с обрушившейся бедой. И она выбросила оставшиеся крапивные трубочки.

Вис-Али Эбиев**Миниатюры****Когда деревья были большими**

– Бей!

И я ударил. Вокруг стояли мои старшие братья, а залезший в наш сад соседский мальчик схватился за лицо и заплакал – из носа шла кровь.

Мы сидели на заборе и ели вишню, когда тот мальчишка пришел и стал «нагло» срывать ягоды с нашего дерева. Вот братья и решили проучить его... моими руками. А может, и не было вовсе крови, а просто память перемешала все с алым соком вишни.

Сад у нас был большой: там росли и вишня, и айва, но больше всего в нем было ореховых деревьев. Осенью мы собирали орехи и складывали их дома на широком деревянном топчане – такая огромная гора орехов. Затем отец наполнял ими мешки и куда-то уносил. Возвращался он уже поздно вечером с какими-нибудь сладостями для нас с сестрой. Один раз он принес целый ящик шоколадных конфет, и мы очень обрадовались.

Иногда отец брал нас с собой в сельский магазин, мы с сестрой останавливались у прилавка и долго разглядывали стоявшие на полках телевизоры: черные, одинаковые – они всегда привлекали наше внимание. Помню, как впервые посмотрел телевизор – это было у дедушки, какой-то фильм, там человек убегал от преследователей через заросли.

Отец часто брал меня с младшей сестрой к бабушке с дедушкой. Дедушку я боялся, он всегда сидел на деревянной кровати возле окна и сильно кашлял. Возле кровати стоял медный тазик без ручек, в который он часто сплевывал. Когда дедушка видел, что мы испуганы, он брал длинную палку и в шутку пугал, что сейчас побьет нас. От этого мы робели еще больше, а он, видя наши перепуганные лица, начинал от души смеяться.

В последний раз я был в доме дедушки, когда нас забрал туда наш старший брат. Это было зимой, только началась первая война. Ночью мы вышли во двор и смотрели, как озаряется небо за горами – бомбили где-то в сторону Грозного. Отец работал на лесопилке водителем. Один раз он пришел домой со сломанной ногой: на работе при погрузке ему на ногу упало бревно, и потом он еще долго ходил с палочкой. Пока заживала нога, отец изготавливал топорища, вытачивал из жердей коромысла. Люди приходили к нему, чтобы купить их, так как воду приносили в ведрах с родников, а с коромыслом нести намного легче.

Зимой отец делал нам необычные не то коньки, не то лыжи. Может, до сих пор в горных селах их делают: он сгибал пару веток в дугу наподобие лука и к концам этих дуг крепил железные трубки, напоминавшие формой коньки. Надо было уметь держать равновесие, чтобы кататься на них. Берешься руками за дуги-ручки, ставишь ноги на «коньки» и едешь, если удержишься.

Еще отец подковывал лошадей соседям. Один раз мне довелось увидеть, как он это делает: отец подогнул ногу лошади, положил на копыто подкову и стал прибивать ее гвоздями. Мне казалось, что лошади должно быть больно, и я отошел в сторону, думая, что она начнет сейчас брыкаться, но она даже не шелохнулась.

Вскоре, когда нога зажила, отец вернулся на работу и, как-то он принес кошку, чтобы мы играли с ней, пока его нет. Такая рыжая в полоску кошка. Мы же с сестрой, наигравшись, накрыли ее подушкой и долго держали так. Когда подняли подушку, кошка была уже мертвой. Мы сильно испугались, что отец узнает и будет ругать нас, и решили спрятать кошку. Отнесли ее в сад и спрятали за деревом, просто положили на землю. Отец сразу нашел кошку, вернулся из сада

хмурый, молча взял лопату и вышел на улицу.

«Походы» из дома становились все дальше, мы «ходили к отцу», как нам казалось. Куда именно идти, мы не знали и просто шли по дороге через все село. Видимо, это дошло до отца, он забрал у нас обувь и спрятал, чтобы мы не уходили из дома в его отсутствие. Но в один из дней что-то потянуло нас сбежать из дома. Мы ушли из дома, шли по незнакомой дороге. Пошел дождь, дорогу размыло, и мы шли босиком под дождем по этой грязи. Я чувствовал под ногами, под жидкой грязью, мелкие твердые камни. Как закончился тот наш побег, я уже не помню.

Старших братьев и сестер до определенного возраста я видел редко, в соседнем селе. Когда братья бывали дома, мы играли в разные игры, ставили ловушки на голубей. Однажды сделали луки и стрелы и собирались пойти далеко в лес охотиться. Стрелы были хорошие, с гвоздями на острие и перьями с другой стороны. Я радовался, что мы пойдем куда-то далеко, но мы так никуда и не пошли.

В другой раз братья решили сделать дельтаплан. Мы выдрали из забора длинные толстые палки, собрали из них каркас и обтянули сверху полиэтиленовой пленкой. Через лес возле дома мы понесли дельтаплан в сторону горы. С плоской вершины горы деревья казались игрушечными и лес уходил до самого горизонта. Хорошо, что никто не решился полететь. Мы разогнали дельтаплан и у самого края столкнули вниз, он пару раз кувыркнулся в воздухе, начал падать вниз, ударился об землю и развалился на части.

Двух старших братьев я увидел, когда уже учился в школе. Самый старший брат через несколько лет будет отправлен в Афганистан исполнять свой «интернациональный долг». Об этом он мне расскажет зимой 1995 года, когда «мать народов» начнет войну уже под новыми лозунгами. Новую старую, не прекращающуюся ни при каких политических режимах, ни при каком государственном устройстве. Ну а сейчас мне около двух лет. И мне пока нет до этого никакого дела. Наступила зима, на улице холодно, и нельзя выходить. В железной печке потрескивают дрова, в комнате полумрак, и отец все еще где-то на работе. Я сижу у окна и смотрю на деревья на склоне перед домом. Склон круто уходит вниз, деревья видны наполовину, а у растущих ниже видны лишь верхушки. Все покрыто толстым слоем снега: белые сугробы на земле, белые шапки на деревьях, все белое-белое. Я сижу не шевелясь, проходит час за часом, на улице скрипнула калитка – отец возвращается с работы.

Шахматная комбинация

После летней сессии, в августе 2003 года, я решил поехать на каникулы домой в Грозный. Купил билеты до Астрахани с пересадкой на махачкалинский поезд. Так случилось, что накануне в Астрахани был совершен теракт. Ну, думаю, что делать? Решил – будь что будет, тем более уже давно не был дома, и поехал. На следующий день был уже в Астрахани, а пересадка на махачкалинский только вечером. В общем, ждать еще почти полдня. На улице жара, август месяц, присел на скамейку возле перрона, сижу, качаю ногой – скука. Устав сидеть на одном месте, я решил прогуляться вокруг вокзала. На стоянке возле вокзала стоит автобус до Махачкалы, водитель собирает желающих ехать. Ну, думаю, чем ждать до вечера поезда, лучше поеду автобусом. Водитель говорит: «Как наберем достаточно людей, так сразу и поедем». Кроме меня много других желающих, в основном кавказцы и выходцы из Средней Азии. Стоим, ждем. Тут подъезжает автобус, из него выскакивают доблестные блюстители закона. Под предлогом проверки паспортного режима всех в автобус и везут в «дежурку».

В отделении напихали нас в небольшую камеру, стоим плотно – не шевельнуться – человек сто. Через некоторое время в окошко в двери стали выкрикивать фамилии и выводить по одному человеку. Дошла очередь и до меня. Вывели, прокатили отпечатки (уже в сотый раз, наверное, отмытая черную краску с ладошкой), фото на память в профиль и анфас, потом говоря заходить в следующей

кабинет. В кабинете сидит начальник, который монотонно задает мне несколько дежурных вопросов, затем интересуется моим финансовым положением. Я говорю: «Нормально все». А на столе у него, вижу, закрытая шахматная доска лежит. Достая из кармана купюру, собираюсь передать ему, но не тут-то было, начальник не дурак. Он приподнимает одну сторону шахматной доски (а там – о-хо-хо! – вместо ферзей-коней полная коробка купюр) и глазами мне сигнализирует. Мол, клади, брат, сюда. Моя деньга ложится поверх остальных, крышка со стуком захлопывается, печать на мой проездной билет, что ни в чем не виноват и – свобода!

Возвращаюсь на вокзал, улыбаясь улыбкой добропорядочного гражданина всем встречным милиционерам, но что за чудо – я им уже не интересен! Ну, да и ладно. Сажусь на скамейку, покачиваю ногой, жду вечерний на Махачкалу.

Естественный отбор

Первые лучи солнца осторожно прокрались в спальню большого загородного дома. В окне мелькнуло и исчезло чье-то расплывчатое заспанное лицо, через минуту внутри дома раздался грохот, топот, с чувством, с расстановкой прозвучала пара известных фраз, и завершили этот неподвижный утренний концерт щелчки, толчки и скрежет многочисленных замков, засовов и щеколд отпираемой парадной двери.

Потягиваясь со сна, из дома вышел толстяк в майке и «семейках». Почесав пузо, мужчина устремил свой властный взгляд на палисадник перед домом. Красные, белые, желтые и черные лилии, а ближе к высокому каменному забору приютились полевые цветы, которым втайне покровительствовала хозяйка дома. Ровные шеренги отборных садовых цветов в первых рядах выстроились как на параде, готовые внимать своему повелителю в черных «семейках». Толстяк довольнo улыбнулся, пряча руки за спиной.

– Ну просто райский сад! А все благодаря кому? Конечно же, ну конечно! – толстяк театрально наклонялся, приложив пухлые пальчики одной руки к груди, но продолжая скрывать за спиной другую. – Ну-с, приступим что ли? – хитро подмигнув, продолжил он. Сад замер. Стебли колокольчиков в задних рядах задрожали, нарушая тишину обреченным звоном. Холодный ветерок прошел над цветами.

Размахивая секатором над головой, толстяк, словно полководец на врага, ринулся в гущу цветов. Это вам не нужно. Чик-чик – колючие стебли роз попадали на землю. Куда вы так вытянулись?! Чик-чик. Не надо выделяться. Венчики лилий смиренно упали к ногам Вершителя. Ну что это за форма, господи?! Вы всем, что ли? Чик-чик вам, чик-чик – ловко орудовал ножницами мужичок в черных трусах, подгоняя под стандарт форму «неправильно» разросшихся кустов.

– Ах, вот как, значит, да?! – уколовшись об шипы одной из роз, рассвирепел толстяк. – Вот так-то вы, значит, на отца родного! Я ж вас растил и лелеял, поливал и удобрял. Вы знаете, как сейчас трудно достать навоз? Это вам не химия какая-то – чистая органика! И все ради вас, а вы – неблагодарные! Ну, ничего, ничего, и не таких еще в корзину укладывали.

Беспощадный секатор, получив «добро», разошелся не на шутку в экссесе исполнителя.

Через минуту, искореженные и растрепанные, стебли непокорных роз жалкой кучкой валялись на земле.

– Ну вот, теперь все хорошо. Теперь как положено. Все цветом в правильном направлении, опыляемся по расписанию, а увядание я вам и сам обеспечу. Как там было? Ну, этот, – тужился толстяк, – поэт один. Кучерявый такой еще. «Увяданья золотом охваченный, все проходит как с белых яблонь дым», кажись, и так далее, – и толстяк, вернув себе расположение духа усмирением непокорных, захохотал. Оглядев поле своей деятельности и оставшись довольный продельанной работой, мужичок удовлетворенно зачмокал губами. Гармония толстогубой

улыбкой расплылась на бескрайних просторах его физиономии.

В самый разгар сего личного триумфа, когда ликующая толпа подбрасывала на руках своего кумира, чьи-то тонкие морщинистые пальцы закрыли ему глаза, отчего триумфатор позорно уронил садовые ножницы:

– Дорогой, звонили с работы. Прислали новые рукописи.

Степи

Опять дорога, снова стук колес по блестящим рельсам, а вещей в сумке с каждым разом все меньше.

Еще утром я был в Грозном. Город стал еще печальней. Редкие прохожие, бредущие среди развалин, останки деревьев. И не верится, что здесь еще сохранилась жизнь, что вон за тем поворотом будет знакомая улица и дом. Не верится, что увижу размытые расстоянием и временем родные лица. Но вот знакомый подъезд и знакомая дверь. Долго стою у двери, не решаясь постучать. Сейчас, сейчас. Осторожно прикасаюсь к двери. Удивленная и обрадованная сестра застыла на минуту, не зная, что сказать. Выходит брат, здороваемся. Дымящиеся стаканы чая на столе и разговоры до поздней ночи. Ночью вышли с братом во двор, сидим на скамейке в свете газового факела. И все становится на свои места. Три коротких дня дома.

Каждый раз, уехав, думаю, что больше не вернусь домой, каждый раз, уезжая, спрашиваю себя: «Куда я еду?» Смотрю в окно, за окном тянутся бескрайние серые степи. Соседи по купе настойчиво зовут спуститься к их столу. Отказываюсь – не люблю дорожные знакомства, укрываюсь с головой, сливаясь с ритмом стучащих колес. Из монотонного разговора случайных попутчиков внизу выползает вкрадчивый полусшепот настойчиво звавшей меня поесть старушки:

– Вот мы, если держим пост, то держим как надо, а эти мусульмане жрут по ночам, – доверительно сообщила она своим попутчикам. Ее слова не задели меня – за эти годы я столько уже разного услышал в свой адрес и в адрес своего народа, что пропустил их мимо ушей. Задело другое – то, что она была моей землячкой.

Я вспомнил своих школьных друзей, многие из которых были русскими. Как каждое лето нас возили в пионерский лагерь под Шалажи, где я с моими лучшими друзьями – Фофановым Сергеем, Беляевым Сергеем и Банаевым Нохчо – постоянно держались вместе, будь то постройка шалаша за пределами лагеря либо импровизированный поход в горы, когда мы уходили, не спросив разрешения.

Вспомнил своих русских учителей, которые дали мне знания, за что я им до сих пор благодарен. Лидия Ивановна – наша первая учительница в начальных классах. Сергей Иванович – учитель физкультуры, который не давал нам поиграть в футбол, пока мы не выполним основные упражнения. Марья Ивановна – учитель химии, которую все мучили вместо того, чтобы заниматься. Лидия Дмитриевна – учитель биологии и географии, чьи уроки я особенно любил. Ироничный и серьезный Георгий Николаевич – учитель труда и физики, который на вопрос: «Георгий Николаевич, а что мы будем сегодня делать?» – отвечал: «Пряники перебирать!»

Вспомнил своего соседа Сиражди из Гудермеса, который в самый разгар первой войны зарезал бычка и раздал мясо в первую очередь русским бабушкам, жившим в нашем дворе. Многое вспомнилось: и хорошее, и плохое. Чего греха таить, не всех их мы защитили от нас же самих. Чего греха таить, я никогда не буду относиться к ним так, как к другим русским – слишком много несправедливости. И каждый имел право на свое мнение, пока оно не стало навязываться силой.

Я отвернулся к окну, за окном – степи, степи. Не люблю я их.

Башир Виситаев**Чем живет мир**

Скайлайн хай-теком колоритен:
От андеграунда, где хот-дог в дефиците.
До фуршетов истеблишмента
В фешенебельных апартаментах.

В дайджесте сегменты трендов:
Гаджеты, ноу-хау брендов...
На уик-энды шопингом девайс:
Лэптопы – кульно, нетбуки – не айс.

Нёрды, геймеры и гики,
Яппи, хикки, хипстеры и фрики.
У каждой субкультуры атрибуты:
Блейзер, поло, угги, худи...

Аккаунт в браузере онлайн:
Фолловеры, посты и лайк.
Клики в теги, баннеры и лента,
Трафик на контент с торрента.

Сэндвичи и кока-кола ланчем.
Стафф кавайен флоу и панчем.
В прайм-тайм хедлайнером ситкомы,
Реалити, франшизы с зомби.

Всем свое тут: сеть – провайдер.
Сабвуфер – драм или дабстеп,
Адвертайзинг – мерчендайзер...
Старый порок в неологизме окреп.

Природная эксцентрика

Коллажи стужи должностью вождя:
Пружинит кожа жижи луж и виражи,
Баржи с багажом, драже дождя,
Их банджи-джампинг на межи,
Бокажи, ржавые гаражи, витражи...

Облако билбордом. Боры
Бренно бродят. В гардеробе
У Земли арробы роботы;
Бор – ее боа, баобаб – бибабо,
Бобы – бубу, бабуши и жабо.

Путч туч, чья чадра все тучней.
Мчится в ча-ча-ча, журча, ручей.
И смерчи чрез мечи лучей –
Злосчастьям чичероне и ткачи
Урочища песчаной чесучи.

Кисеєю золовая пыль и ямы льялом.
Как бииняю, зной мая и апноэ гая.
Солнце, лелея алоэ, ели, туи, вайи,
Лалом алело из тона аи и виднелась его
С яйлы и аллеи юла ли, йо-йо...

Для быдла специфична
Энциклопедичность:
Когнитивным диссонансом
Формирует резонансы
В амплитуде колебаний
Нервных окончаний
Патогенных биомасс,
Деградационных фаз
Социальных механизмов
Постиндустриализма.

Свои полномочия заполнения
Пространства и прочие менее
Резонирующие зрение
Я слагаю с себя.
Я слагаю, дробя,
Ибо наличие цифр
Уже есть шифр.
Существование – фрагмент
Своего определения.
В ритме броуновского движения
Придёт хэппи-энд.

Когда-нибудь пройдут все вторники,
Эти скверы от прерий лишь пробники,
Раскраски дальтоника.
Дефектом городской моторики
Я застыл, исследующий,
Смотрю, кто следующий
Войдет в состав Содома.

У нашего дома
 Внутримышечная гематома.
 За ареалом феодалов где-то
 Бетонные фасады гетто.
 Где нет того, что брутто, нетто.
 Нищим шире шип, из ниш:
 Спина левиафана лишь,
 Кратер вулкана.
 Средь левитаций целлофана
 И оперных афиш
 Тишь, лишь едет нувориш,
 Чья ойкумена – Интернет,
 Альфой стал квартет из бет.

Глаза горели у Нерона,
 Видя римские хоромы.
 Вирус у природы ровно
 Лишь самооборона.

Не для того я донор,
 Чтоб кормить вампира.
 С какого рациона
 Хочется вам пира?

Красна кариатида, но на
 Деле – пятая колонна.
 Плач детей и речи с трона
 Звучат синхронно.

Нет прежних
 Духовных редакторов.
 Симметрии
 Внутренних и внешних
 Факторов
 Ангедонии:
 Сломанный панцирь
 И канцер.

Поезд уйдет,
 Из ноу-хау –
 Шлагбаум.
 Полет
 Мыслей прервет
 Турбулентность
 Невзгод
 Перманентных.

Мориарти

С миссис Хадсон выпью чая.
 Словно боли
 Свои гасит, выключая
 Лампы в холле.
 Не нашли к ней вы ключа, я
 И тем боле.

Интонации

Глух к брату брат,
 А я не сурдопереводчик,
 А лишь толмач и зодчий
 Своей Диогеновой бочки.
 Как Питер Пэн, пойти назад,
 Где звучат стрекотанья цикад
 О цветении сакур, порой
 На рояли играет пират
 Деревянной рукой.
 Теперь все чаще надо мной –
 Взрывая тишину Тибета –
 Гомерический смех бафомета.
 Морлоков в подвале вой,
 Призрак на мансарде в такт.
 Секунданты вносят сбой
 В коммуникативный акт.

Банши

Не покой и Пенелопа,
 А в морской пене лопасть,
 Сбитой в риф каравеллы,
 В нектаре тиф сальмонеллы,
 И гриф над фавелой
 Ведьмовской кружит.
 Здесь тобой пережит
 Остракизм, остро криз,
 Где вокруг остров крыс –
 Серой мышкой растись.

Несвязные речи

Нейронные связи в роуминге.
 Конструктор деструктивных строк.
 Мне голова шаром для боулинга
 И тело – кегля даны:
 Ведь собой сбиваюсь с ног.
 Я вновь извлекаю ножи из спины,
 Но не извлекаю урок.
 Серпентарий согрел на груди.
 Наши руки для дел – бигуди.

Объяснение морального падения
 Законом тяготения.
 Вы, чей вызов на арену –
 Устраивание цирка.
 Если б звуки брали все в аренду,
 Не покрыли б ценой ваши мнения
 Даже их. Ваши плоскости – дырка.

Увайс Шамаев

Увайс Зояудинович Шамаев родился в 1983 году в ст. Ассиновская Сунженского района. Окончил Грозненский государственный нефтяной институт по специальности «Инженер бурения нефти и газа».

Галопом по европам

Рассказ

Короче, взял я сумку, набрал туда самое необходимое (заграничный паспорт у меня уже имелся) и поехал в Европу.

- Три часа утра, Берлин.
- Ас-саламу алейкум!
- Ва алайкум ас-салам!
- Рамзан?
- Да.
- Я от Исы.

Утро, конец месяца рамадан, день разговения. Солнце, жара. Х1ар ю и иллешкахь йийцина йолу Германи? (Это и есть хваленая Германия?) Я ожидал большего...

- Марха кьобал дойла!¹

Наелся. Уже несколько дней в пути, давненько так плотно и вкусно, подомашнему, не ел. Можно и выйти, прогуляться. Погода благоволит, я сыт, настроение хорошее. А вообще-то, здесь ничего: чистые и ухоженные улицы, красивые старинные дома, чистые авто и общественный транспорт. Кстати, передвигаться по городу очень удобно и ждать приходится лишь пару минут. На табло уже время моего автобуса, а вот и он, точно по расписанию.

– Ладно, Рамзан, тут у меня, оказывается, родственник, я с ним по телефону связался, поеду к нему, спасибо тебе. Земля круглая, в долгу не останусь...

- Мохмад, ас-саламу алейкум!
- Ва алейкум ас-салам!
- Рад тебя видеть! (Интересно, а он мне рад?) Я тут не надолго, думаю недельку отдохну перед неизвестностью. Выйдем во двор. Ого, Зайнди?! Ты откуда взялся? Когда успел? Я и не знал, что ты в Европе... И Аслан? И ты здесь? Ты же, вроде, в Москву уезжал.

Моему удивлению нет предела, когда я там же, во дворе многокорпусного лагерного общежития квартирного типа, встретил еще десяток своих односельчан (село у нас большое, за всеми не уследишь). За эту неделю я повстречал в Берлине еще немало своих знакомых.

Как быстро летит время, пора в путь! Ну, вот он я! Принимайте! Мне говорят отправляться в Хемниц, в лагерь. Около трехсот километров от Берлина. Итак, что же делать? Говорят, место не очень... Нет, поеду дальше, в Данию. Поезд «Берлин – Копенгаген», сижу, смотрю в окно... А природа тут совсем как наша – те же деревья, трава такая же (разве что наша чуть зеленее).

Говорят, Гитлер взял Данию двумя убитыми солдатами, не знаю, правда, с какой стороны. Какие приветливые люди, улыбаются, вежливо обращаются ко мне на каком-то странном языке... Улыбаюсь в ответ, киваю головой. А что делать? Я же не понимаю их, да и выдавать себя лишний раз не хочется – еду же нелегально.

Слева от меня, в соседнем ряду, сидит парень, смотрит в ноутбук какие-то фотки, на клавиатуре вижу русские буквы... «Русский», – думаю про себя. Заехали в какой-то тоннель, что ли... Все вышли, и я вслед за ними. Парень оказался русским, как я и думал. Спросил у него, в чем дело. Оказывается,

наш поезд загнали в огромный паром, четырехэтажный (поезд не длинный, скоростной). Поднялся на самый верх, в ресторан или большое кафе. Плыли сорок пять минут до того берега.

Копенгаген! Холодновато, и солнце не так ярко светит. Встретили, отвезли в лагерь. М-да... Угроздило же меня сюда приехать! Лучше бы я дома сидел, ну или хотя бы в Германии остался. Какая скучная страна! Хорошо, хоть родственников здесь много. Не мое это место – серо, сыро... Кругом моря, а не искупаешься – холодно...

Уже три месяца прошло, шансов получить вид на жительство очень мало, зря время теряю... Еду обратно в Германию! Берлин!

– Ас-саламу алейкум, Мохмад!

– Ва алейкум ас-салам!

Берлин. Хемниц. Лагерь!

Аллах! Куда я попал... Лучше бы в Дании остался, попытал счастье... Ну, ладно... Я что, в арабскую страну попал? Кругом один арабский язык (двое беседующих арабов перекричат толпу эмоционально говорящих представителей другого языка). Да... В моем представлении арабы были совсем другими. Но это североафриканцы (Алжир, Тунис, Марокко), с чистокровными арабами в моем представлении, я думаю, их объединяет только язык... Наши тоже есть, ну а где наших-то нет?! Всякие-разные, но лучше уж свои, чем другие, чужие и по языку, и по менталитету, и по этике. Ничего святого! Как сказал наш пророк Мухаммад (а.с.с.), араб не лучше неараба, неараб не лучше араба. Нет плохих наций, есть плохие люди (только их соотношение разнится). За два месяца в Хемнице было много чего, впечатления разные, но в основном негативные. Повезло! Направили в Дрезден, на ПМЖ. Красивейший город, много красивых девушек. Entshuldegun, Shprehen se rusish? (Прошу прощения, вы говорите по-русски?) Ответы бывали разные, в том числе и положительные. В таких случаях общение длилось дольше. Время летит, четыре месяца прошло. Думаю... А че я приехал-то? Ну, захотелось, и приехал. Работы не было, жизнь не устроена, перспектив нет... А здесь что? Да, весело, интересно, но ведь этого недостаточно. Мне двадцать девять лет, начинать жизнь сначала уже поздно... Была не была, еду домой! Там я хоть полноценный грамотный человек, да и родные скучают, и я по ним...

– Ас-саламу алейкум, Даймохк²!

Какие красивые люди, такие родные... Я говорил, что в Дрездене красивые девушки? Я поспешил: самые красивые девушки у нас, в Чечне!

– Entshuldegun... то есть, хьажахь, йо¹, шу нанна нуц везий³?

Прошел год, мне всего тридцать. Скучновато...

А в Ницце сейчас хорошо, жарко...

¹Поздравление с праздником Ураза-Байрам.

²Даймохк – Родина.

³Прошу прощения (нем.)... Девушка, твоей матери зять нужен? (чеч.).

Валид Докаев**Семь минут без солнца**

Ночь отпускает рубежи,
Уходят с горизонтов тени,
И войск магических твоих
Ряды упали на колени,
Признав позор меча и плена.

Поверх седеющих голов
Бывалых воинов согбенных
Горят в воздушных замках Снов
Огни тяжелых пробуждений...
Еще не время удивленья!

На черно-белом корабле
Алеет синий флаг рассвета,
И тени падают к земле,
Чтоб разлететься на фрагменты,
Вонзившись в мрак дневного света!

Ночной Единой тени шаль
Восход на части разрывает,
Роняют облака вуаль,
Деревья тени выпускают,
Как птиц, что вновь не прилетают.

Еще последних семь минут
На бледном покрывале солнца.
...Ночные воины бегут
И обещают: «Ночь вернется!...»
И день покоем обернется.

Грезы лета

Листва дрожала в предвкушенье:
По тонким линиям листа
Роса скользнула, и мгновенье
Ее держала пустота...

Последним летом наслаждаюсь...
Что я пытаюсь сохранить?!
Как долго я с тобой прощаюсь!
Как натянулась эта нить!

Я говорю с самим собою...
Молчанье ангелы хранят.
Все это – тайна... Тайна Бога!
И лето – вечности обряд...

Любовь, расплесканная нами...
Пришедшая на смену страсть...
Ты сыт незрелыми плодами,
Здесь негде яблоку упасть...

Но утро скоро... Дикой грушей
Луна явилась. Небосклон
Вот-вот накроет темной тучей.
Но пройден, пройден Рубикон.

И, задыхаясь от восторга,
Я слышу песню грез своих.
У одиночества нет бога,
И песня только для двоих:

1

Под сень дубрав, во тьму лесов
Давным-давно, как зверь, я скрылся.
И часто думал –я забылся,
Но это только сон мне снился,
Как будто от земных оков
Я наконец освободился.

2

Среди друзей моих лесных
Вдали от городского шума
Я снова научился думать,
Но вновь тобою облик лунный
Наедине со мною стих.
И я опять горю безумьем.

3

Но подступившей тишиною
Объят ничуть не меньше я,
Слежу за бегом муравья,
С лиан нависших белка ноет,
Опять лиса кого-то гонит,
И птица с белой головою,
Как ангел смотрит на меня.

4

Сойду чуть ниже к роднику,
Водой напьюсь я ледяною,
Но между мною и луною
Творится невесть что такое,
И снова я на берегу
Стою в последний раз с тобою.

5

Но вечерет. Я один.
Ловушка иль благословенье?
Но я клянусь, ни на мгновенье
Меня не тянет к вам из кельи.
Я здесь один. Пусть Господин
Мне вынесет свое решенье.

6

Я тихо погружаюсь в сон
Меж одиночеством и гладом,
И тишины волшебным ядом...

А в этой суете проклятой
Я был безвременьем сражен.
А ныне... ничего не надо.

Твоя беззащитная мама

Тиха вселенная... С кем горе разделить?
Я знаю – это правда, но не верю!
Скажите мне, как осознать потерю,
Соединить разорванную нить?

Обнять тебя, хотя бы на мгновение
Теперь я знаю, мама, ты сама
Такая беззащитная была,
Но ты для нас была благословеньем.

Я говорю с тобою в тишине,
Теперь я знаю, что одна свете...
Как солнце, вечной, ты казалась мне
Ты там одна... и нас – как будто нету...

Но ты любила, как смеялась я...
Невидимой тебе я улыбаюсь.
Как будто вновь с тобою просыпаюсь,
Хоть знаю... знаю... – Больше нет тебя!

Тиха вселенная... С кем горе разделить?
Я знаю – это правда, но не верю!
Скажите мне, как осознать потерю,
Соединить разорванную нить?

И будет так

И будет так: исчезнут небеса,
Как исполнение Его угрозы.
Исчезнут слезы... высохнет роса,
И выплеснутся родниками грезы!
И будет так: закованные в цепи
Смешаются ряды людей.
И будет плакать в наши грезы небо.
И ангелы – безмолвнее теней –
Стреножат человеческую рать.
И мы не сможем больше умирать...

И будет так: от сердца и ума
Проложат нити... нити тьмы и света.
И не удастся никому тогда
Ни отойти, ни избежать ответа!
И тот, кто прОжил с нежною отвагой,
Кто выпил весь предназначенья яд,
Не сбавив сердца раненого шага, -
Тот изначально избежал преград!
Но тяжек груз полученных даров.
Освободи, о сердце, от оков!

И будет так...

Атилла в Ливии

На гибель М. Каддафи

Зловещим пламенем гоним,
На север уходил Атилла.
Дрожала Ливия над ним –
Теперь она его скормила
Тому, кто вновь несет им Рим.

А он в своей зеленой Книге
Запишет краткую главу.
Усталой головой поникнет
И снова окропит траву...
И воинство его покинет...

Зловещим пламенем гоним,
На север уходил Атилла,
Жесточкой юностью храним.
Былая хватка отпустила,
И дверь захлопнулась за ним.

Раскинув руки, как Мессир

На берегу холодных вод
Стою один... Туман крадется...
Волна во тьму меня зовет,
Там час назад плескалось солнце.

Раскинув руки, как Мессир,
Сливаюсь с хладными волнами...
И смирно отступает мир,
Смыкаясь темными кругами.

Туман рассеялся, хитрец!
Он заманил меня в ловушку.
Луна явилась наконец,
Иль небо протянуло кружку,

Наполнив грустью до краев...
Я возвращаюсь... Стынет берег
И ждет моих прощальных слов...
Он знал... я все ему доверил...

Стою на берегу... один...
Наполнен странною молитвой...
И кажется мне, Господин
Меня готовит к новой битве...

«Туман» стирает царства в прах,
Толпа еще не отпустила.
Она не чувствует, что страх
Вернется снова грозной силой...

Мемуары осени

На юг уходят облака,
Как птицы, с клетотом неслышным,
Я чую – дальние снега
Уже холодным светом дышат,

А осень листья ворошит,
Как будто пишет мемуары
И будто клен, волшебнo-старый,
О чем-то тихо говорит.

Но людям надо убеждать
Себя, что время милосердно
И что оно их шаг неверный
Не будет строго осуждать,

И толпы одиноких нас
Спешат по листьям пожелтелым,
Чтобы когда-нибудь упасть
Не духом, но уставшим телом...

У каждого свой Судный день.
Откроет небо дважды двери Света,
И ты исчезнешь, не оставив тень...
И только ты вкусишь дыханье смерти!

У каждого последняя черта...
Спешу, пока внезапно, бездыханный,
Ты не падешь, как ранняя звезда,
Унесшая за светом Жизни тайну.

На подступах добра и зла,
Закован в черные доспехи,
Я бился... отступала мгла
И скрылась в сердце человека!

И ничего не помогло!
Весь мир навеки отвоеван,
И только сердце прячет зло.
А в сердце властно только... слово...

Однажды солнце не вернется
с неба синего...
Однажды тучи напрочь улетят...
Зачем холодным создано красивое?
Иль нежностью пресыщен
этот взгляд?!

Иль, слишком много получив тепла,
Сгорело сердце нежное дотла?!

Как и ты...

Как море – ветер. На его волнах
Я ухожу, едва земли касаясь.
И солнце со слезами на глазах
Уходит, будто навсегда прощаясь.

Оно не скажет этих горьких слов.
Но алой раной, нежным сном заката,
Как эхо отзвучавших каблучков,
Оно исчезнет, как и ты... когда-то...

Птицы памяти моей

Тяжело. Одиноко. На окнах давно уже шторы
Посерели от «струн» улетающих птицами дней.
Только в память врезаю безжалостно острые шпоры:
Лишь бы только на миг оживить эту память ... о ней...

Марем Нохчиева

«Шубку постирали!»

Рассказ

(Имена участников подлинных событий изменены)

...Лариса никак не могла понять, за что ее так невзлюбил этот диковатый парень, по внешнему виду и повадкам больше похожий на бродягу, чем на работника их автоколонны. Впрочем, был Сашка (так его звали) никаким, конечно, не бродягой, а довольно-таки квалифицированным автослесарем и слыл в коллективе, что называется, мастером золотые руки.

«Руки-то, может, у Санька и золотые, но вот характер далеко не ангельский, – думала иногда Лариса, вспоминая своего злопыхателя. – И чего я ему сделала?..»

Они не были знакомы, да и по работе, что называется, не пересекались. Но каждый раз, проходя мимо Санька, девушка натывалась на его колючий, враждебный взгляд, и это было странно. Впрочем, странным считали парня и другие работники автопарка, они не любили и чурались его. Зато Виктор Петрович Жуков, молодой директор их предприятия и бывший «афганец», всегда был дружелюбен по отношению к Сашке, здоровался с ним за руку, и премии по праздникам также не обходили автослесаря стороной, хотя один Бог знает, где в эти трудные времена директор находил деньги еще и на премии...

Но и на благоволение начальника Санек не отвечал особой признательностью, по крайней мере не подавал вида. «Мог бы быть и приветливее, пока не уволили», – думала иногда про себя Лариса, которая по характеру была жизнерадостной, отзывчивой, и проблем во взаимоотношениях с сотрудниками у нее не было.

...Надо сказать, Лариса не была обижена и красотой, а дорогая одежда и ухоженность только добавляли ей шика. Между тем, девушка не была дочурой богатых родителей и родилась не с золотой ложкой во рту. Все, чего она добилась в жизни – и квартира, и не новая, но еще вполне себе «бэха», и дорогие наряды – все это было результатами ее труда. Лариса этого не скрывала и, не в пример «фифам» из числа «золотой» молодежи, даже гордилась тем, что она работает и зарабатывает, а не прожигает жизнь на дискотеках и в барах, да еще и маме помогает материально. Девушка думала, что все это знают, и ей тем более была непонятна враждебность по отношению к ней этого странного Санька.

Лариса работала в этом же автопарке в должности юрисконсульта. И, надо сказать, юристом – особенно в области гражданского права – она была превосходным (впрочем, это был не единственный ее талант), а поскольку даже не самая маленькая зарплата на работе не могла удовлетворить ее довольно высоких жизненных запросов, Лариса подрабатывала еще и частной практикой. Юрист она была в их городе известный и востребованный, а посему данный приработок и составлял, собственно, основную статью ее дохода.

Вот и вчера она приняла участие в судебном заседании по поводу развода и раздела имущества семьи одного известного в их городе предпринимателя Н-ского, причем на стороне мужа, который и был инициатором развода, случившегося вследствие неверности молодой супруги.

Понятно, что в душе Лариса осуждала своего клиента, бросившего однажды немолодую жену ради молоденькой «фифы». И чем эта девица ему отплатила за дорогие наряды и авто?

«Так ему и надо», – думала она, но тем не менее взялась за это дело, по

окончании которого молодуха отправилась обратно туда, откуда пришла, причем с одним чемоданом.

И вот сегодня без памяти признательный Ларисе клиент прикатил к ней на работу на дорогом «мерине» и, помимо гонорара, вручил ей большой пакет с логотипом известного в их городе бутика, торгующего мехами. Точнее, не вручил, а вытряхнул из пакета на руки Ларисе восхитительную пушистую шубку!

– Песцовая! – ахнула Лариса, узрев меховой прикид, о котором она давно мечтала. И девушка немедленно направилась к зеркалу...

...После примерки счастливая обладательница драгоценной обновки выпорхнула из кабинета и направилась (не без намерения похвастаться обновкой) в диспетчерскую, где ее уже поджидала подруга.

И надо ж было так случиться, что у дверей диспетчерской торчал этот несносный тип, Санек. «Что, работы нет, что ли?» – подумала про себя Лариса, но вслух ничего не сказала. Обойдя Санька, девушка вошла внутрь диспетчерской. Открывая дверь, Лариса не видела, каким злобным взглядом посмотрел ей вслед Санек. А если бы увидела, то, наверное, испугалась бы...

– О, Ларка, какая красота! – восхищенными возгласами встретили ее (точнее, ее шубку) девчонки-билетерши, которые как раз зашли в диспетчерскую погреться в пересменку.

– А то! Презент, – кокетливо повела плечами Лариса и, покрасовавшись перед сотрудницами, небрежным жестом бросила шубку на стоявший у входа в диспетчерскую стул.

Бросила и забыла! Залялякалась с подругами...

И только собравшись уходить, девушка с ужасом обнаружила, что стул, на который она двадцать минут назад так небрежно бросила свою обновку, пуст!

...Украли! Лариса заметалась взглядом по диспетчерской, но девчонки-билетерши были все на виду и сейчас смотрели на нее с недоумением. Мгновенно сообразив, что присутствующие тут не при чем, Лариса выскочила во двор предприятия.

Выскочила – и сразу наткнулась на водителей, скучковавшихся возле двери диспетчерской. Они оживленно что-то обсуждали.

– Шубу украли! – Лариса хотела было расспросить ребят, не видели ли они кого-нибудь, выходящего из диспетчерской за последние минуты, но при упоминании о шубе водители вдруг замолчали и переглянулись между собой.

– Лар, ты это... не волнуйся только... не украли, – начал что-то объяснять девушке Михаил, один из водителей...

– Да ладно, Миха, че мнешься, прямо скажи ей – Сашка шубу унес! – резко оборвал парня подошедший пожилой шофер, Степаныч.

– Как унес?! – оторопела Лариса.

– Да не украд он, сказал, что стирать ее несет, – пояснил девушке Степаныч. – Смотрю, несет Сашка шубу, красивую такую, пушистую, к пожарному водоему. Я у него спросил, куда, мол, обновку несешь, жене неси! А он мне – нет, мол, жены, а шубу постирать хочу, грязная она... Так что, наверное, уже постирали твою шубку...

Последних слов Лариса уже не слышала. Ноги сами понесли ее на другой конец двора, к пожарному водоему, возле которого она увидела...

... Это был настоящий ужас! Бедная ее шубка, точнее, то, во что она превратилась, валялась в луже возле бака с водой. Рядом с этим кошмаром застыл Сашка и сейчас смотрел на подбежавшую девушку взглядом, который трудно было даже описать.

В глазах у Ларисы потемнело. Не помня себя от ярости, она молча, как пантера, бросилась на Сашку. Видимо, эта ярость и придала девушке сил. Со всего размаха свалив на землю рослого и неслабого на вид Санька, Лариса буквально вцепилась в горло не ожидавшему нападения обидчику так, как будто хотела его задушить. Впрочем, возможно и хотела, в тот момент Лариса явно не осознавала, что делает.

Лежащий на земле поверженный противник сначала слабо сопротивлялся, отталкивая руки Ларисы, а потом вдруг обмяк... и через затуманенный яростью разум девушка вдруг услышала:

– Давай, добей... с Афгана мертвый уже...

Эти слова были настолько неожиданными, что Лариса разжала руки и уставилась на Саньку оторопевшим взглядом. Но привели ее в изумление не столько слова, сколько глаза мужчины, которые в эту минуту выражали столько боли, что она, эта боль, казалось, буквально выплескивалась из синевы смотрящих на нее в упор Сашкиных глаз... Девушка вдруг почувствовала, как сжалось ее сердце...

Где-то вдаль послышались приближающиеся голоса. Опомнившись, Лариса поднялась с земли (точнее, с Саньки)... а затем... точно повинувшись непонятно какому порыву, протянула руку лежащему на земле обидчику. Не помогая встать, нет, Сашка встал бы и без ее помощи. Помогая подняться.

Водители, подошедшие, наконец, к паре, увидели странную картину: уткнувшись в плечо своего обидчика, девушка плакала навзрыд, а этот самый обидчик гладил ее по голове, успокаивая, как ребенка, и шепотом что-то приговаривал.

...Вечером того же дня, сидя с Саньком в маленьком кафе на окраине города, Лариса узнала все. Узнала про провинцию Кандагар в далеком Афганистане и про то, как на извилистой горной дороге, подбив первую и последнюю машины, душманы буквально расстреляли колонну советской военной техники... Расстреляли вместе с недавно прибывшими в Афган исполнить «интернациональный (как им говорили) долг» вчерашними пацанами, командовал которыми он, младший лейтенант Советской Армии Александр Гилев.

Тентованный «Урал», в котором сидел его взвод, накрыло прямым попаданием. И Александр-Сашка, сидевший с краю у борта, вытащил из кузова раздолбленного и горящего «Урала» тяжелораненого рядового Витьку Жукова, которого во взводе прозвали «Жуком»... а потом рвался туда, в полыхающий ад горящей машины за остальными, не зная, что пацанов уже нет в живых...

– До сих пор их лица у меня перед глазами, – рассказывал Сашка. – А я... я оттуда точно в другую страну вернулся. Страна золотой молодежи, «братков» и дикого капитализма, черт бы его побрал! Грязь одна... А для меня те пацаны братьями были...

При упоминании о «золотой» молодежи Лариса окончательно поняла, чем же она так раздражала этого парня. «Видимо, и меня он приравнял к таким вот «фифам», – с горечью думала девушка.

А парень продолжал рассказывать про войну, про ребят, которых они отправляли затем за «речку» грузом «двести», про глинобитные афганские жилища, куда иной раз приходилось входить, сначала забросив внутрь гранату без чеки... Он говорил, как будто хотел наконец выговориться, выплеснуть всю эту носимую в себе боль и горечь.

– А за шубку ты не сердись, – со смущенной миной на лице закончил рассказывать Сашка. – Я заработаю и отдам тебе деньги...

«Да ну ее к черту, эту шубку!» – Лариса уже и думать забыла за свою испорченную обновку. Сейчас ее мысли были совсем о другом... Она впервые столь близко столкнулась с человеческой болью, болью не от каких-то пустяковых и мелочных обид, а от потерь, которые не могут быть восполнены ничем... И сейчас Ларисе уже казалось, что в ее жизни и в сознании происходит какая-то переоценка ценностей, какой-то переворот, после которого жить так, как жила, она уже не сможет...

...В тот ноябрьский вечер эти двое еще не могли знать свою судьбу. Не могли знать, что через некоторое время Сашку вызовет военком и предложит поучаствовать на платной основе, по контракту, еще в одной войне – столь же жестокой и бессмысленной, какой была «их» афганская война. Сашка откажется.

Не могли знать и то, что пройдет несколько лет, и сменившая за эти годы парутройку мест работы Лариса внезапно забросит свою юриспруденцию и уедет в «горячую точку». Уедет не воевать, а работать, и трагедия измученного войной народа, о котором она сегодня даже и не думает, станет ее личной болью. И каждый раз, спускаясь на машине по горному серпантину, Лариса будет вспоминать Сашкин рассказ и думать о том, сколь же похожа судьба этой земли на судьбу земли афганской, где точно так же гибли и те, и другие в бессмысленном вопросе: «За что?»

Тауз Исс**Азбука**

Слово. Время жизни есть время слова... Таинство рождения человека венчается словом... Словом – криком ребенка... «А-а-а!» – восклицает маленький человек, взойдя к солнцу и звездам... В этом крике живая весть, связующая время и вечность... С этой вестью, с этим первословом мы приходим в «прекрасный и яростный мир»... Приходим радоваться и плакать, смеяться и любить, терять, чтобы находить, постигать и негодовать... Жить... Мы приходим учиться Слову... Как некогда учился Адам... Мы учимся в колыбели и в зрелости... в снах и наяву... в горестях и радостях... Никто не помнит и не может помнить день, когда мы произносим слово – имя... Имя матери... Слово-имя... Родины... Земли... Неба... Хлеба... Воды... Всю жизнь мы учимся слову, и слово учит нас... И всегда остается тишина, и в ней несказанное, заветное Слово... Слово, хранимое глубоко в душе... То, которое никогда не вымолвить... В таинстве жизни... В таинстве тишины...

ПервоСлово...Первослово из ПервоЗнания... Оттуда, Откуда Все... Мудрый учитель – Жизнь... Великий Дар Всевышнего... Мы учимся у Вселенной, от былинки до звезд... У земли и воды... У ближнего и у врага, у аскезы и у соблазнов... И прежде всего у себя... И Тот, кто учит нас – всегда с нами... ПервоЗнание из Первослова... Однажды два мудреца долго беседовали в поисках истины, но так и не могли ее найти... в это время прозвучал азан, и один сказал другому: «Вот и истина пришла...» Слово, Великая Сила... Слово врачует... умиротворяет... возвышает... Есть слова, говорящиеся все... есть слова говоримые и слова хранимые... есть слова повседневные... и слова сокровенные... есть слова-молитвы и мольбы... и еще есть слова, говоримые тишиной... Сегодня мы торопимся жить, как никогда... И чем выше и больше скорости, тем меньше время жизни... В скоротечном времени, в суете и делах мы впадаем в забытью... Порой человеку некогда даже поднять взор и увидеть небо... Мы бросаемся словами... обещаем... забываем... Не помним... Порой не хотим помнить... Сказанное не только уходит, но и возвращается... Небрежение словом создает хаос... Гармония живет в соблюдении слова, в бережном отношении к слову... И если небрежение словом достигнет апогея, то, возможно, и мир обрушится и погрузится во тьму... Слово живет в нас... ведет нас... хранит нас... И нам заповедано хранить, беречь Слово...

В народе, как о высшем проявлении действительности или же о ее отсутствии, говорят: «Есть Слово» («Дош ду») или «Нет Слова» («Дош дац»)... Может быть, мы призваны в этот мир познать Слово? И оставить после себя Слово? Что остается? Слово... Слово, говоримое и хранимое народом об ушедшем человеке... И вся жизнь умещается в Слово, нареченное Народом... Уста ушедшего молчат... Слово, хранимое Народом живёт... Слово Священно... Мир сотворился Словом и жив Словом... Мы Обязаны знать это и помнить об этом Всегда... И тогда наша Жизнь обретет Высокий Смысл.

Имя. Есть имя, нарекаемое при рождении. Им нас зовет мир, и мы откликаемся на его зов. У мира, окружающего нас, много имен. Он многолик и бесконечен. В нем, в великом сплетении судеб и дорог звучит имя каждого.

«Как зовут тебя?» - спрашивают у человека, и человек называет свое имя. Человек приходит в мир безымянным и уходит, оставляя имя. Оно состоит из множества дел совершаемых человеком в брэнном мире.

Человек идет по жизни, прозревая в испытаниях, и, чем больше испытаний, тем больше прозорливый. Однажды, после многих лет жизни и долгих раздумий, его посещает мысль: «А каково мое имя? То, которое я даю сам себе? Перед своей совестью и правдой?» И долго не может ответить. Может быть, думает

он – это имя, которое я ношу в себе и есть настоящее имя. Имя, данное самому себе. Или же это имя, к которому я стремился, но которое не смог осуществить в себе – имя-идеал? Кто знает?

Всегда остается недостижимое, неосуществленное, далекое. Всегда будут свет и тьма, сменяющие друг друга. Мечты и надежды будут вести нас по большим и малым дорогам жизни. И среди всех тревог и озарений первое и последнее слово за человеком. И чтобы вспомнить, помнить имя, нужно помнить имя – Человек. Этим именем и ответственностью перед Творцом мы и живы.

Стратегия культуры

Первоочередной задачей чеченской культуры на современном этапе, на наш взгляд, является ее реформирование. До сих пор она влачит существование остаточными постсоветскими принципами, не могущими удовлетворить ни ее самобытность, ни ее современные реалии. Для качественного прорыва в короткие сроки – в год или два – необходима практическая работа по созданию истории и теории чеченской культуры, выраженной на начальном этапе хотя бы в тезисах. Мы должны наконец осознать свойство, качество и особенности нашей культуры, для того чтобы органично развиваться дальше. Начать эту работу, видимо, надо с общенационального многоуровневого диалога о культуре с привлечением всех средств массовой информации, с обязательным включением в этот процесс всех диаспор: ближневосточной, европейской, казахстанской и российской. Это даст громадный импульс для возникновения широкого плодородного поля общения и формирования основы для дальнейшей работы.

На втором этапе стенографически запечатленный диалог явится материалом для выработки общенациональной концепции строительства культуры, основанной на материалах состоявшегося диалога.

И завершится этот процесс созданием органа, уполномоченного создать не только теорию, но и воплотить ее в широкой практике строительства чеченской культуры. Попросту говоря, то, что возьмется от народа, к народу же и вернется, но только в действенном и сформулированном виде и в живой каждодневной практике.

Нет нужды говорить, что Культуру Надо Строить. Большим подспорьем во всеобщем деле Строительства Культуры явилось бы также широкое вовлечение в этот процесс общественных, творческих и иных организаций. Это должно стать НАШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕЙ, задачей номер один на современном этапе. Культура, в подлинном ее понимании, означает не только театр, литературу, живопись, музыку, хореографию, но, прежде всего, как видится в ее истинном свете свободное от пут и условностей сознание человека как создания Бога, наделенного великой миссией свободы, созидания, творчества и миролюбия. Если мы по настоящему осознаем эту простую и очевидную истину, в нас совершится пробуждение, наполняя нас энергией очищения и возврата к корням, истокам. Только обретение себя, только общее дело позволит нашему сознанию очиститься совершенно и даст твердую точку опоры и верное направление. Нет сомнения, что мы осознали это в полной мере. Ведь культура – это не ведомство, а душа народа.

В инерции сознания постсоветского пространства все еще преобладает нигилизм. Общество, так или иначе связанное недалеким и памятным прошлым, мыслит категориями и стереотипами. Перестройка, шарахнувшись от «Там, за горизонтом», породила свой стереотип: «Запад нам поможет». Однако опыт говорит о том что во всем надо полагаться на себя. Природа жизни есть созидательное движение, и рано или поздно происходит ломка аморфных образов и клише. Преуспевает тот, кто живет согласно поступательным законам бытия. Мировые теоретики культуры еще в прошлом веке предопределили вектор развития культуры, полагаясь на духовные возможности малых народов. Надо полагать, именно в культурах малых народов сохранился первоэлемент образа, способный вывести современное

тупиковое сознание за пределы кризиса, обновить мир идей и представлений.

Чеченская культура хранит в своей глубинной сути здоровое, созидательное начало. И надо бы начать серьезную продуктивную работу по всему спектру ее изучения, анализа и практического воплощения. Это стало бы большим шагом не только в оздоровлении собственного нравственного климата, но и в целом, как нам кажется, позволило бы изменить отношение к отправной точке бытия, а именно – к сознанию человека. Это стало бы не только возвращением к своим первоисточкам, но и подлинным коренным возрождением народа. Культура, несомненно, есть именно та область, откуда можно черпать возможности и силы, способные совершить чудо преображения.

Мы стоим перед настоятельной необходимостью увидеть данную проблему со всей ее актуальностью и во всей полноте. Увидеть и безотлагательно решить. Слишком большая цена утраты культуры малого народа, ибо это часть всеобщего. Завтра, может быть, будет поздно. Идея культуры должна стать общенациональной идеей уже сегодня. И для этого нужны всеобщая воля и ресурсы. Думается, что данная задача нам по плечу и не за горами день, когда начнется активная работа в этом направлении.

Этос (Традиции и современность)

Двадцать первый век все жестче ставит перед малыми народами проблему выживания в глобализующемся мире, океане народов и цивилизаций. Если попытаться взглянуть на эту жизненно важную проблему изнутри, то, пожалуй, можно сказать, что она заключается в способности выживания культуры народа, ее духовном иммунитете, могущем противопоставить всеобщему унифицированному стандарту свое защитное средство. Это вовсе не означает, что нужно отгородиться от современных реалий, напротив, наиболее полезным здесь видится синтез испытанных временем традиций с современностью. Наиболее развитые народы независимо от их количества проявляют способность к динамике, движению, развитию, оставаясь при этом в своей конституциональной парадигме. Если проследить последние десятилетия нашей жизни, то они без преувеличения буквально перевернули не только наш уклад жизни, но и наши представления о мире и в какой-то мере наше сознание. Мы стали другими. Мы вошли в цивилизацию с наибольшей активностью и в то же время с наибольшим сопротивлением, как это ни парадоксально звучит. Таков, видимо, наш национальный характер. То же самое происходило в восемнадцатом, девятнадцатом и в двадцатом веках. Мы одновременно и отстаем, и опережаем время. Интересный факт. Почему? Сослаться на характер значит легко отделаться. В самом деле, почему происходит такое глубоко противоречивое на первый взгляд явление? Возможно, мы боимся потерять свободу как внутреннее качество. И мы же боимся отстать от времени. И в этих метаниях бросаемся в будущее сломя голову, при этом отстаивая свои традиции. В результате происходит несоразмерное явление, когда мы не можем войти в будущее спокойно и осознанно. Сегодня нам пора еще и еще раз весторонне обдумать и осмыслить итоги нашей истории и наконец определить вектор нашего современного сознания. Задача непростая и требующая напряженной работы, усилия. Оттого, сумеем ли мы ответить на эти злободневные вопросы, зависит наша будущность, способность к динамичному уравновешенному развитию. Но, прежде всего, наверное, надо осознать себя как универсум и явление в ходе времени и истории, познать себя. Это позволит нам раз и навсегда покончить с благоприобретенными рефлексиями, вернуть былую гармонию отношений и осознанно синтезировать традиции и современность. Жить в мире, прежде всего, с собой, со своим сознанием и всеобщим укладом жизни, без надрыва и потрясений.

Для этого у нас есть все возможности: и национальный ресурс, и опыт традиций, и духовная устремленность. В истории достаточно примеров, когда тот или иной народ, концентрируя усилие, совершал осязаемый прорыв в буду-

щее. Думается, и у нас хватит мудрости изменить себя в пользу будущего, во всеобщую общенациональную пользу. Разумеется, для того чтобы состоялось Возрождение, надо познать себя, познать свою культуру и, прежде всего, свой язык, этот незаменимый код к истории и душе народа. Опять-таки, подлинное Возрождение может начаться только с возрождения культуры сознания.

Одной из главных составляющих традиционной чеченской культуры было Общение. В кругу жизни Общение выявляло индивидуальность и одновременно вовлекало индивид в общественную мыслительную жизнь. Считалось, что и любовь произрастает из общения, и как следствие этого понимания существовало такое объемное понятие, как Уйр-Безам (Узы-Любовь). С раннего детства человек бывал вовлечен в этот непрерывный процесс школы жизни и по мере мужания на него ложилось личное и общественное бремя ответственности. Именно в общении происходил обмен мыслями, идеями и новостями, вырабатывался общественный идеал. При этом следует отметить, что главной темой общественных бесед являлась тема бытия человека, его предназначения, высшим же идеалом здесь, безусловно, являлось Житие Пророков, их жизненная стезя и высокий пример жизни.

Вообще, на Кавказе и, в частности, в Чечне высоко ценилось ораторское искусство и Слово. Понимание, что Слово несет в себе не только мысль, но и духовную энергию, создавало очень бережное отношение к слову и накладывало на «Хозяина Слова» («Деш Да») персональную ответственность. Можно сказать, что такое бережное отношение к Слово и Общению происходило из знания законов мироздания и чуткого отношения к явлениям тонкого свойства. Такой образ жизни создавал в обществе атмосферу доверия и равновесия.

В современном мире главным образом происходит интенсивный обмен товарами, общение перешло на задворки потребительства. Люди попросту отвыкли общаться. Технологии и потребление отняли у человека Человека. И трудно сказать, что нас ждет впереди.

Век безудержной информации сметает теплоту живого человеческого общения, пространство общения невероятно раздвинулось и одновременно оскудело. Слишком много слов и мало молчаний. Возможно, человек в очередной раз расстается со своей первозданностью.

Традиционное восприятие Жизни у чеченцев заключалось в одном слове – Некъ (Путь). В этом емком слове Жизнь Человека понималась, как Высокая Стезя и Духовная Миссия. Не просто путь, не просто дорога, а именно Путь Духовного Обновления в череде земных испытаний сквозь толщу времени и материи. Этот провиденческий, философский посыл вел по жизни, всегда помогая «видеть вершину» («Лакхе ган»), совершенствуя человека и постоянно поддерживая в нем необходимый внутренний взгляд, уровень. Этот вектор в конечном итоге был направлен к Богу («Далла те боьду Некъ»), как Путь Бесконечного совершенствования. Направленность и усилия в этом выяли из человека Личность, несущую ответственность за свой земной путь, тем самым вырастая в своем сознании до космического масштаба, до Вечности. И жизнь осознавалась не как быт, а как Бытие.

В Новое время, в силу объективных причин, традиционное сознание претерпевает ряд изменений. Появляется новое понимание жизненной вехи, выраженное в словосочетании Некъ -Болх (Путь-Работа). Эта формула, появившаяся с вхождением в пространство мировой торговли в конце позапрошлого - начале прошлого веков, устоялась в советскую эпоху. Жизнь медленно и как-то незаметно превратилась в быт.

В новейшее время времени не остается даже на быт. Все стало работой. (Болх). Бегами. «Времени нет ни на что». Осталась работа и деньги, вернее, деньги-деньги - ... И место под солнцем измеряется этим «эквивалентом». Работы на всех не хватает. Единственное, что умножается, плодится и производится, есть купля-продажа, попросту говоря – базар. Достаточно скучное занятие. И все бы ничего, если бы Вселенский Базар не объявили смыслом, стержнем и содержанием Жизни. И даже Путем.

Узлы и узы

Кавказ в мировом сознании занимает центральное место и авангардную роль. Достаточно перечислить некоторые общеизвестные предания и мифы, зафиксированные в Священных Писаниях и мировых мифологиях, чтобы осознать, что это действительно так. Первым в этом ряду можно назвать миф о Потопе, после которого Ковчег пристал к горам Кавказа. Здесь уместно сказать, что послепотопное время и пространство со второго витка истории человечества, длящиеся до наших дней, начались именно с Кавказа. Следовало бы задаться вопросом, что происходило в очевидно большой период времени в несколько веков до того, как кавказоид, осваивая землю, по свидетельству Библии, спустился в Сенаар (Месопотамию, Двуречье). В науке установилось твердое мнение, что история начинается с Шумер. Между тем, повисает в воздухе совершенно обоснованный фактом времени вопрос: «А чем занимались и где находились несколько веков люди, жившие и пришедшие с Кавказа, до прихода в Междуречье?» Сам по себе напрашивается ответ о том, что история началась с Кавказа, да и сам Кавказ по сию пору в своем многообразии и единстве множеств можно назвать своеобразным Ковчегом народов. Отметим также, что есть достаточно обоснованные версии о том, что и Эдем существовал именно на Кавказе.

Следующим в ряду преданий и мифов интересно рассмотреть миф о Вавилонской (Б1овилонской) башне. Согласно Библии, люди возгордились и вознамерились построить башню до неба и начали строительство. Вавилонская, или Б1овилонская башня, чей праобраз, рожденный послепотопным временем, до сих пор стоит в горах Кавказа и называется б1ов (башня). С большой долей вероятности, согласуясь с недвусмысленным названием и сакральной архитектурой, можно предположить, что б1ов (башни) начали строить именно в послепотопные времена как спасительные, культовые и многофункциональные сооружения. Этот образ и архитектура вместе с названием Б1ов – Б1овилонская – Вавилонская и легли в основу строительства и впоследствии мифа о Вавилонской башне. Как известно, Бог смешал язык гордецов, и люди, перестав понимать друг друга, рассорились и разошлись по всей земле. Не исключено, что, разойдясь, они большей частью вернулись на свою историческую Родину, на Кавказ. Во всяком случае, если обратить внимание на то, как вертикаль Б1овилонской-Вавилонской недостроенной гордецами башни рассыпалась и обратилась в горизонталь, то как раз Кавказ и есть не только историческая Родина, но и наглядная, красноречивая горизонталь смешавшихся языков. Иными словами говоря, низвергнутая вертикаль Вавилонской-Б1овилонской башни. Эта горизонталь в древности звалась «горой языков» и по тогдашнему свидетельству в ней было более трехсот языков, из которых на сегодняшний день уцелело порядка семидесяти.

Мировая спираль не только во времени и пространстве, но и в образах и символах разворачивается и свертывается на Кавказе. Здесь на втором послепотопном витке зарождалась не только новая жизнь, но и новые образы и символы, ставшие впоследствии мировыми. Одним из таких образов стал образ мастера и делателя Пхьярмата – Прометея, добывшего людям огонь небесный. Первичность этого мифа как кавказского не может вызывать сомнения хотя бы в силу кавказского культа Очага, не говоря даже о пространственно-временных категориях и языковой принадлежности. Именно поэтому эллины и «приковали» Прометея к горам Кавказа.

Следующим мифом, повествующем о Кавказе, не только как об исходной точке разворачивания, но и стране, хранящей в себе несметные богатства и знания, является общеизвестный миф о Золотом Руне. Этот образ, рожденный уже за пределами точки разворачивания, возвращает нас в сказочную страну, где хранится не просто Золотое Руно, но, по существующим свидетельствам и версиям, прежде всего, Знания, выраженные в древнегреческом мифе в образе Руна. В самом деле, сам многозначный образ Золотого Руна и рискованность

экспедиции аргонавтов, приплывших к берегам Кавказа, доказывает верность версии о том, что вряд ли хитроумные греки стали бы рисковать только ради материального богатства – золота. Безусловно, как исходная точка истории человечества Кавказ хранил в себе Знание, и ойкумены спорадически совершали попытки завладеть ими. Одним из краеугольных камней в объеме древнего Знания, судя по всему, было Знание Закона Тварности и Мирового Движения, согласно которому все произрастает, движется и дышит в Едином Алгоритме Спирали.

Итак, первознание, заложенное в человеке актом Творения, было цельным и совокупным, обладая которым человек был совершенен в своем сознании. Знание это, судя по всему, было духовным, интуитивным и включало в себя систему образов, символов, знаков. Это позволяло скорее чувствовать, угадывать душой, сердцем знания мировых законов, одним из основных среди которых был закон Единого Движения, или, если сказать по иному, – Закон Спирали, Единого Алгоритма. Можно сказать, что именно это знание легло в основу строительства башен (б1ов) как некоей космогонической модели Вселенной, уходящей спиралью в небо, завершаясь точкой камня-навершия. И, скорее всего, башни эти, судя по совершенству аскезы, строились для духовного совершенствования и являли собой образ и знак, равнозначный самому человеку, его внутренней сущности. Этот период в истории человечества, именуемый доисторическим, можно также назвать кавказским. Кавказский архетип, так или иначе, был и остается ведущим в мировом Движении и Делании. Кавказоид создал наиболее совершенный тип человека – рыцаря, в котором преобладали духовные качества. При этом интересно отметить гармонию человека и ландшафта. Она проявляется во всем, но наиболее зримо проследить это соответствие можно на примере одеяния. Прежде всего, следует обратить внимание на геральдический пояс, коим рыцарь инициировался, вступая на путь совершенствования и победы над собой. Здесь отчетливо пролегает линия верха-низа, духовного-плотского, земного-небесного. Собственно, пояс был символом мировой цепи гор, смыкающихся Кавказом. Главным элементом этой линии был обоюдоострый кинжал – своеобразная копия Тысячевершинника – Великого Кавказского Хребта, идущего диагонально сверху донизу от моря до моря. В свою очередь Тысячевершинник-Кинжал был своеобразной копией Небесного Млечного Пути, что тоже было отмечено элементом одеяния – газырями, подчеркивающими неразрывную связь человека с Небом. Если добавить к этим сакральным составляющим бешмет, тогу, бурку и башлык, то наглядна архитектура гор, завершающаяся короной папахи. Таким образом, мы видим соответствие и гармонию человека и среды обитания. Более того, в этом уникальном явлении кроется глубокая философия. Кавказоид-рыцарь выстраивал образ жизни, идентичный Божественным законам мироздания, где мог быть самодержцем над собой, а самодержавием его была собственная личность и свобода. Можно сказать, что кавказская культура и миропонимание зиждется на этом непisanом постулате. Культ Рыцаря и Дамы, родившись на Кавказе, по-разному интерпретировался в мировой культуре. Например, в Европе рыцарь иллюстрировал и публично проявлял свои чувства, напротив, на Кавказе чувства были крайне сдержаны и вовсе не иллюстрировались. Культ Дамы по-прежнему трепетно сохраняется на Кавказе и сегодня. Достаточно напомнить церемонию свадьбы, где невеста наделена особым статусом, находясь под покровом прозрачной занавеси и молчания. Это магическое неприкосновенное пространство есть своего рода пьедестал, зона особого отношения к ней. И единственный танец с невестой (Дамой) завершался припаданием партнера (Рыцаря) перед ней на колено в знак особого почитания. Впрочем, этот глубоко символический элемент культуры танца вошел в обиход и его можно наблюдать достаточно часто. Присутствие жениха (Рыцаря) на свадьбе исключалось, что тайло в себе элемент чистоты взаимоотношений.

То, что культ Женщины и Дамы получил свое завершение в образе Амазонки именно на Кавказе, еще раз подтверждает его первичную принадлежность.

Итак, мы видим, что основные мировые мифы (сконцентрированная прапра-мать) и образы принадлежат Кавказу. Иначе быть и не могло, так как послепо-топное время-пространство человека началось именно отсюда. Суммируя все вышесказанное мы можем отследить своеобразную цепочку мировых образов в мировых мифах: Эдем – Ковчег - Башня (Бивилон) – Прометей (Огонь) - Руно – Рыцарь – Дева.

Не менее интересной предстает Кавказская Живая Этика, к сожалению до сих пор не ставшая предметом пристального исследования. Между тем ее можно назвать неписаной Кавказской Конституцией, на которой крепится уклад жизни. Пожалуй, трудность описания здесь заключается в том, что каноны Кавказской Этики настолько тонко организованы, что неочевидны для незнакомого глаза и органичны для самих кавказцев. Кавказская Этика зиждется на духовном начале человека и направлена на укрепление нравственного начала в человеке. Сознание кавказца работало в стихии времени и, как нам кажется, отсюда проистекает и культ Старшинства, почитающий время в человеке и человека в пространстве времени.

Уникальность Кавказа, прежде всего, состоит в его многомерности и единстве множеств. Это касается ландшафта, климата, флоры, фауны и, конечно, прежде всего – человека, его культуры, внутреннего содержания. Человечество может глядеться в Кавказ со всех сторон света и вспоминать, узнавать себя как в зеркале. Колыбель народов, великий тигль, где пестовалось и ваялось полузабытое чувство достоинства человека, твердь земная и духовная, собрание красот и великодушия, многоголосье, слышное на все четыре стороны света, любовь, обнимающая весь мир, мечта, сон, вдохновение всех.

Рефлексии мира сходятся на Кавказе. Равновесие здесь. И если сегодняшняя Европа пишет свою Конституцию с Традиций Кавказа, то это вполне закономерно. Трава бессмертна корнями. Того, кто ушел далеко, влекут родные пороги. Человечество сегодня стоит перед необходимостью оглянуться. Вспомнить. Самозабвение слишком очевидно.

Кавказ, безусловно, явление мировое, надмировое, сакральное. Сложенный из десятков наречий, языков, культур, озарений и чувствований, наивный, как ребенок и мудрый, как старец, высокий до головокружения и укромный, как горная долина, неизменно жизнерадостный и стойкий в ненастье, плененный красотой свободы, свидетель Великих событий и Времени, утекающего и вытекающего из Вечности...

Если долго смотреться в одну точку, человека может посетить озарение. Если хватит терпения и воли. Если хватит воли и терпения, миру надо внимательно всмотреться в Кавказ и вспомнить себя, свою Колыбель. Если, конечно, стали не слишком взрослыми. Если не слишком далеко зашли и не окончательно заблудились.

Кавказский Круг, взошедший к Мировой Спирали, вобрав в себя земные и небесные токи, продолжает писать свою молчаливую Историю. Она принадлежит всем. То, что написано, принадлежит тем, кто написал. Время терпеливо. Да и зачем спешить в Вечность...

Казбек Гайтукаев**Я рассказал морю, и море вскипело...**

По многим параметрам творчества и личной судьбы Тауз Исс примыкаем к поколению чеченских писателей, которые родились в депортации и о своих литературных амбициях впервые заявили в 70-80 гг. прошлого века в объединении студенческой молодежи «Пхьармат» («Pharmat» – «Прометей»). Он разделял с коллегами идейно-эстетические принципы литературного объединения, поставившего себе задачей нести народу свет просвещения искусством художественного слова.

Однако творческая стезя, как и личная судьба Тауза, своеобразна и неповторима, как, впрочем, и у других его собратьев по перу.

Тауз родился в 1951 в Казахстане, куда «под корень» были депортированы чеченцы и большинство других северокавказских народов. В 1957 семья Исаевых вернулась в «возрожденную автономную республику вайнахов» (В. Аксенов) - в родное село Зонах (Sonah), что на берегу своенравной горной реки Орга (Аргун). Проучившись там первые восемь лет, Тауз среднюю школу окончил в Ростовской области, куда переехали его родители на временное место жительства...

В последующем свое образование, учась заочно, Тауз совершенствовал на историческом факультете Чечено-Ингушского государственного университета, в Воронежском институте искусств, на семинаре «Поэзия» Московского Литературного института им. А.М. Горького, который окончил в 1988 году. За это время он перебрал множество профессий, не чураясь непрестижной черной работы, трудился в геолого-разведывательной бригаде, на стройке, актером, учителем, журналистом, редактором и др.

Большую часть юности, молодости и взрослой жизни Тауз провел вне языковой среды родного народа, что не могло не сказаться на формировании его как личности и своеобразии его творческой биографии. Отчасти, думаю, этим объясняется преобладание у него текстов на русском языке.

Впервые как поэт он заявил о себе в тридцать лет в 1980-1982 гг. публикацией стихов в Шатойской районной газете «Ленинец». Подборки его поэтических опытов появлялись в коллективных сборниках: «Чтобы земле жить» (Грозный. 1988), «Антология чеченской поэзии» (Москва. 2006). Спорадически его стихи публикуют толстые журналы: «Звезда Востока», «Литературная Абхазия», «Орга», «Вайнах», «Нана», «Маьлха-Аьзни»...

Судьба книг Тауза, как и его личная жизнь, складывалась далеко не гладко, о чем свидетельствуют и такие чисто внешние показатели, как география изданий его произведений и продолжительность пауз между ними...

Первый сборник его стихов «Пространство души» был издан отдельной книгой только к его сорокалетию под псевдонимом Тауз Итс (Грозный, 1991).

Потом была пауза длиной в две войны. Об этом периоде Тауз в автобиографии запишет так: «С 1995 по 2008 годы жил в Абхазии, где издавал частную газету, а также несколько книг поэзии, эссеистики и прозы: «Горсть», «Грани», «Путешествие в полдень», «Линии».

«До пятнадцати лет, – признавался он там же, – меня воспитывали горы. После – бесконечная череда разлук. Три тринадцатилетия скитаний... Последнее тринадцатилетие разделило со мной море Абхазии, среди мертвой послевоенной тишины и блокады.

Сегодня снова (в который раз) вернулся, пытаюсь вернуться на Родину, встающую из пепла и руин двух «чеченских» войн». (Из автобиографии автора).

Перечисленные автором небольшие по объему и тиражу книжечки, изданные в Абхазии и Чечне, не привлекли к себе особого внимания критики, которого

они, на мой взгляд, заслуживали. В них уже тогда обозначился круг проблем и особенности поэтической манеры автора, которые найдут дальнейшее развитие в последующем его творчестве.

Конкретно, ряд заявленных в них тем и сюжетов, а также посеянных в них идей и образов получили развитие в его рубежно-межевом «романе-светологосе» «Имя Родины» (2011, 2012). До появления этого романа Тауз был известен, в основном, в среде коллег и издателей и, пожалуй, в кругу любителей экспериментальной поэзии...

Именно с выходом в свет «романа-светологоса» пробуждается устойчивый интерес читающей публики к автору, кроме всего прочего, и потому, что в нем было много правды о последних войнах России в Чечне [1].

Естественно, каждый автор вправе сам определить рубежи, грани и этапы своего творчества, следуя индивидуально-неповторимой логике его внутреннего развития. При этом, однако, невозможно не учитывать и вехи, расставленные историей...

Несомненный факт – геноцид 44-го года разделил жизнь оставшихся в живых чеченцев старшего поколения на «до и после» него, так и бойня в двух последних войнах, унесших до четверти от миллионного населения Чечни [2] разделила жизнь нынешнего поколения на «до и после» нее, оставив неизгладимый след в его судьбе и памяти, сравнимый разве только с еврейским холокостом. Претерпели деформацию традиционный уклад жизни народа, его духовно-культурные ценности, последствия ущерба от которой еще не вполне очевидны и не до конца осознаны.

Глубинные изменения быта, психологии, морально-этических понятий и представлений нового поколения, соответственно, находят выражение в идейно-художественном содержании современного национального искусства: театре, музыке, песне, хореографии, живописи, скульптуре, архитектуре и, естественно, в литературе, создавая свой особый аккомпанемент времени, расставляя в нем свои вехи и выделяя свои этапы развития...

Так, в сборнике «Пространство души», составившем некий итог первого, по определению самого автора, тринадцатилетия отразились ожидания и настроения народа в период от «хрущевской оттепели» до «горбачевской перестройки».

Уже в названии книги обозначены предмет и параметры творческих исканий поэта. В центре его внимания - душа лирического героя, она же Вселенная и его Космос. В таком определении эстетической задачи автора явно просматривается философская установка древних: «Познай себя и познаешь весь мир». Поэт, таким образом, как бы приглашает читателя к соучастию в постижении следующего, высшего уровня истины: «измени себя», ибо только это и есть «прямой путь» к Совершенству через Слово, которое вбирает в себя идеи и понятия «...о мире, всепрощении и ненасилии»[3].

И здесь у автора имеются великие предшественники: Кунта-Хаджи – Лев Толстой – Махатма Ганди...

Говоря о литературных истоках творчества чеченского поэта, надо помнить его учебу на семинаре «Поэзия», полный курс которого он прошел в ИМЛИ. Видимо, оттуда россыпь осколков, реминисценций, цитат и образов в поэтических экспериментах Тауза, восходящих к поэзии символистов.

Оттуда же и его понимание творчества как иррационального, бессознательного процесса, о сложной природе соотношения образного слова и предметного мира, художественного вымысла и действительности. Для него, как и для символистов, не суть важны обыденные детали, но переживание неощутимого, неочевидного, неосязаемого...

Есть еще более общее и важное обстоятельство, делающее обоснованным сближение Тауза с символическими. Символизм как искусство декаданса (упадничества) возник в период общественно-политического кризиса в конце XIX – начале XX вв. сначала на Западе, во Франции и Бельгии, а затем и в России. Век спустя кризис повторяется, с кульминацией на момент распада

советской империи, названный «геополитической катастрофой века»...

На это время повторного мирового кризиса, умноженного очередной чеченской трагедией, выпала судьба творить Тауза Исс, как, впрочем, и другим национальным литераторам и деятелям культуры, которые в большинстве своем без восторга приняли распад империи, самые тяжкие и острые «осколки» от которой обрушились на многострадальную Чечню, круша все, что стояло или не так лежало, неизбирательно зачищая население, так и не успевшее понять, в чем в этот раз его вина...

Тауза Исс одним из первых среди коллег ощутил толчки приближающейся катастрофы. Так, в риторическом обращении к согражданам он не без горечи и сожаления констатирует: «Апокалипсис и Всемирный потоп // Уже случились // спите спокойно (С. 131) [4].

Доминирующие настроения и идеалы общественного устройства, понимание роли и места поэта в искусстве у Тауза оказались сравнимыми с аналогичными идеями и идеалами французских и русских символистов, провозгласивших принцип «искусство для искусства». Но с поправкой на индивидуальность автора и характер восприятия им исторического момента.

Окружающий мир как данность в безграничности своих граней - событий, фактов, обилия красок, звуков – словом, неисчерпаемости сути своей – отражается в «Пространстве души» через призму восприятия поэтического Я как космос внутреннего мира героя, подчеркнуто не отделенного от автора.

Показательно, что первую свою книгу «Пространство души» автор предварил признанием: «Мои стихи – мое одиночество, рассказанное самому себе», обозначив тем самым круг своих интересов, в том числе и в области жанровых экспериментов – «Лабиринты», «Экзерциции», «Сказуемое», «Эссе», «Своеравная поэма».

В последней своей книге – «Чеченское солнце» - он дополняет «пространство души» лирического героя оригинальной трактовкой роли поэта и поэзии: «Поэт всегда изгнанник и пророк... Свобода понимается им как священная данность свыше... Он догадывается, что все кончится... Останется... слово, которым сотворен мир. Слово, которое от Бога...» [5]. В этих словах почти вся эстетическая программа сегодняшнего Тауза Исса...

У символистов предметный мир, реалии окружающей действительности, как было сказано, часто служат поводом и средствами проникновения в сферу непознаваемых, неясных, неизъяснимых видений и ощущений, когда в недрах иррационального рождаются образы реальных чувств и впечатлений.

У Тауза Исса: «Пространство души – бесконечность // А тело пребудет в земле // И Млечное поле и Поле земное // Как две бесконечности будут со мною» [4].

Поэт для воспроизведения сложных еще не вполне определившихся ощущений и переживаний погружается в образный мир иносказаний, развернутых метафор...

Сегодня число очередного молчания,

Упавшего мне в душу каменной пустыней. (С.21).

Речь об одиночестве, но не только. В который раз ожидаемое не случилось, и это приносит разочарование на грани отчаяния. Для автора главное – убедительность образа, переживаемого лирическим героем чувства не в лучший момент его жизни...

Например, из следующих замысловатых строк:

Где стаи листьев смяты в мякоть почек,

В мои глаза вливается рассвет –

следует, что лирический герой реально ощущает приближение весны («Листья смятые в мякоть почек») в момент, когда в его «глаза вливается рассвет», вполне очевидно – ранним утром. И хотя он еще не определился, как ему отнестись к этому природному явлению, картина обновления («рассвет»,

«весна», «утро») внушает надежду и настраивает его в своем одиночестве на ожидание чуда – не все потеряно, и счастье возможно... (С.20).

Тема одиночества сопровождает все творчество поэта, ею пронизаны почти все жанры его поэзии.

Создается впечатление, что автору доставляет некую усладу состояние одиночества, которое, однако, не всегда представляется соразмерным переживаемой ситуации:

Одиночества прошу в одиночестве // В слишком понятном мире людей // Непонятны понятные истины // И опять ухожу в одиночестве // В одиночество одиночества (С. 17)

Особенно жалобно эта тема звучит в его следующем двустишии:

У подоконника, как у последнего пристанища,
Я приютился, закрыв себя спиной. (С. 36)

Между тем, в одиночестве чеченского поэта нет ничего от сплина английского барда Байрона или от чувства тупика и безысходности символистов, хотя оно традиционно воспринимается в литературе в целом и сохраняется у Тауза, в том числе, как форма ухода от действительности в искусственный мир иллюзий и мечтаний.

Лучшее из одиночеств // одиночество, разделенное с звездами...// горизонтом птиц // тихой женщиной...// с самим собой... // Одиночество – бесценный божественный дар // Оно защищает нас от превратностей судьбы, суеты и обмана... // Оно последнее // самое верное пристанище. (С.118-119)

В дальнейшем прояснится, что одиночество – это и момент душевного состояния, и условие рождения из космоса Тишины пространства Слова. Говоря прозой, оно, кроме всего прочего, трактуется автором как необходимое условие творческого процесса – «ада и рая» поэта...

Поэтому объяснимо, почему его одиночество сопряжено с образами молчания, уединения, покоя, тишины...

Не говорить хочу с тобой – //Хочу молчать // И в молчаливости немой // Все понимать. (С.36)

Ряд стихов в «Пространстве души» посвящены женщине. При этом у автора нет развернутого, завершенного образа возлюбленной и нет представления о ней, как о единственной...

Уходит женщина, уходит // В час пик по городу пустому // И в сердце горестном уносит // Отчаянный и нежный крик (С.12).

Поэт, как правило, сосредоточен на том, как и что переживает лирический герой, о переживаниях его пассивности остается только догадываться...

Стихотворение без названия (и без знаков препинания!) «Ты сотворена из тишины...» – одно из лучших в его лирике о романтических отношениях мужчины и женщины. Интересно, что в стихотворении чувство не названо по имени, как это принято в по-европейски цивилизованной поэзии.

Ты сотворена из тишины // Из дыма майских вечеров // Из белых вьюг январских дней // Из сумерек в часы заката// И в час добра и в дни утопий // Ты первая в ряду имен // Всех женщин мира и времен// В минуты беглого виденья // Когда во мне созреют гроздь // Легчайшей ветхой тишины...// И все что было до сих пор // Разлукой было и тоскою // И все что будет с этих пор // Одним лишь словом назовется // Но это слово будет вечно // Единой тайной от людей // Оно // то слово // пусть отныне // Для нас всегда // не-про-из-не-се-нно // Молюсь я памяти твоей // И тишине молчащих глаз // В нас эхо прошлого звучит // В нас голос будущего бьется. (С. 28-29)

Интонация клятвы лермонтовского Демона здесь не представляется

инородной. Вместе с тем, стихи чеченского поэта оригинальны и звучат искренно, как молитва.

На наш взгляд, эти строки Тауза Исса не уступают по красоте, силе и глубине чувства многим лучшим образцам этого жанра не в одной только национальной литературе...

Сдержанность и недоговоренность в выражении эмоций не означает их отсутствие или скудость. И дело тут не только в естественном целомудрии и ранимости романтического чувства, которое сторожится публичности...

Думается, здесь в характере лирического героя нашло выражение своеобразие национальной ментальности, предусматривающей сдержанность в проявлении «сердечных тайн», как и соблюдение традиционной дистанции в четыре шага, которой молодым в идеале полагается придерживаться на rendez vous.

Кроме того, нельзя исключить, что благоговейное сакральное отношение к Женщине в творчестве чеченского поэта восходит к еще более древним глубинам: к матриархату, временам ЦIен Нана – Матери Огня, Дома, Хин Нана – Матери Воды, Меха Нана – Матери Ветра...

Между тем, лирический герой Тауза Исса – персонаж вполне узнаваемый. Он убедительно вписан в современную действительность, с очевидной неустроенностью его личной судьбы, дискомфортом одиночества и далеко не идиллически складывающимися взаимоотношениями между Ним и Ею.

В круговерти чередующихся встреч и расставаний он глубоко переживает драму неизбежных потерь и разочарований, но стоически переносит их. И беспрестанно ищет, искренно веря, что найдет. Тут ему в помощь приходит и народная мудрость, позволяющая «искать жену, пока не найдет. Выходить замуж, пока замужество не устроится» («Зуда ялайе – зуда тарйаллалц. Маре гIуо – маре тардаллалц»).

В форме стихотворения без названия «По дороге...» (большинство стихотворений Тауза Исса не имеют названий...) можно предположить покушение автора на симфонию «Про Любовь». В нем поэт в жанре легенды с элементами эпического сказа поведал о чистом и сильном чувстве, способном преодолеть любые земные препятствия:

По дороге
прямой, как экватор,
Ровно посередине Земли
Шел я к тебе.

В развернутой метафоре чеченского поэта почти дословно озвучен фрагмент сюжета из замечательной народной легенды о силе дружбы, где приговоренный к смерти (...) выживает от тепла костра, зажженного другом на дальней скале:

...Сквозь туннели, сумрачные и затхлые, // Выходил на замороженный берег моря, // Кто-то зажег мне на скалах // ночные костры. // Я, конечно, знал, что их зажегала // Ты». (С.37-38)

Там же можно уловить и отголоски горьковской легенды «Девушка и Смерть», где сама Смерть отступает перед силой чувства Девушки... Правда, герой Тауза, «опоздав всего лишь на мгновение», не застаёт возлюбленную в живых. Тем сильнее эффект завершающих строк, звучащих как обет перед лицом горькой, невозполнимой утраты: «И увидев тебя, // Буду все-таки, // Все-таки // Счастливы». Вопреки Смерти...

Общий эмоциональный настрой легенды Тауза, наполненный позитивной жизненной энергией, в совокупности с отмеченными схождениями, делает правомочным ее сопоставление с приведенными выше шедеврами, полными жизнеутверждающего пафоса, высокой духовности и нравственной красоты.

По идейно-эмоциональной значимости в «Пространстве души» особое место занимает тема Родины. Она у поэта очень личная, заветно-заповедная.

В стихотворении «Родина», написанном свободным стихом в перебивку с прозаическими вкраплениями, он обращается к Ней в форме письма к любимой женщине, но еще более трепетно и нежно:

«Ты для меня была слишком сокровенна // чтобы писать тебе...// Сколько раз на чужбине мне снились // твои горы Аргун твоё небо // Это были пронзительно красивые сны // но не красивее чем ты...// О тебе еще так мало сказано Родина // Я всегда боялся говорить о тебе // Мои невыплаканные слезы о тебе // пусть останутся со мной // Прости меня Родина // Прими мое одиночество» (С.103-104)

Тауз в поисках адекватных форм для выражения внутреннего мира своего лирического героя обращается к жанрам с открытыми параметрами: верлибру, белому стиху – без рифм, без строгого строфического деления текста и без знаков препинания – явление достаточно распространенное и в современной русской поэзии... Не всегда и не у всех авторов оно является небрежением к грамматике, а служит приемом для обхода структурных строгостей устоявшихся жанров, так как знаки препинания, куплеты, строфика и прочие атрибуты классического стихосложения им представляются излишней помехой «поток сознания», естественному выражению чувств, иначе говоря, стесняют свободу творчества.

Ориентация Тауза на поэтику символистов наблюдается также в частом использовании им «сплошного текста» и особенно в малых стихотворных формах: моностихе, двустишье...

«Муравьиный рассвет расплзается, // Тащит добычу – Солнце» (С.8). Или: «Я храню молчаливость // Над росписью лиц» (Там же). Или: «Окна наглухо зашторены черным. // Пожалуйста, дайте посмотреть ночь» (С.27). «В коленопреклоненном мире // Взойдет бунтующий закат» (С.51). «Перед тем, как предать себя, // Напиши письмо в свою юность» (С.70).

Как показательный пример символизма, историки литературы приводят замечательный моностих Валерия Брюсова «О закрой свои бледные ноги»...

Тауз тоже экспериментирует над однострочными стихотворениями (как у символистов): «Вечерняя звезда трубит покой» (С. 36). «Настанет день // когда меня не станет...» (С. 64). «Как прекрасна человеческое лицо» (С.90).

Было бы неправильно исключить из источников жанровых новаций Тауза образцы малых форм национального фольклора, сохранившихся как загадки, пословицы, поговорки, считалки, речевки, скороговорки, речитативы, частушки, задорные стихотворные пикировки с рифмами и без (род буриме) и др.

Общее впечатление от «Пространства души» как от посещения мастерской скульптора-монументалиста, когда работа по ваянию главного творения автора завершена, но еще не все леса убраны и еще не весь строительный мусор сметен...

Когда говорят пушки, музы молчат.

Пауза после «Пространства души» и новыми публикациями Тауза длилась более полутора десятилетия. Его произведения второго, можно сказать, абхазского периода увидели свет в Сухуме и Грозном уже после двух «чеченских» войн: «Путешествие в полдень» (Грозный, 2007 г.), «Линии» (Сухум, 2008 г.), «Горсть» (Грозный, 2008), «Грани»...

В них нашли отражение испытания, выпавшие на долю писателя, выбравшегося в числе оставшихся в живых соплеменников из-под «руин и завалов» на Берег приветливой Абхазии – Апсны – «Страны души», которая и сама еще не вполне оправилась от недавней братоубийственной войны...

Строки: «Из ада в сад, // Из сада в ад, // Из ада в ад.» («Линии». С.43.) – лучше всего передают внутреннее состояние лирического героя Тауза, который на фоне новых декораций – под новым звездным небом, где Млечный путь называется «Ассара рымья», у дружеского Берега, у Моря мечтал обрести мир и покой и «плыть в свою Атлантиду», но тиски «блокады», «блокпосты»,

«железные птицы» не дают забыть, уйти от тяжелых дум и воспоминаний.

Это время он фиксирует как «Время комет и молитв, // Безответных молчаний, // Пепла и горького хлеба, // Хулы и наветов, // Тоски и тоски» («Горсть». С. 12).

Травмированное сознание лирического героя, травмированное физической непреодолимостью реального зла, ищет выхода и спасения внутри себя, внутри «пространства души». Но это не тривиальное бегство от действительности. И, тем более, не стокгольмский синдром. Хотя налицо пораженческая психология гордого человека, не смирившегося перед очевидным поражением...

Тауз как бы погружается в разбалансированный мир души своего героя с тем, чтобы рассмотреть в ней новый ресурс для восстановления единой прежде картины его мироощущения... С этой целью он обращается к традиционным национальным идеалам, расширенным близкими по духу историко-культурными и духовными ценностями абхазского и других кавказских народов.

В посвящении «Л» перечислены главные из них:

Тобой, как Ангелом храним, // У стен священного Кавказа, // На берегу, в саду, Эдеме, // В блокаде, в нашем тихом доме, // На рунах волн и гор стопам, // Читал я письма и знаки, // Судьбы, Отечества, Видений. («Линии». С.45) [6].

В системе его образов-символов – Море, Берег, Атлантида – особое место занимают Горы. Картины и пейзажи Кавказских гор для смятенной души лирического героя создают атмосферу покоя и защищенности. Ведь в Абхазии они – те же горы его родной Чечни. Их продолжение.

«Меня воспитали Горы», – признался поэт в автобиографии. И он помнит традицию: «... Горцы, с Родиной прощаясь, // Горсть земли вшивают в шрамы» («Горсть». 51) [7]. Он знает: физические «шрамы» и, что особенно важно, «шрамы» душевные не страшны, когда с ним «горсть родной земли», когда не утрачена связующая с Родиной духовная связь.

Поэтому мысль об объединяющей общности «хребта единых гор» предполагает не только гарантию защиты для всех народов Кавказа, но вселяет надежду на всекавказское возрождение на основе единства духовно-нравственных и культурных скрепов.

Эта мысль воплощена и в стихотворении поэта «Вершины»:

Их бури и метели изваяли, // Лицом к лицу с вершинами стою. // ... Пока они стоят, мир будет длиться, // Как символы высокой красоты, // Они сияют, реют и зовут, // И стерегут покой и мир в сердцах. // Как хорошо, что есть они и будут, // Встать утром и увидеть их – награда, // Да здравствуют вершины в нас самих! // И те, что над горами пламенеют. // ... Уходит все, они стоят всегда, // Как самые высокие мечты, // Что в нас живут, напоминая нам, // Нас же. Однажды, сквозь череду событий, В нас тоже засияют – вершины. («Линии». С.12-13)

В оптимистическом в целом настрое стихов Тауза абхазского этапа заметно острее, чем в его довоенной лирике, проступают мотивы отчаяния и безысходности, особенно, в «сквозных темах» тоски и одиночества, порожденных неясностью и неопределенностью его статуса на новом месте: «кто я здесь, паломник, путник, сын...» («Горсть». С. 52.).

По-новому звучат и мысли о жизни и смерти, о бренности бытия и предопределенности судьбы. Теперь в них нет ни тени рисовки, или от желания показаться поэтом, предающимся на досуге отвлеченным философским размышлениям о вечности и бесконечности времени и пространства...

Думается, у героя Тауза был и особый мотив для драматических переживаний – это когда он, жертва и свидетель геноцида, пребывая в безопасном отдалении от схватки, где «кровь черкесская текла», ясно представлял себе масштабы происходящего в Чечне, с одной стороны, и, с другой, – трезво оценивал ничтожность собственных шансов для реального облегчения участи соплеменников...

Как вершина айсберга, так моностих поэта, которым открывается сборник

«Горсть», наводит на мысль о силе и глубине его переживаний, обусловленных непрекращающимся кровопролитием на его Родине:

Я рассказал морю, и море вскипело

Какой силы должен был быть эмоциональный заряд рассказа, чтобы «море вскипело»?..

Иносказание здесь призвано подчеркнуть силу чувств лирического героя, по своему накалу сравнимых со слезой лермонтовского Демона, прожегшей насквозь камень.

Автор не торопится раскрыть мотивы, вызвавшие у его героя столь острую реакцию. Чему у него могут быть свои причины, в том числе и порядка личной безопасности.

На этом этапе Тауз часто обращается к образам Тишины и Молчания. «Молчание» нередко персонифицируется как Безголосый.

О главном лучше молчать...//Молчать неумолкая... (Линии. С.14).

Иносказание как эффектное средство художественной выразительности используется автором в качестве приема подсказки, намек на факты и события, о которых «рано говорить» или «лучше молчать... молчать неумолкая».

Мучаясь от того, что не может определиться с дилеммой – «Борец, скиталец, узник и беглец», автор не договаривает, что для него «главное, о чем лучше молчать...».

Автор не углубляется в расследование причин войны и определение в ней роли «главных действующих лиц». Тем не менее, свой взгляд на войну как на абсолютное зло, как на страшное «стихийное бедствие» для народов он выражает прямо и открыто.

Ответ и на другой вопрос – почему все-таки «лучше молчать», хотя душа рвется «молчать неумолкая» – также не является тайной за семью печатями...

Литература:

1. Ж. «Вайнах», 2012, № 4. С. 38 – 44
2. Алироев И.Ю. Конференция Лермонтова в Грозном. Гз. МС № 51 от 3 июля 2013.С.3.
3. Тауз Исс. Чеченское солнце. – Грозный, 2014. С. 68.
4. Тауз Исс. Пространство души. – Грозный, 1991, С. 32. Впредь ссылки на это издание даются в тексте: в скобках указывается страница.
5. Тауз Исс. Чеченское солнце. С. 36.
6. Тауз Исс. Линии. – Сухум, 2008.
7. Тауз Исс. Горсть. – Грозный, 2008.
8. Тауз Исс. Грани. Эссе.
9. Тауз Исс. Имя Родины. Роман-Светологос. – Сухум, 2012. – 740 с.
10. Тауз Исс. Звезда Кавказа. Психологическая драма. Ж. Вайнах, №11 – Грозный, 2012. С. 59-75.
11. Тауз Исс. Кьилбаседа. Психологически драма. – В кн.: Нохчийн драматурги. IV том. – Соьлжа-Г1ала, 2013.С. 359-388. (На чеч. яз.)
12. Тауз Исс. Хьо ма да адаме. Пьеса-буффонада. Ж. Орга, №7. – Грозный, 2013. С.23-39. (На чеч. яз.)

Вахит Акаев**Экзистенциальные проблемы и культура:
от деконструкции к совершенствованию**

К экзистенциальным проблемам, с нашей точки зрения, относятся личностно и социально-психологическое, морально-нравственное состояние неуверенности человека, страх перед будущим. И такое состояние возникает в ходе разрушительных действий: природных и антропогенных катаклизмов, как-то: землетрясение, наводнения, космические воздействия, социальные конфликты, войны, ядерные испытания, различные формы клонирования и пр. Разрушительные антропогенные, социальные явления – это следствие бездумной и безответственной деятельности. В итоге такого, мягко говоря, культуротворчества, а на самом деле агрессивной деятельности, успешное будущее человека, как вида *homo sapiens*, подвергается глубокому сомнению.

Проявляя свою волю, человек преобразовывает не только природу, но и самого себя, создает условия, культуру, далеко не всегда соответствующие его нравственно-гуманистической сущности, определенной в Божественных заповедях. Деятельность человека, тем более современного, не может быть безответственной, подобные деяния оборачиваются против него. Она должна быть разумной, ответственной, просчитывающей, осмысливающей будущее детей, внуков, многих поколений, всего человечества.

Ответственность человека – важнейшая проблема экзистенциализма, составляющая основу его бытия. Французский философ-экзистенциалист Ж.П. Сартр считает, что человек, который сам себя создает, ответственен не только за свою индивидуальность, он отвечает и за всех людей¹. Созидание человека не должно быть направлено на разрушение ни природы, ни самого человека, человеческого. Он ответственен перед Богом, перед собой, перед человечеством за свои деяния.

Другой важнейшей проблемой экзистенциализма, сопрягающейся с ответственностью как ежедневной жизненной позицией человека, является проблема выбора. Эта проблема, имеющая духовный, социальный, нравственный аспект, всегда присутствует в бытии человека. Перед ним всегда возникает вопрос, что выбирать: себя или другого, хорошее или дурное, полезное или вредное, истинное или ложное, мужество или трусость, гедонизм или наслаждение? И он вынужден осуществлять свой выбор для решения жизненных, культурных, нравственных коллизий, без которых его существование не представляется возможным.

Вопрос о человеческом выборе всегда актуален. По мнению Ж.П. Сартра, «мы ни в коем случае не можем выбирать зло»². Выбор зла для человека всегда опасен, ибо такой выбор подрывает его существование, а потому никогда разумный человек на такой выбор не может пойти. Это отмечал в свое время и Сократ, считавший, что «не в природе человека по собственной воле желать вместо блага то, что считаешь злом». Действительно, человеческая природа такова, что человек стремится быть счастливым, а желание несчастья себе противоестественно для него.

Складывается парадоксальная ситуация: человек не выбирает зло и не хочет быть несчастным. Однако, не преодолено насилие, создается ощущение, что несчастье доминирует над счастьем. Многих людей не покидает ощущение тревоги, отчаяния, заброшенности. Но могут сказать, что многие другие люди не ведают тревоги. С точки зрения Ж.П. Сартра, такие люди «прячут чувство тревоги, бегут от него»³. Тревога есть даже тогда, когда ее умеют скрывать, и она называется тревогой Авраама. Суть

этой тревоги сводится к взятию на себя ответственности при совершении определенного действия.

Атеистически мыслящий экзистенциалист задается вопросом, разве не было в душе Авраама тревоги, когда он решился принести в жертву своего сына? Знал ли он, кто ему приказывал принести в жертву сына, ангел или сатана? Был ли он уверен, что поступает правильно? Но библейский сюжет показывает, как Авраам чудесно избавляется от жестокого испытания, поскольку беспрекословно подчинился трансцендентной воле. С точки зрения экзистенциалиста-атеиста, можно утверждать, что душевно-психологическое, моральное состояние Авраама не было безмятежным, оно, наверняка, испытывало глубокую тревогу.

Однако Авраам не сомневался, что Бог требовал от него принести в жертву сына Исаака. Богобоязненный Авраам проявил готовность выполнить Божью волю, но она была предотвращена голосом Ангела, остановившего взмах его ножа над отроком, которого он подготовил для принесения в жертву. Ритуал жертвоприношения все-таки состоялся через овна, посланного Богом и заменившего человека.

Для религиозного экзистенциалиста Бог существует, а потому вера в него – основа существования человека, смысл его жизни. Но, если Бога нет, то все дозволено? – ставил вопрос герой одного из произведений Ф. Достоевского. Бог умер, утверждал Ницше. В этом случае, в чем же тогда смысл существования человека? Не в том ли, что ты сам Бог и тебе все дозволено. Такой выбор человека и соответствующие деяния – угроза для самого человека и для всего человечества. Для Достоевского единственное спасение от зла – это нравственный стержень человека: если веры у человека не осталось, то от него можно ожидать всякое, причем он и сам не будет осознавать что-либо. Эту мысль русского мыслителя немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс интерпретирует следующим образом: в условиях отсутствия трансцендентного страха человек может потерять себя, лишиться свободы, вступить в царство черной злобы, не знающей гуманности⁴.

Подтверждением этих мыслей являются многочисленные примеры уничтожения людей в войнах, концентрационных лагерях, газовых камерах, террористических актах. Человек ежеминутно испытывает насилие, пытки, которые были известны и в прежние времена, но они сегодня умножились и усилились на основе новых технологий. Думается, прав К. Ясперс, когда он заявляет, что пытки страшнее атомной бомбы, ибо угрожают душе человека⁵.

Антибожественные, антигуманные деяния человека формируют у него чувство безысходности и непреодолимости их. К. Ясперс считает, что нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Их надо предельно ясно осознать, содрогаясь перед страшным будущим, быть может, человек способен его предотвратить. Через его осознание человек должен активно бороться с настоящей и грядущей опасностью. Нельзя забывать прошлое, надо все время напоминать о нем. Лишь знание способно предотвратить страшное будущее⁶, – считает К. Ясперс.

Бытие человека – это вечное производство материальных и духовных ценностей, удовлетворяющих его индивидуальные и социальные потребности, в том числе эгоистические. Это поиск своего места в природе, стремление возвыситься над ней, созидая и даже разрушая.

Страх перед силами природы, перед Богом сдерживал в человеке разрушительную экспансию. Трагизм, испытанный человечеством на протяжении тысячелетий и необходимость его преодоления, детерминирован в культуре народов Востока, сформировавшей религиозно-философские, нравственно-гуманистические воззрения, концептуально выраженные в буддизме, иудаизме, христианстве, исламе. В европейской культуре потеря страха перед Всевышним породила ситуацию вседозволенности, упад-

ка духовности, нравственного перерождения.

В условиях глобализации в восточных цивилизациях возникает противоречие между традиционными культурами и массовой культурой, ее сопровождающей. Влияние и доминирование массовой культуры для традиционализма с ее консервативными чертами, являющейся следствием рыночной экономики, потребительского общества, способствуют коррозии и даже переформатированию образа жизни этносов, их обычаев и традиций. По мнению В. Степина: «Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах»⁷. Массовая культура – эта унификация, деэтнизация традиционной культуры.

Глобализация, без сомнения, есть прогресс, экономический, технологический, но он глубоко затрагивает этнические культуры, традиции народов, их ментальные особенности и осуществляет их деконструкцию. Для традиционных этнических культур массовая культура разрушительна, смертельна. Сопrotивление этносов глобализации – естественная защитная реакция. Этнокультурные ценности, чтобы сохраниться в условиях глобализации, подвергаются адаптации, часто видоизменяясь. Но далеко не всегда этносам удается сохранить основы своего традиционного образа жизни.

В силу универсальности глобализации необходима новая культура, сберегающая, объединяющая все человечество и каждую его часть в отдельности на основе разума, гуманизма, нравственности, сохранения индивидуального и коллективного, этнического и национального, религиозного и светского аспектов человеческого бытия. Подобная ситуация представляется возможной на основе духовного, интеллектуального, социокультурного сотворчества, сосуществования религий и культур, народов, непрерывного осуществления диалога между ними.

Необходимость в таком диалоге хорошо понимали интеллектуалы, философы XX века, осмысливавшие ход и последствия двух мировых войн, приведших к гибели десятков миллионов людей и детерминировавших колоссальные разрушения в России, Европе и СССР. На базе анализа культуры разрушения и антигуманизма, остро поставивших проблему существования, балансирования человека на грани жизни и смерти, как интеллектуальная реакция возникла философия экзистенциализма. В ней как никогда актуализировались проблема жизни и смерти, поиск новых смыслов существования человека.

Смерть неизбежна – это понимают все, такому пониманию должен соответствовать и образ жизни современного человека. Но этот образ жизни не может быть легкомысленным и основанным на бездумном поведении, уж тем более на агрессивности, порождающих войны, разрушения. Рассматривая эту проблему, Мартин Хайдеггер размышляет: жить за тебя никто не будет, ты должен жить сам, и тогда твоя жизнь, твое существование будут подлинно человеческими. У западных экзистенциалистов вопрос, как жить, так и не получил ответа, удовлетворяющего всех.

В современных потребительских обществах умеренность, воздержанность сменяются беспредельным культом наслаждения, резко снижается порог нравственности; узакониваются однополые браки, проводятся гей-парады, выдвигается требование разрешить инцест. Такая социокультурная ситуация в определенной мере характеризует западную модель жизни и, по словам Эриха Фромма, она – проявление бездуховности, потери Бога, она деструктивна для человека. Эта социальная ситуация – показатель отхода от религиозной, общечеловеческой морали, следствие развития потребительского общества, достижения им высшего уровня деградации. А потому вопрос, как жить, приобретает особое звучание в современном мире и требует выявления новых смыслов, поиска новых моделей стратегий социокультурного развития людей и в целом человечества.

Вопрос, как жить, возникал еще в античной культуре. Найденный ответ был таким: жить нужно достойно, не паникуя, преодолевая жизненные преграды, веря в свои силы. Так, в языческой Древней Греции стоики и киники предлагали найти прочное разумное основание для нравственной жизни. Знающий человек должен был обладать добродетельным поведением и достигать блага, только в этом случае он мог становиться свободным и счастливым.

Хотя стоики и говорили, что человек свободен во всех ситуациях, но это, конечно же, далеко не так. Реагируя на это положение стоиков, К. Маркс в своей известной статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» пишет, что «сами люди делают свою историю, но делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁸. Обстоятельства прошлого и настоящего – ограничители свободы человека, его поведения, они формируют ответственные или безответственные отношения.

Острота экзистенциальных проблем показательна для современной западной культуры, они не менее актуальны для России, испытывающей глубокий культурный, духовный кризис, возникающий под воздействием модернизационных социально-экономических трансформаций и глобализационных процессов. Они находятся в основании бытующих религий и культур. Осознанно или неосознанно они возникают перед каждым человеком. И в этом состоит их общность, а поиск путей их решения ориентирует людей на созидание, терпимость, комплиментарные отношения, сотрудничество, сотворчество. К. Ясперс считает, что «жизнь почти всего человечества, доступная исторической памяти, религиозна; это – указание на истину и сущность, заключающиеся в религии, игнорировать которую невозможно»⁹.

В современном мире складывается парадоксальная ситуация: диалогу религий, культур, цивилизаций, совместному решению общечеловеческих проблем предпочитают социально-политические конфликты, войны, экстремизм, терроризм и пр. В связи с этим возникает вопрос, не означает ли это, что человечество идет к своей гибели? Чтобы предотвратить такой сценарий развития человечества, Эрих Фромм пишет, что «мы должны создать такие условия, при которых высшей целью всех общественных устремлений станет всестороннее развитие человека – того самого несовершенного существа, которое, возникнув на определенной ступени развития природы, нуждается в совершенствовании и шлифовке»¹⁰. Но совершенствование человека не представляется возможным без преодоления разрушительных тенденций как на уровне индивида, так и на уровне этноса, общества, самого человечества.

Экспансионистская деятельность человека создала цивилизацию, порождающую антагонистические противоречия, конфликты, продолжение которых неизбежно приведет к ее гибели. Как избежать такой печальный исход для человечества? Для этого имеются различные сценарии. Но один из них принадлежит Эриху Фромму, предлагающему следующий рецепт: достижение людьми подлинной свободы и независимости, искоренение любых форм угнетения, а после приведение в действие такой силы, как любовь к жизни, являющейся, по его мнению, единственной силой способной победить влечение к смерти¹¹.

Поскольку человеку не избежать смерти, то он должен научиться встречать ее достойно. В различных религиозных культурах имеются соответствующие отношения к жизни и смерти. Так, одно из экзистенциальных положений ислама утверждает: живи, работай так, как будто бы ты никогда не умрешь, но знай, что смерть поджидает тебя в каждый миг!

Человек всегда созидает, утверждает, творит. Одновременно он устремлен к ничто, концу, смерти. И здесь возникает проблема соединения куль-

туры и экзистенции как разноориентированных векторов бытия человека. Но жизнь человека такова, что это противоречие всегда преодолевается. Люди живут, созидая, разрушая и умирая. При этом важно осуществление культуротворчества, направление их энергии на созидательные процессы, преодоление агрессивности, совершенствование условий бытия человека и индивидуально-личностное духовное возвышение.

В этой программе развития человека, завершения его жизненного пути важное место занимает глубокое осознание им смысла его бытия. А это сопряжено с выполнением пророческих заповедей, преодолением зла, греховных поступков, духовным совершенством, познанием Бога.

Совершенствование человека – это преодоление факторов, его разрушающих, укрепление его здоровья, создание условий для творческого труда, отдыха, преодоление враждебных конфликтов, установление справедливых социально-экономических, финансовых, межнациональных отношений, утверждение гуманизма. Это и создание условий для устойчивого развития человечества на земле, осознание того факта, что без такой стратегии оно не преодолеет риски и угрозы, которые непрерывно подвергают его испытаниям.

Решение экзистенциальных проблем во многом зависит от эффективной деятельности бытующей власти, созидательной социокультурной деятельности самих людей, осознавших свое единство, уникальность, необходимость стратегии устойчивости и непрерывного совершенствования человека, общества.

Эта древняя идея, она и современна. Ее реализация предполагает нового человека – разумно-деятельного, свободного, ответственного, культурного, духовно возвышенного, преодолевшего насилие и зло.

¹ Сарг Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 324.

² Там же.

³ Там же. – С. 325.

⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. - С. 160.

⁵ Там же. – С. 161.

⁶ Там же. – С. 163.

⁷ Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 262.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. – С. 119.

⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. - С. 457.

¹⁰ Фромм Эрих. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. - С. 26.

¹¹ Там же.

Аюб Джунаидов**Сельские сходки**

*Беспощадна судьба, наши планы круша,
Час настанет – и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеши.*

Омар Хайям.

Цивилизация – определенная ступень развития человеческого общества, его материальной и духовной культуры. (Толковый словарь профессора С.И. Ожегова).

Современная жизнь насыщена всевозможными «модностями» века. Дистанционное управление, спутниковая навигация, интернет – это гениальное достижение человеческого интеллекта. Эти новшества цивилизации весьма облегчили повседневную жизнь современного человека, некогда полную забот и тревог. Люди общаются меж собой, находясь на разных континентах. Полет людей в космос со сложными программами давно перестал удивлять человеческое воображение. Одним из удивительных достижений человеческого разума является трехмерное пространство. Отцовские и дедовские времена уже вышли из моды, они остались, как говорится, за горами. Эти времена не доступны для восприятия современной молодежи. Молодежь склонна к игнорированию тех посылов, которые являлись неоспоримыми постулатами для их предшественников. Стремительный бег времени меняет облик нашей эпохи.

Все было иначе. Пахали и сеяли, жали и косили, ели и пили, радовались и скорбели, рождались и умирали. Жизнь, независимо от нашего воображения, развивалась, следуя законам эволюции. Конечно, были трудности и лишения. А преодолевать их – это и есть в каком-то смысле жизнь. Успех всегда сулил радость! Радость пробуждала инициативу и энтузиазм. Жили, наслаждаясь жизнью.

Вернемся мысленно на десяток лет назад, т.е. в эпоху, когда отсутствовала мобильная телефонная связь, в ту эпоху, когда на заре новых свершений в одной из своих «пленарных» речей перед студентами по поводу мобильной связи первый Президент Чеченской Республики А.А. Кадыров говорил: «При наличии мобильной связи облегчится наша жизнь. Если мы на первом этапе, скажем, закупим 40 тысяч мобильных телефонов для студентов, то это означает, что 20 тысяч студентов-девушек смогут сказать «мама, я доехала», 20 тысяч молодых ребят смогут сказать с большого расстояния «папа, я еду домой». Ведь это же прекрасно!»

40-50 лет назад была совсем другая жизнь. Погружаясь в детские и юношеские воспоминания, попробую воспроизвести картину тогдашнего села.

В Турти-Хуторе было всего несколько радиоприемников. Возможность смотреть телевизор почти отсутствовала. Если в доме и был телевизор, скажем, иронизируя, то он, по большей части, служил лишь в качестве осветительного прибора. Что такое телефон – представление имели лишь с десяток людей. Керосиновая лампа – верная подруга, как «маяк» для ночного визитера, тлела на подоконнике хуторского обывателя. Но люди и тогда жили в мире и дружбе. С большим энтузиазмом и вдохновением. Жили в тесном общении друг с другом, совершая визиты друг к другу, даже в самые отдаленные районы республики. Владели информацией, вводящей в курс событий политической жизни и повседневных будней.

Информацию добывали по-разному и оповещали о новостях также по-своему.

В селе существовало несколько точек для схода (пхьобха). Один из таких сходов назывался зIарие тIе (на местном говоре – заIрие тIе). В центре верхней части (хьалтIе) и собирался этот сход.

Здесь раньше начинались угоды коллективного хозяйства, и, естественно, стояли «ворота», что по-нашему называется зIар. Отсюда видны все «микрорайоны» села: охьачу, дехьаюккье, тIехьа ирзе, Мусин корта. С этой возвышенности можно наблюдать за всякими передвижениями людей в селе и скота на пастбищах. Также видны отсюда «сходки» на возвышенности «Хучин гу» и в центре «охьа-чу». Вечером после трудового дня сюда стекались люди всех возрастов. Мужчины постарше оповещали о новых событиях, о перспективах и намерениях, о новостях всей округи, указывая на источник информации (т.е. того, кто сообщил). О чем-либо срочном и неотложном сообщали друг другу, перекрикиваясь с высоты на высоту. Для срочных объявлений в селе существовали специальные глашатаи, обладающие специфическим даром голоса. О предстоящих общественных мероприятиях, таких, как: сельское колхозное собрание, благотворительная работа по благоустройству села, по ремонту грунтовых дорог после ливня, кладбищенской ограды, по завершению затянувшейся сельскохозяйственной кампании, где требовалось участие всех, кто воспитан в духе коллективизма и братства, – получали оповещение с высоты Хучин гу.

Это была древняя традиция села. Это был образ жизни. От него остались лишь воспоминания. До позднего вечера не расходились собравшиеся. На ту или иную «сходку» отправляли в «командировку» своих делегатов для обмена информацией. Эта информация ночью обсуждалась почти в каждом доме. Для лиц, не имевших возможности принять участие в той или иной «сходке» по разным причинам (престарелый возраст или болезнь) информация тут же доставлялась на дом. Сход ни в коей мере не рассматривался как повод для обсуждения последних сплетен (паметка для современной молодежи). Это была такая форма наполнения информационной корзины селян, каждый из которых являлся неотъемлемым звеном единой цепи. Каждый из селян рассуждал, преломляя всякую информацию через призму своего воображения. Рождались мысли, мнения и версии. В их множестве встречались и «анархистские», враждебные общественному мнению. Они, естественно, отклонялись в пользу единомыслия. Таким образом, готовился материал для очередных «сходок», где собирался любознательный электорат. Слово для вынесения заключительного вердикта оставалось за почтенными аксакалами.

Не только о новостях говорили на подобных встречах. Шутили, смеялись, радовались. Здесь собирались и для приветствия священного месяца Рамадан. Все охотники собирались сюда с ружьями и пальбой в воздух оповещали о начале месяца уразы. Совсем недавно был такой случай. Поостреляли, как говорится, кто сколько смог. После пальбы холостыми рядами на площадке осталось валяться очень много бумаги, т.е. пыжей, которыми набивали порох. Среди собравшихся был известный сельский остряк Лом-Гела, который любил «дразнить» всех подряд.

– Смотрите все! Здесь только ружье Наиба и стреляло, а наши, я вижу, осечку давали! – выкрикнул он.

Забегая вперед, скажу: Наиб тогда учился на заочном отделении Алагирского лесного техникума.

– Не верите – смотрите внимательно! На каждом клочке бумаги: Мусаев Наиб. Контрольная работа – Два! Мусаев Наиб. Контрольная работа – Два!

Подобные сходки квалифицировались как местные информационные центры. Они по своей значимости не уступали местным средствам массовой информации. Они были жизненно необходимы. Если оглянуться в

прошлое глазами современности, это может казаться «отстоем». О смерти родственников, о чрезвычайных случаях, о намечающейся свадьбе и т.п. сообщали в отдаленное село, посылая гонца. Иногда он возвращался спустя несколько дней. Бывали случаи, когда о смерти родственника люди узнавали спустя несколько месяцев. Для обмена информацией окружного масштаба создавались центры, куда стекались жители разных сел района.

Для нашего округа местом и временем для подобных сборов служил воскресный базар в селе Саясан. Этот базар посещали жители сел Беной, Энгеной, Рогун-Кажа, Гендерген, Совраги, Хочи-Ара, Аллерой, Бешил-Ирзу, Девлатби-Хутор, Гансолчу, Исай-Юрт, Макси-Хутор, Шуани, Чари-Мохк, Гордали, Хашти-Мохк, Центарой. Наше село также «делегировало» своих жителей.

На Саясановском воскресном базаре существовали хорошие условия для торговли разной живностью, продуктами сельского хозяйства, одеждой, мелкой мебелью – словом, всяким «ширпотребом». У моста через реку Аксай на окраинной части села, которая является административным центром Саясана, вдоль центральной дороги и собирался воскресный базар. Подобные базары издавна считались уникальными центрами для общения и взаимодействия окрестных сел. Люди сюда приходили с различными намерениями: кому-то нужно передать весточку родственникам в другое село, кому-то нужно переправить детей с кем-либо, кто-то должен объявить о пропаже живности (лошади или коровы). Здесь был специально построенный холм (барз), куда поднимался глашатай и во весь голос озвучивал суть объявления. Скажем, такого содержания: «Люди, слушайте внимательно! Из Гордали пришли люди. Пропали две лошади, одна черная, вторая красная. Если кто знает о них что-либо, сообщите в Шуани человеку по имени Индарби или в Саясан – Нурмагомеду...».

Другие объявления: «Есть ли из Энгеной человек? Пожалуйста, подойдите сюда! Нужно бумагу передать!...». Чуть дальше по берегу Акса на живописном месте находилась чайная, которая называлась «Къосаман чайхане». Нынче от нее ничего не осталось. Она была сделана на среднеазиатский манер: в помещении стояли тахты, покрытые узорчатыми войлоками. В основном ее посещали старики.

Во дворе чайханы были сооружены специальные коновязи. Сидя на тахте, чинно и не спеша, проводили беседы, распивая чай. Шутили, рассказывали комичные истории, смеялись. Особенно интересно проходила встреча, если здесь присутствовал Дауд Джамуев. Кто только его не знал, этого юмориста и остряка из Нижнего Исай-Юрта.

Частым посетителем данного заведения был и мой дедушка – Джунай. Для поездки на воскресный базар с другими сверстниками он готовился еще с субботы. После чайханы все разъезжались по селам и хуторам, спеша доставить в село неотложную информацию. Я помню, как дедушка в течение следующей недели рассказывал все новости соседям и друзьям, которые приходили к нему «просвещаться». Юнуев Шаарани, Солтамурадов Джунай, Ибрагимов Джунай, Эсуев Ахъяд, Абуев Исламха, Байтамиров Алимсолта (Монча), Элибаев Мохмад-Хажи, Очерхажиев Абдулмуслим, Абуев Исхак, Хатамаев Бати, Собуралиев Сумма, Бечуркаев Гойтука, редко Кункуев Умалхъат и многие другие – вот они поочередно и посещали Саясановский «центр» координации и распространения информации. К ним примыкали также всадники из Гансолчи: Дошкуев Исрахим, Джабраилов Абу, Тимербулатов Матта, Абдулхалимов Хасмагомед, Муцуев Махьмадхъаьжа, Косумовы Махьмуд и Мохьмад, Даудов Магаз, Гехаев Яхья, Куржилов Езд, Дениев Мохьмад и Адам и многие другие наши старцы. Те, на ком держался общественный порядок, те, которые создавали и подпитывали дух и настроения местного населения. Те, кто проявлял заботу и обеспечивал этнические и родовые ценности округи, для которых безразличны святые требования шариата и адата, люди,

представлявшие цвет и совесть вайнахских гор. Это было не безделье, не пустое времяпрепровождение. А было это стремление занимать активную жизненную позицию. Подобные сборы способствовали приобретению информации. Со следующего дня старики уже начинали свои визиты в другие хутора, согласно полученной информации: кто-то на мовлид, кто-то на соболезнование, а кто-то навещал больного и т.д. Основным транспортом, как мы знаем, были лошади. Группа из 15-20 всадников, как правило, выезжала из нашего села. Вот так продолжалось из поколения в поколение.

В поисках информации регионального масштаба ездили обычно в Дагестан или Гудермес. В Хасав-Юрт ездили по пятницам, чтобы совершить пятничное богослужение.

Таким образом, как ни смешно и ни «дико» это может быть воспринято нашими юными потомками, это была полная человеческого достоинства жизнь. Выше нами было приведено логическое рассуждение: прошлое первично, а настоящее вторично. Чтобы стать достойными современниками, нужно уметь уважать и ценить дедовское прошлое. «Гражданин не может состояться в человеке, оторванном от корневой системы своего народа. И потому все воспитание молодых – от букваря до вузовской скамьи – надо пронизать действенной хозяйской привязанностью к Родине и ее природе, ко всему, что составляет дедовское наследие, на чем лежит отпечаток мечты и золотых рук наших гениев», – писал Л. Леонов. Как бы им тяжело ни приходилось, наши предки сумели жить, растить потомков, беречь традиции, кристально чистые нравы и обычаи.

Научно-техническая революция, прогресс и цивилизация «ворвались» в наш быт, разнеся в пух и прах дедовские устои. Достижения человеческого разума позитивно изменили жизнь во всей вселенной. Спутниковое вещание, космическая навигационная система, мобильный телефон и интернет – все это неоценимые плоды человеческого разума! Бурный рост лексического потенциала наблюдается каждый день: СМС-ка, ММС-ка, чип и чат, сайт и файл, блютуз, ик-порт, модем, адаптер... Сколько новых слов «безадресного» происхождения?! Они уже проникли в самый активный лексический запас чеченского языка, чувствуя себя вольготно в семье неологизмов, историзмов и вайнахских архаизмов. Развращающими элементами пополняется наш гардероб. Нескончаемым потоком сыплется информация из всех новомодных источников. Телеэкран неустанно демонстрирует все «прелести» цивилизации. Современный прогресс порой приводит к абсурдным ситуациям. Приведу интересный пример – то ли быть, то ли «черный юмор» в духе современности.

Муж с женой решили отдохнуть, только муж на курорт приехал на день раньше. Приехал, снял номер. В комнате был компьютер с выходом в интернет. Решил написать жене, которая завтра должна приехать. Но адрес набрал неправильно – ошибся на одну букву. Получилось, что он написал другой, женщине-вдове, которая сегодня похоронила мужа. Вдова решила проверить почту. Там было несколько сообщений с соболезнованиями и одно сообщение с заголовком: «Моей жене, которая пока еще дома». Заходит сын вдовы к маме в комнату. Видит: мама сползает со стула, бледная. Сын смотрит в монитор, а там сообщение: Дорогая! Знаю, что ты не думала, что я напишу тебе, но, оказывается, здесь есть интернет! Только хотел сказать, что добрался нормально. Зарегистрировался. Готовлюсь к твоему прибытию. Надеюсь, ты доберешься без происшествий, как и я! С нетерпением жду! P.S.: Здесь жарко!

Глобальные сети, вкусное импортное питание, синтетическая одежда, как пиявки, сосут наше здоровье, заражая нашу кровь. Сайты и чаты туманят наш разум, заменяя реальный мир виртуальной материей. Тлетворное влияние интернета проникает в наши души. Мы идем на поводу у цивилизации, становясь ее жертвами. Здоровый образ жизни, унаследованный нами от дедовской эпохи, превратился в безобразное существование. Мы,

здоровое племя, унаследовавшее чистоту духа вайнахского рода, «сеем» и выращиваем патологически непристойное потомство. Нас душит нехватка всего на свете и необузданная алчность. На чужое горе наши глаза не рожают слезу. Счастье близких пронзает завистью наши эгоистичные души. Мы становимся тверже и жестче. Сами себе неинтересны. Инфаркты и инсульты, диабет и стрессы стригут наши ряды. Человеческое сознание изобрело громадный бумеранг, который так и вырывается из рук, вызывая угрозу скорого апокалипсиса. Для нас тесны просторные кабинеты. Мы не умещаемся на битумных поверхностях автомагистралей. Наши железные кони ржут от бешенства, устремляются в неведомую бесконечность, перепрыгивая друг через друга, выбрасывая «мелочь» на обочину. Необузданные скакуны, бесясь от жиру, бьются лбами, разбивая вдребезги страстных седоков своих. Нас одолевает самомнение. Мы склонны к неосознанному и нелепому подражанию. Нами двигают понятия: колеса, ствол и тонировка. Почему нынче «зелень» заменяет всех друзей? Почему в нашем мире все продается и покупается? Почему свадьба и веселье на четной стороне улицы проходят параллельно с плачем и скорбью в несчастной семье на стороне нечетной? Почему от их несовместимости не содрогаются сердца всех остальных?.. Нет!.. Это не по-чеченски! Это не по-людски! В чем дело?! Да в том и дело, что мы в погоне за суетой сует мало взираем в небеса, обращая свой взор в вечную обитель Всевышнего Аллаха. На нас не действуют предупреждения и предписания, назидания и просьбы. Взяв под личное внимание эти вопросы, Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, неустанно заботясь о благополучии наших граждан, бьет тревогу, призывая к богобоязненности. Благодаря проводимой им политике обращения к духовным истокам вайнахского этноса, отмечается положительная тенденция морально-нравственного оздоровления нашего общества.

Саламбек Алиев**Чехов на чеченском**

На вопрос приятеля – куда ты? – я ответил: в театр. Приятель удивился: ты же не любишь театр! Да, я не люблю театр... Я лишь однажды, в разгар всесоюзной перестройки, от начала и до конца и на одном дыхании посмотрел спектакль под названием «Маршо я 1ожалла» («Свобода или смерть»), где звездный состав чеченской труппы во главе с Дагуном Омаевым воссоздали картины Кавказской войны XIX века. Что это было! Чуть позже я услышал (или прочитал) словосочетание «культурный шок»... Да, это был культурный шок, у меня до сих пор на слуху окрик Байсангура Беноевского (Дагун Омаев) вослед уходящему в русский стан имаму Шамилю: «Юхаверза, Шамал!» («Вернись, Шамиль!»). Конечно, на этом мои театральные изыскания не завершились. Как-то в одном из провинциальных городов России (тогда еще СССР) я попал на представление «Волоколамского шоссе» по Александру Беку. И, как говаривал мой школьный учитель физики: О Господи! Там артисты настолько картинно-картонно сражались и умирали, что я не досмотрел, а после подумал: если бы там тогда так же воевали, как вы здесь играете...

Но в тот вечер на сцене Чеченского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова молодежный театр «Серло» (художественный руководитель – заслуженный деятель искусств ЧР Хава Ахмадова) показывал Чехова и сходить на него у меня было несколько причин. Во-первых, чисто читательское предпочтение: Чехов – один из немногих авторов, не только однажды прочитанный, но и перечитываемый. Во-вторых, эстетическая и фонетическая сторона: было интересно узнать, как же он, Чехов, будет «звучать» на чеченском языке. В-третьих, любопытство по части креативности режиссера-постановщика, так как Чехов был заявлен не как драматург («Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры» и т.д.), а как мастер остросатирической новеллы (в основу постановки были положены пять рассказов: «Смерть чиновника», «На даче», «Толстый и тонкий», «Хирургия», «Хамелеон»). Меня снедал вопрос – как? Как все это будет происходить? Как режиссер воплотит и объединит на сцене попури из пяти рассказов в единый спектакль как художественное действо? Неужели все это будет смахивать на школьный капустник, напоминающий лубочное представление со сменой артистов и декораций? Не случится ли так, что замахнулись на Антона, понимаете ли, нашего Чехова рублем, а удар получится копеечный?.. Пока я перечислял в голове все риски, в зале погас свет, а через некоторое время луч софитов выхватил на сцене человека, который развеял все мои сомнения относительно предстоящего фиаско в пользу триумфа – это был Чехов Антон Павлович собственной персоной. То есть это был народный артист Чеченской Республики Мовсар Атаев в образе классика мировой литературы. И это было сверх гениально! Как мне кажется, данная режиссерская «находка» во многом определила успех спектакля. Франтоватый Чехов (Атаев) с тросточкой в руках в продолжение всего вечера появлялся на сцене, предворяя каждое представление-рассказ экскурсом-монологом на тему «О люди, вы все так же и то же!» И даже два раза чуть не свернул шею зрителям – в паузах между переходами от одной сцены-рассказа к другой Антон Павлович явил себя с высоты то правого, то левого балкона. Чехов «на Чехове» расставил все точки над «i» – все настолько гармонировало, что невозможно было представить другой сценарий, и в итоге получилось линейно и очень оригинально. А сам Атаев настолько убедительно играл чеченского Чехова, что трудно было поверить, что Антон Палыч разговаривал еще и на каком-то другом языке, кроме чеченского.

Но если Атаев (Чехов) давно известен в театральных кругах не только нашей республики и имеет солидный багаж перевоплощения, то весь остальной состав артистов представлял собой сплошь молодых. А как же иначе, театр-то «Серло» молодежный! Некоторые из артистов буквально вчера окончили актерское отделение ЧГУ (Тимир-Булат Хасанов), а некоторые до сих пор учатся (Улабаева Зарема, Кадыров Минкаил), Мезиева Фатима вообще заканчивает отделение журналистики. Но! Как они «притворялись»? То бишь лицедействовали! Как тонко и филигранно прожил и умер чиновник Червяков (Бибулатов Юсуп), как живо и с экспрессией «человек семейный и положительный» Павел Иванович Выходцев (Умаев Рамзан) побегал по амурным делам, как естественно и непринужденно корчился от боли Вонмигласов (Тимир-Булат Хасанов)... Лишь единожды в сценке «Толстого и тонкого» тот же Тимир-Булат Хасанов, сыгравший роль Порфирия (Тонкий), не столько даже переиграл, сколько не смог в полной мере войти в образ: наличия одной только внешней («тонкой») фактуры было недостаточно, «тонкость» требовалась изнутри.

Спектакль поставлен молодым режиссером театра «Серло» Анзором Музаевы. Художник – Абу Пашаев. Перевел рассказы А. Чехова на чеченский язык известный чеченский писатель и поэт Абу Исмаилов.

Спектакль состоялся. Спектакль имел успех у зрителя – на всем его продолжении зал взрывался от смеха, зал оглушали аплодисменты. Чехов «по-чеченски» был гармоничен и остер.

Звезда по имени Солнце

Сколько народов, столько и солнц – пуэрто-риканское солнце, немецкое солнце, русское солнце... Если вспомнить навскидку, одна из русских солнечных «приватизаций» в известном белогвардейском романсе звучала так:

*Ах, русское солнце — великое солнце,
Корабль-император застыл, как стрела...
Поручик Голицын, а может, вернемся?
Зачем нам, поручик, чужая земля?*

Подобные или даже оригинальные солнечные персонификации, наверняка, есть у каждого народа. Мы не отстаем. В этом году под эгидой Союза писателей Чеченской Республики в издательстве «Грозненский рабочий» вышел сборник эссе чеченского прозаика и поэта Тауза Исса под названием «Чеченское солнце». В книге собрана эссеистика Т. Исса разных лет. Некоторые из этих материалов публиковались в нашем журнале, какие-то в других периодических изданиях республики.

Презентация «Чеченского солнца» прошла в Национальной библиотеке имени Абузара Айдамирова. Гостей было немного, но порядочно. Рядом с автором сидел доктор наук, литературовед Хасан Туркаев. Он говорил долго и обстоятельно о книге Тауза Исса. Потом слово передали автору. Вместе со словом – вопрос-предложение рассказать о книге: как и зачем все это писалось? Тауз ответил, что это мысли на распутье, внутренний диалог и, в первую очередь, попытка ответить самому себе на волнующие его вопросы.

Слова говорили Мурад Нашхоев (журналист), Зура Итсмиолорд (писательница), Макка Янгильбаева (сотрудница Нацбиблиотеки), Казбек Гайтукаев (литературовед), Машар Айдамирова (писательница) и др. Мурад Нашхоев хвалил. Зура Итсмиолорд не просто хвалила – сравнила с Эрнестом Хемингуэем. Что именно у Тауза от Хемингуэя, она не уточнила, но сказала-отрезала: «Говорю вам как профессиональная переводчица». Восторг Макки Янгильбаевой вылился в прочтение отрывка из эссе

«Образ тишины»: «Бродяга тополиный пух – дитя тишины, это ребенок, разбуженный среди лета и отправленный в дорогу, в никуда. Его движение, пластика подобны движению человека, идущего в кромешной тьме наощупь, или же человека, ищущего дорогу в громадном Лабиринте, откуда нельзя выпутаться, а если еще точнее, беспомощная походка тополиного пуха напоминает слепого человека, идущего по наитию». В этих прозаических словах поэзии больше, чем в некоторых поэтических строчках, но вот слово «походка»... Уж больно громоздко и тяжеловесно оно, как мне кажется, для воздушного и невесомого тополиного пуха.

Еще во вступительном слове к данной книге Машар Айдамирова написала много чего хорошего и теплого. Изустно Машар говорила все так же, но другими словами.

Казбек Гайтукаев перевел разговор на более профессиональные рельсы – в контексте творчества Тауза Исса диспут зашел в целом о чеченской литературе прошлого и настоящего. Хасан Туркаев предложил заложить традицию – устраивать литературные вечера, говорить и говорить о ней самой – Литературе. В целом свободно и непринужденно прошла презентация.

...Два года тому назад у Тауза Исса вышел роман «Имя Родины». Сейчас вот сборник художественно-культурологических статей, эссе, воспоминаний, притч... В промежутке между двумя книгами – регулярные публикации стихов, а также драмы «Звезда Кавказа» в журнале «Вайнах». Ознакомившись пристально с творчеством писателя, для себя заметил, что мне кажется излишней некоторая публицистичность его художественной прозы, но очень по душе художественность его публицистики. Вместе с тем он остается поэтом даже в прозе и беллетристом в газетно-журнальном жанре. Если говорить о пафосе (от греч. *páthos* — страдание, чувство, страсть), то все творчество Тауза Исса – это боль за многострадальную Родину, это нескончаемый поиск истины, это тоска по настоящей традиционной жизни чеченского общества.

Книжные новинки**«Чечня у нас только одна...»**

В начале 2014 года в издательстве «Грозненский рабочий» при содействии Союза Писателей ЧР увидел свет сборник поэтических произведений Хакима Аболханова на чеченском языке «Нохчийчоь цхьаь бен яц вайн» («Чечня у нас только одна»). В него вошли стихи, написанные поэтом в разные годы, и поэма «1аьржа йовлакх» («Черный платок»).

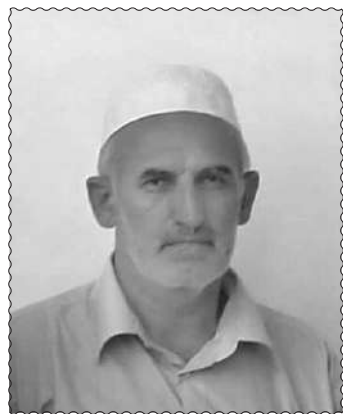
Хаким Аболханов – известный в республике журналист. Удостоен званий «Заслуженный работник культуры ЧР» и «Заслуженный журналист ЧР». Член Союза журналистов России и с 2010 года – член Союза писателей России.

В сборник вошли 63 стихотворений (гражданская, любовная лирика, из них 23 – четверостишья) и поэма. Это первая книга стихов Х. Аболханова, хотя читателям он известен задолго до ее выхода: стихи

Хакима регулярно публиковались республиканских газетах и журналах («Даймохк», «Орга», «Вайнах»), а также в коллективных сборниках поэтов Чеченской Республики.

Редакционная коллегия журнала «Вайнах» искренне и от души поздравляет автора с выходом дебютного сборника, и желает ему дальнейших творческих успехов.

Саламбек Айдамиров

К нашим иллюстрациям**Художник и гражданин**

Ильясов Адам Ансарович – человек поистине уникальный. В народе о таких людях сказано: талантливый человек талантлив во всем. Художник, поэт, профессиональный фотограф, педагог... Адам Ансарович родился 26 октября 1951 года в городе Сулюкте Киргизской ССР. В 1958 г. поступил в Шуанинскую среднюю школу Ножай-Юртовского района ЧИАССР. С 1960 года продолжил учебу в Новогрозненской средней школе Гудермесского района. С 1969 по 1975 учился в Дагестанском художественном училище. Работал при Министерстве торговли ЧИАССР. В октябре 1975 г. поступил на работу

преподавателем рисования Гудермесского педагогического училища. С октября 1976 г. по 1979 г. работал преподавателем детской художественной школы г. Гудермеса. С января 1979 г. по 2012 работал директором (Новогрозненской) Ойсарской детской художественной школы. Наряду с общественной и преподавательской деятельностью Адам много времени отдает и собственному творчеству. Выставки его картин и фотографий проходили во многих городах России и за рубежом.

Указом Президента Российской Федерации от 27 июня 2007г. за заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

В 2012 г. Адам Ильясов награжден почетным знаком «За развитие культуры ЧР».

На обложке номера представлены следующие работы художника: 1 стр. «Домбай», 2 стр. «Тазбичи», 3 стр. «Поляна», 4 стр. «Натюрморт с розой».

Хадид Алиев

Сведения об авторах и переводчиках

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (2007) детского журнала «СтелаИад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки.

Казбек Гайтукаев (1937). Окончил Чечено-Ингушский государственный пединститут. Кандидатскую диссертацию («Тема Кавказа в русской литературе 30-гг. XIX века») защитил в Тбилиси; занимал должности зав. кафедрой русской литературы ЧГУ и ЧГПИ, декана филфака ЧГПИ; в 1994 г. ученым советом ЧГПИ избран профессором. Автор многочисленных научно-исследовательских трудов в области литературных и культурных связей, популярных статей и обзоров по творчеству местных писателей и русских классиков.

Али Зармаев (1950). Родился в Казахской ССР. Окончил плодоовощной факультет Московской сельскохозяйственной академии им. К. Тимирязева в 1973 году. В настоящее время является замдиректора Агротехнологического института, зав. сектором АН ЧР. Академик, доктор с.-х. наук, профессор. Заслуженный работник с.-х., лауреат Премии Правительства РФ; засл. Деятель науки ЧР. Пишет стихи, очерки, эссе; пробует себя в прозе, занимается художественной фотографией. Автор четырех поэтических сборников: «Обо мне и о тебе» (Нальчик, 2006), «И снова о нас» (2013, Грозный), «Как разнообразен этот мир» (Грозный, 2013), «От встречи к встрече» (Грозный, 2013).

Валид Докаев (1968). Родился в селе Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве зам. редактора в газете «Кавказский дом» (1995 – 1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в газете «Красная звезда».

Асхаб Алиев (1992). Родился в Грозном. Студент факультета экономики и управления ГНГУ. Стихи пишет со школьных лет, пробует свои силы в прозе. Публикует свои произведения в Интернете, в журнале «Вайнах».

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.). Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задуло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Марем Нохчиева (псевдоним). Журналист, поэт. Автор сборников «Земля чеченская» (2006), «Другое измерение». Материалы автора неоднократно публиковались в журналах «Вайнах», «Орга», в газете «Вести республики».

Ася Умарова (1985). Художник, писатель, журналист. Стипендиат Министерства культуры России в номинации «Молодые таланты. Проза» за 2012 год. Публикации в литературных журналах: «Юность» (Москва), «Дружба народов» (Москва), «Флорида» (США), «Звезда» (Санкт-Петербург) и др. Участник Форума молодых писателей России и стран зарубежья в Липках (2012) и Совещаний молодых писателей Северного Кавказа в Махачкале и в Грозном (2012, 2013). Дипломант конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011).

Вис-Али Эбиев (1979). Прозаик, поэт, художник. Родился в с. Ахкинчу-Барзой Ножай-Юртовского района. Окончил (2004) Башкирский пединститут (художественно-графический факультет). Участник 5-го Совещания молодых писателей республик Северного Кавказа (РСО-А, Цей, 2011). Публиковался в сборниках «Бег от времени» (Нальчик, 2011), «Новые имена» (Москва, 2012), журналах «Вайнах», «Октябрь».

Вахит Акаев (1952). Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. Ученый, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, доктор философских наук, профессор.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и
в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.